

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ
УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ
РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ»

На правах рукописи

ГНАТЮК ЕКАТЕРИНА ОЛЕГОВНА

**СУЩЕСТВЕННОЕ ИЗМЕНЕНИЕ ОБСТОЯТЕЛЬСТВ В РОССИЙСКОМ И
АНГЛИЙСКОМ ЧАСТНОМ ПРАВЕ**

Специальность 5.1.3. – частно-правовые (цивилистические) науки

Диссертация на соискание

ученой степени кандидата юридических наук

Научный руководитель

Иванова Татьяна Николаевна

кандидат юридических наук,

доцент

Москва, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава 1 Институт существенного изменения обстоятельств: понятие, подходы, взаимодействие с принципами частного права.....	15
1.1 Принципы обязательности договора, добросовестности и справедливости в российском и английском праве как основополагающие принципы для института существенного изменения обстоятельств.....	15
1.2 Понятие существенного изменения обстоятельств. Подходы к правовому регулированию существенного изменения обстоятельств в частном праве	42
Глава 2 Существенное изменение обстоятельств в английском праве	75
2.1 Понятие и эволюция доктрины существенного изменения обстоятельств в английском праве	75
2.2 Порядок и последствия применения института существенного изменения обстоятельств.....	95
Глава 3 Существенное изменение обстоятельств в российском праве	128
3.1 Существенное изменение обстоятельств: понятие и признаки.....	128
3.2 Практика и последствия применения института существенного изменения обстоятельств: проблемы и перспективы развития.....	159
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	188
СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ.....	195

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Изменение и развитие общества закономерно требует развития и совершенствования отдельных институтов гражданского законодательства.

Не является исключением также и институт существенного изменения обстоятельств, который направлен на регулирование наступления для сторон последствий, которые они не предвидели или не могли предвидеть, заключая договор. В российском законодательстве институт существенного изменения обстоятельств регулируется статьей 451 Гражданского Кодекса РФ.

Несмотря на то, что исследуемый нами институт появился еще в римском праве, тем не менее, его доктринальное осмысление актуально и в настоящее время. Прежде всего это связано с возникшей в начале 2020 года пандемией COVID-19, которая значительным образом повлияла на возможность исполнения договорных обязательств сторон ввиду вводимых ограничений, в том числе касающихся передвижений как внутри страны, так и за ее пределами. Данный институт приобретает особое значение в связи с новыми экономическими вызовами и реалиями, в которых сейчас существует Российская Федерация.

Введенные ограничения сделали особо актуальными те институты гражданского права, которые направлены на адаптацию гражданско-правовых отношений к изменяющимся условиям. Начали появляться работы, которые направлены на исследование применимости соответствующих институтов в условиях пандемии¹.

¹ См., например, Jayabalan S. The legality of doctrine of frustration in the realm of Covid-19 Pandemic // Sociological Jurisprudence Journal. – 2020. – Т. 3. – №. 2. – С. 84-90; Beale H., Twigg-Flesner C. Covid-19 and frustration in English law // Hugh Beale and Christian Twigg-Flesner, " Covid-19 and frustration in English law" in Sergio Garcia Long, Derecho de los Desastres: Covid-19 (Pontificia Universidad Católica del Perú, 2020). – 2020; Schwartz A. A. Frustration, the MAC Clause, and COVID-19 //UC Davis Law Review. – 2021. – Т. 55; Brown D., Giancaspro M. Can Tenants Turn Frustration to Their Advantage During COVID-19? //U. of Adelaide Law Research Paper. – 2020. – №. 2020-68; Crespi G. S. Frustration of Purpose as an Excuse for the Non-Performance of Contractual Obligations Impacted by the Coronavirus COVID-19 Pandemic and by Pandemic-Related Governmental Restrictions: Some Preliminary Thoughts //SMU Dedman School of Law Legal Studies

Это обусловило также необходимость дополнительного изучения и осмысления российского института существенного изменения обстоятельств, в том числе в контексте общей существующей тенденции его развития в мире.

Полагаем, что с учетом глобализации современного мира при анализе тех или иных гражданско-правовых институтов особенно важно проводить комплексные исследования, которые направлены на изучение отдельных гражданско-правовых институтов в контексте их мирового развития, ведь как справедливо отметили В.В. Зайцев и В.А. Рыбаков, «оптимальное выполнение гражданским правом его функций, его социального назначения зависит в первую очередь от качества самого права»².

В настоящем исследовании автором сделан акцент на изучении вопроса зарождения института существенного изменения обстоятельств, его эволюции и развития не только в России, но и в английском праве. Выбор англо-правовой системы обусловлен ее самобытностью и особым подходом к регулированию отдельных институтов, в том числе существенного изменения обстоятельств – англ. *frustration*. Автор полагает, что как в английском, так и в российском праве институт существенного изменения обстоятельств и его применение базируются на основополагающих правовых принципах – справедливости, разумности и добросовестности, что, в свою очередь, значительным образом сближает их применение.

Кроме того, общая тенденция современного гражданско-правового регулирования такова, что российский законодатель в целом стремится заимствовать опыт и институты английского права для правового регулирования отношений в России, что также свидетельствует о необходимости обращения к правовому регулированию института существенного изменения обстоятельств (*frustration*) в английской правовой системе.

Research Paper. – 2020. – №. 471; Padil H. M. et al. COVID-19: The Application of the Doctrine of Frustration in a Tenancy Agreement // THESIS IN Articles Compilation. – 2020. – С. 1; Tay E. Y. Frustration, not Fortitude: the Case for Applying the Doctrine of Frustration to Leases Affected by COVID-19 // Available at SSRN 3621875. – 2020 и др.

² Зайцев В.В., Рыбаков В.А. Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства // Право и экономика. 2015. № 9. С. 11 - 13.

Степень разработанности темы. На настоящий момент в российской доктрине существуют несколько работ, посвященных правовому регулированию института существенного изменения обстоятельств и смежных с ним институтов. К ним, в частности, относятся работы А.Г. Дудко³, А.Л. Назыкова⁴, Н.В. Попова⁵, К.Е. Чистякова⁶.

Вместе с тем все перечисленные диссертационные исследования были подготовлены в начале-середине 2000-х годов, что означает, что они не учитывают новейшую практику применения института существенного изменения обстоятельств. Одно из последних исследований, посвященных институту существенного изменения обстоятельств – диссертация Т.Г. Очхаева «Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств»⁷, к которой мы будем неоднократно обращаться в настоящей работе. Отметим, однако, что в исследовании Т.Г. Очхаева не проводится отсылка к английской доктрине *frustration*.

Английская доктрина *frustration* была исследована в работе Д.С. Петровой «Последствия отпадения цели договора в российском праве и английский институт *frustration of purpose*: сравнительный анализ»⁸. Вместе с тем Д.С. Петрова в исследовании рассматривает исключительно последствия отпадения цели договора

³ Дудко А.Г. Правовая адаптация долгосрочных договоров к изменившимся обстоятельствам: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. - Москва, 2002. - 219 с.

⁴ Назыков А.Л. «Оговорка о неизменности обстоятельств» и ее рецепция в российском гражданском праве (*Clausula rebus stantibus*): диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Назыков Артем Леонидович; [Место защиты: Сев.-Кавказ. акад. гос. службы]. - Ростов-на-Дону, 2007. - 220 с.

⁵ Попов Н.В. Теоретические и практические вопросы изменения и расторжения гражданско-правового договора в связи с изменением обстоятельств: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. - Москва, 2007. - 170 с.

⁶ Чистяков К.Е. Изменение и расторжение гражданско-правового договора: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. - Томск, 2002. - 192 с.

⁷ Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Очхаев Тимур Геннадьевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2015. - 249 с.

⁸ Петрова Д.С. Последствия отпадения цели договора в российском праве и английский институт *frustration of purpose*: сравнительный анализ: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Петрова Дарья Сергеевна; [Место защиты: ФГБОУ ВО «Санкт-Петербургский государственный университет»]. - Санкт-Петербург, 2021. - 484 с.; 14,5х20,5 см.

как частного случая существенного изменения обстоятельств, но не институт существенного изменения обстоятельств в целом.

Целью диссертационного исследования является изучение российского, английского и международного-правового подхода к правовому регулированию института существенного изменения обстоятельств для выработки рекомендаций по улучшению действующего правового регулирования института существенного изменения обстоятельств.

Сформулированная цель диссертационного исследования обусловила постановку следующих задач:

1. Исследовать генезис института существенного изменения обстоятельств в российском и английском праве на основе принципов обязательности договора, добросовестности и справедливости и их развития.

2. Раскрыть правовую сущность существенного изменения обстоятельств и подходов к правовому регулированию существенному изменению обстоятельств и сопоставить подходы, применимые принципами УНИДРУА, Принципами европейского частного права, Конвенцией ООН о договорах международной купли-продажи товаров.

3. Проанализировать принципы *pacta sunt servanda* (договоры должны исполняться) и *clausula rebus sic stantibus* (при неизменности обстоятельств), определить их влияние на формирование института *frustration*.

4. Определить правовую природу института *frustration* (существенного изменения обстоятельств) в регулировании отношений по существенному изменению обстоятельств в договорном английском праве и провести сравнение с институтом существенного изменения обстоятельств в российском праве.

5. Определить порядок и последствия применения института *frustration* в английском праве и сравнить их со смежными институтами *hardships* (затруднений) и *force-majeure event* (форс-мажорными обстоятельствами).

6. Выявить конститутивные положения института существенного изменения обстоятельств в российском частном праве и охарактеризовать общие тенденции его применения.

Объект диссертационного исследования. Объектом диссертационного исследования выступают общественные отношения участников гражданского оборота, возникающие в случае существенного изменения обстоятельств применительно к имеющимся между ними отношениям.

Предметом диссертационного исследования являются положения доктрины и судебной практики, а также нормативно-правовое регулирование института существенного изменения обстоятельств в английском, российском и международном частном праве, которые раскрывают порядок появления, эволюции, применение и последствие применения доктрины существенного изменения обстоятельств в английском праве, международном праве и российском праве.

Теоретическая основа исследования. Настоящее исследование было подготовлено с учетом положений, выводов и результатов исследований, содержащихся в трудах российских и советских ученых: Я.О. Алимова, Н.А. Амирова, Т. Арнц, К.П. Бергер, Ю.В. Брисов, В.А. Вайпан, В.В. Витрянский, Д.М. Генкин, А.В. Демин, Д.В. Дождев, В.В. Зайцев, Н.В. Зайцева, А.А. Иванов, А.Г. Карапетов, Н.В. Козлова, К.В. Нам, И.Б. Новицкий, В.А. Ойгензихт, Т.Г. Очхаев, Е.В. Позднышева, Д.С. Петрова, И.А. Покровский, Д.Ю. Полдников, Н.В. Попов, А.В. Попова, М.Г. Розенберг, С.В. Сарбаш, К.И. Скловский, Ж. И. Седова, Е.А. Суханов, В.А. Томсинов, А.И. Фролов, Р.О. Халфина, А.Е. Шерстобитов, В.Ф. Яковлев, А.А. Ягельницкий и др.

Методологические основы исследования. При проведении исследования были использованы такие общенаучные методы, как аналогия, индукция, дедукция, анализ и синтез. Также использовались сравнительно-правовой, историко-правовой и формально-юридический методы.

Информационная база исследования. Список источников и литературы, использованных автором при исследовании темы диссертации, включает в себя: 63 источника отечественных ученых; 28 источников на иностранных языках; 6 международно-правовых нормативных актов; 18 актов законодательства РФ; 55

актов российских судов; 1 обзор высших судов РФ; 66 иностранных судебных решений; 1 источник, относящийся к электронным ресурсам.

Обоснованность и достоверность результатов исследования. Автор проводит сравнительный анализ теоретической конструкции института существенного изменения обстоятельств, как он существует на настоящий момент в праве Англии, России, а также в международном частном праве, опираясь на выделение проявления в указанных конструкциях общих принципов гражданского права. Это одна из первых монографических работ с подобным компаративным правовым анализом. Также учитывается новейшая практика применения рассматриваемого института в России.

Положения, выносимые на защиту и имеющие новизну.

1. Показано, что в основе института существенного изменения обстоятельств, в том числе в английском праве (*frustration*), лежат принципы справедливости, разумности, добросовестности, под влиянием которых формировался указанный институт. Применение данных принципов, направленных на обеспечение стабильности и предсказуемости оборота, позволяет адаптировать правовые нормы к конкретной ситуации, определить возможность применения института существенного изменения обстоятельств и обеспечить баланс интересов сторон. Совокупное применение принципов справедливости, разумности и добросовестности позволяет определить насколько изменение обстоятельств было непредвиденным и насколько оно существенно повлияло на исполнение договора. *Настоящее положение относится к пунктам 3, 8, 32 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».*

2. Обоснована двусторонняя направленность взаимодействия принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны исполняться) и принципа добросовестности: с одной стороны, принцип *pacta sunt servanda*, предписывающий неуклонное соблюдение условий обязательства, раскрывается через принцип добросовестности, посредством обращения к принципу добросовестности конкретизируется, как такое обязательство должно соблюдаться; с другой стороны,

принцип добросовестности является ограничением принципа *pacta sunt servanda* в том случае, когда даже добросовестное поведение стороны не позволяет его исполнить ввиду возникновения обстоятельств, находящихся вне контроля стороны. *Настоящее положение относится к пунктам 3, 8, 32 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».*

3. Установлено разграничение между форс-мажорными обстоятельствами (*force-majeure event*) и существенным изменением обстоятельств (*frustration*) в английском праве. *Frustration* применяется в тех случаях, когда затруднения в исполнении обязательств вызваны новым и непредвиденным обстоятельством и выходят за рамки коммерческого риска, который предпринимали стороны и влечет за собой прекращение договора. *Force-majeure event* же стороны предвидят, включают в текст договора описание подобного рода обстоятельств и распределение рисков в случае их наступления, что представляет собой случаи освобождения от ответственности за неисполнение договора. *Настоящее положение относится к пунктам 3, 8, 32 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».*

4. Установлено, что международные правовые акты и международные рекомендательные акты с одной стороны и английское право с другой по-разному применяют институт существенного изменения обстоятельств, что демонстрирует отсутствие унификации регулирования исследуемого института в национальном и наднациональном регулировании. В работе продемонстрировано, что в то время как английское право определяет последствие применения института *frustration* как прекращение договора на будущее, международные правовые и рекомендательные акты рассматривают существенное изменение обстоятельств как механизм освобождения от ответственности за ущерб. *Настоящее положение относится к пунктам 8, 32 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».*

5. Выявлены различия между институтами *hardships* (затруднений) и *frustration* (существенного изменения обстоятельств) в английском праве. В отличие от института *frustration* (существенного изменения обстоятельств),

институт *hardships* (затруднения) предполагает, что возможность исполнения сохраняется, но контракт становится невыгодным для исполнения одной из сторон. Продemonстрировано, что институт *hardships* (затруднений) следует отличать от частного случая *frustration – frustration of purpose* (разновидность существенного изменения обстоятельств, а именно невозможность достижения цели контракта). Квалификация *hardship* в качестве *frustration of purpose* не позволит применять привычные для первой доктрины последствия для договорных отношений сторон – изменять договор в судебном порядке, что является особенностью английского права. *Настоящее положение относится к пунктам 8, 32 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».*

6. Доказано, что непредвиденность обстоятельств, существующих на момент заключения договора, должна определяться через категории объективного и субъективного неведения участников отношений. Объективное неведение означает, что обстоятельства на момент заключения договора действительно отсутствуют, субъективное неведение предполагает, что обстоятельства существовали в момент заключения договора, но не были известны сторонам. *Настоящее положение относится к пункту 8 паспорта научной специальности 5.1.3 «Частно-правовые (цивилистические) науки».*

В целях практической реализации этих и некоторых других выводов диссертации автор разработал *предложения по совершенствованию действующего законодательства Российской Федерации:*

1. Дополнить статью 451 ГК РФ абзацем четыре следующего содержания: «Презюмируется, что субъекты предпринимательской деятельности осведомлены об обстоятельствах, существующих на момент заключения договора. В случае, если стороной договора является физическое лицо, применение существенного изменения обстоятельств должно зависеть от того, могло ли лицо знать об обстоятельствах, которые объективно существовали на момент заключения договора, но не были учтены стороной (сторонами) при его заключении».

2. С точки зрения изменения действующего законодательства необходимо изменить отсылку на статьи 451-453 Гражданского Кодекса РФ, содержащуюся в

пункте 2 статьи 46 Семейного кодекса РФ, на отсылку к п. 1, 3 и 4 статьи 451 Гражданского Кодекса РФ, которые содержат только последствия применения института существенного изменения обстоятельств, но не условия его применения. Иное содержание статьи приводит к некорректному пониманию оснований применения института существенного изменения обстоятельств: в то время, как в соответствии с Гражданским кодексом РФ под существенным изменением обстоятельств понимаются такие обстоятельства, которые от воли сторон не зависят, в Семейном кодексе РФ говорится о намеренном волевом заключении должником брачного договора. Полагаем, что соответствующая формулировка вносит неточность в конструкцию рассматриваемого института.

3. Предлагается внести изменения в пункт 1 статьи 451 Гражданского Кодекса РФ, дополнив его третьим абзацем следующего содержания: «В случае, если хотя бы один из участников договора является гражданин – физическое лицо, при определении возможности предвидеть изменение обстоятельств необходимо учитывать способность граждан осуществлять прогнозирование и принимать во внимание возможные экономические риски и иные обстоятельства, имеющие значение для исполнения договора».

4. Учитывая проведенный анализ судебной практики, полагаем необходимым внести изменения в Гражданский Кодекс РФ, а именно дополнить пункт 2 статьи 451 ГК РФ подпунктом 5 следующего содержания: «изменение обстоятельств находится вне контроля заинтересованной стороны, и заинтересованная сторона не предпринимала действий, влекущих за собой наступление существенного изменения обстоятельств».

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретическая значимость исследования заключается в том, что автор, раскрывая проблематику применения института существенного изменения обстоятельств, провел комплексное исследование этого института так, как он понимается и применяется в российском, англо-саксонском и международном частном праве. В работе описывается не только действующее регулирование, но и

история развития исследуемого института, что представляет ценность с точки зрения теории развития английского права.

Практическая значимость исследования состоит в том, что приводимые здесь разработки могут быть в дальнейшем использованы законодателем и судебными инстанциями для улучшения действующего правового регулирования института существенного изменения обстоятельств, а также выработки новых, более оптимальных и актуальных подходов к его применению с практической точки зрения.

Апробация результатов исследования. Выводы и положения, содержащиеся в настоящей работе, изложены и обсуждены на научно-практических конференциях:

1.V Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Сперанские чтения» (11.12.2019, РАНХИГС при Президенте Российской Федерации, г. Москва), Тема доклада: «История развития института существенного изменения обстоятельств».

2.VI Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Сперанские чтения» (08.12.2020, РАНХИГС при Президенте Российской Федерации, г. Москва), Тема доклада: «Влияние ключевых факторов на институт существенного изменения обстоятельств в России».

3.VII Международная научно-практическая конференция студентов, аспирантов и молодых ученых «Сперанские чтения» (09.11.2021, РАНХИГС при Президенте Российской Федерации, г. Москва), Тема доклада: «Проблемы применения института существенного изменения обстоятельств».

4.Международная научно-практическая конференция «Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации» (07.12.2021-09.12.2021, РАНХИГС при Президенте Российской Федерации, г. Москва), Тема доклада: «Институт существенного изменения обстоятельств: волевой аспект».

5.Международный научно-практический симпозиум (23.12.2021, ФГБОУ ВО «РЭУ им. Г.В. Плеханова», г. Москва), Тема доклада: «Актуальные проблемы

применения института существенного изменения обстоятельств в российской практике».

Перечень публикаций автора. Основные положения, выносимые на защиту в рамках диссертационного исследования, отражены в следующих публикациях:

Статьи в рецензируемых научных изданиях, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук:

1. Щербакова Е.О. Эволюция института существенного изменения обстоятельств. // «Право и Экономика», 2020, № 9. С. 13-18.

2. Щербакова Е.О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 1. // «Право и Экономика», 2021, № 8. С. 22-26.

3. Щербакова Е.О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 2. // «Право и Экономика», 2021, № 9. С. 19-23.

Публикации по итогам российских научно-практических конференций:

1. Щербакова Е.О. Реализация преимущественного права при заключении договора аренды в отношении объектов публичного имущества (проблемные аспекты существенного изменения обстоятельств данных договорных отношений). // «Актуальные вопросы публично-правового регулирования экономических отношений в Российской Федерации», сборник статей под редакцией А.А. Фатьянова, – Москва: Русайн, 2020. – 150 с.

2. Щербакова Е.О. Институт существенного изменения обстоятельств: волевой аспект. // Монография, посвященная Международной научно-практической конференции «Интеграция науки и образования в условиях цифровой трансформации», РАНХиГС при Президенте Российской Федерации, 2021.

3. Щербакова Е.О. Актуальные проблемы применения института существенного изменения обстоятельств в российской практике. // «Актуальные вопросы публично-правового регулирования экономических отношений в Российской Федерации», материалы Международного научно-практического

симпозиума под редакцией А.А. Фатьянова, Н.А. Машкина, сборник статей – Москва: Руслайн, 2022. – 254 с.

Структура работы определена целями, задачами и кругом исследуемых проблем. Диссертация включает следующие структурные элементы: введение, три главы, объединяющие шесть параграфов, заключение и библиографический список. Основные выводы проведенного исследования представлены в диссертации по параграфам.

Глава 1 Институт существенного изменения обстоятельств: понятие, подходы, взаимодействие с принципами частного права

1.1 Принципы обязательности договора, добросовестности и справедливости в российском и английском праве как основополагающие принципы для института существенного изменения обстоятельств

Нередко в современных научных работах можно встретить подход, который основывается на противопоставлении двух принципов – *pacta sunt servanda*, который дословно переводится как «договоры должны исполняться» и *clausula rebus sic stantibus*, что дословно означает «при неизменности обстоятельств» и фактически представляет собой принцип, из которого выводится правило о возможности неисполнения обязательства в случае существенного изменения обстоятельств, которые существовали на момент заключения договора или на которые стороны рассчитывали при заключении договора. Они рассматриваются буквально как «антиподы», т.е. как некоторые явления, которые должны противопоставляться друг другу и являются взаимоисключающими⁹. Некоторые исследователи даже характеризуют институт *rebus sic stantibus* как «опасный»¹⁰.

Нельзя не согласиться с тем, что принцип *rebus sic stantibus* действительно должен применяться ограниченно и с учетом конкретных обстоятельств, т.к., как будет неоднократно указано далее, он оказывает значительное влияние на стабильность оборота в целом и стабильность отношений сторон в частности. Однако он также является значимым договорным принципом, т.к. способствует установлению справедливости в отношениях сторон и некоторым образом ограничивает применение принципа *pacta sunt servanda*. Задача юридической

⁹ См., например, Алимова Я.О. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА и «общие принципы права»: соотношение и взаимодействие // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. 2011г. № 13. С. 172-176; Ястребов В.В. Понятие оговорки “*clausula rebus sic stantibus*” // Science Time. 2015. № 12 (24). С. 899-904.

¹⁰ См. подробнее Малхасян А.Г. Возникновение и развитие доктрины изменения обстоятельств как исключения из правила о святости договоров в континентальной Европе // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2. С. 123-135.

науки – выявление их взаимного влияния и поиск оптимального баланса в их применении.

Что касается противопоставления *pacta sunt servanda* и *rebus sic stantibus*, полагаем, что они не должны рассматриваться как взаимоисключающие доктрины. Напротив, в современном контексте они должны рассматриваться как значимые принципы договорного права, при этом, очевидно, *rebus sic stantibus* должен характеризоваться как принцип-исключение для *pacta sunt servanda*.

Для того, чтобы определить взаимоотношение рассматриваемых нами институтов и установить границы их взаимодействия, полагаем, необходимо обратиться к иным двум принципам, которые являются признанными в большинстве современных иностранных государств и оказывают значительное влияние на принципы *rebus sic stantibus* и *pacta sunt servanda*, а именно добросовестности и справедливости¹¹.

В настоящем параграфе мы предлагаем обратиться к истории развития каждого из выделенных нами принципов, выявить общие их характеристики и механизм реализации (некую усредненную модель вне зависимости от того, какое значение придается им в различных правовых системах, хотя некоторые особенности все-таки будут нами освещены), на основании чего сделать вывод о том, как они влияют друг на друга, каковы пределы их применения и можно ли утверждать, что *pacta sunt servanda* действительно является антиподом *rebus sic stantibus* в понимании современной юридической науки и должен рассматриваться в качестве такового с точки зрения сбалансированной модели их применения.

Прежде всего, предлагаем обратиться к исследованию принципа, который является основополагающим для договорного права – принципу *pacta sunt servanda*. Интересно, что в научной литературе до сих пор существуют споры относительно происхождения принципа *pacta sunt servanda*, можно встретить различные мнения на этот счет. Так, некоторые правоведы считают, что

¹¹ См. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. СПС Консультант Плюс.

рассматриваемый нами принцип возник еще в праве Древнего Рима и уже в дальнейшем получил свое развитие в средневековом праве¹².

Напротив, Д.Ю. Полдников указывает, что принцип *pacta sunt servanda* появился намного позднее, только в Средневековье; древнеримское право его еще не знало, кроме того, у договора и обязательства были разные способы защиты (иск и эксцепция)¹³. По мнению автора, рассматриваемый нами принцип был значительно развит поздними схоластами на основе принципов естественного права¹⁴. Активно в научной литературе принцип *pacta sunt servanda* начал исследоваться уже в XVII в., когда С. Пуфендорф сформулировал указанный принцип в том виде, в котором он существует сейчас: когда люди вступают в договорные соглашения, само общество требует того, чтобы они выполнялись¹⁵.

Кроме того, как указывает Д.Ю. Полдников, известная всем ныне фраза *pacta sunt servanda*, на которую исследователи ссылаются как на воплощение, квинтэссенцию правила «договоры должны соблюдаться» была сформулирована достаточно поздно, и изначально в церковных текстах (откуда, собственно, зародился указанный принцип) была сформулирована иначе¹⁶, хотя смысл формирующегося принципа был такой же. Непосредственно фраза *pacta sunt servanda* была сформулирована уже, как было указано выше, в Новое время¹⁷. На то, что принцип *pacta sunt servanda* не оформился еще в римском праве, указывают также и зарубежные исследователи, например, Р. Хуланд¹⁸.

¹² Амирова Н.А. Принципы исполнения обязательств в торговом обороте: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 / Амирова Нина Асифовна; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2009. С. 118 (всего 190).

¹³ Полдников Д.Ю. Проблема обязательности договоров: взгляд Саламанкской школы XVI века // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2011. №2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-obyazatelnosti-dogovorov-vzglyad-salamanskoy-shkoly-xvi-veka> (дата обращения: 14.06.2021).

¹⁴ Полдников Д.Ю. Там же.

¹⁵ Амирова Н.А. Там же.

¹⁶ Иные примеры формулировки указанного принципа см. Полдников Д.Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы: XII - XVI вв.: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01 / Полдников Дмитрий Юрьевич; [Место защиты: Нац. исслед. ун-т "Высш. шк. экономики"]. - Москва, 2016. - С. 294-295 (всего 572).

¹⁷ Полдников Д.Ю. Там же. С. 308.

¹⁸ Richard Hyland, "Pacta Sunt Servanda: A Meditation" (1994) 34 Va. J. Int'l Law 405 at 412.

Итак, несмотря на то, что непосредственно истоки четко сформулированного принципа нельзя найти в римском праве, тем не менее, сама по себе идея святости, обязательности договора существовала во все времена, во всех религиях и культурах: это тот постулат, без которого в принципе невозможно существование полноценного гражданского оборота. На это обращается внимание также в судебных актах, которые выносятся по межгосударственным спорам, например, в деле американской компании против государства Ливия (*Liamco v. Libya*) трибунал особенно подчеркнул, что «принцип священности договора всегда являлся неотъемлемой частью большинства юридических систем. Они включают в себя системы, которые основаны на римском праве, Кодексе Наполеона (имеется в виду статья 1134) и других европейских гражданских кодексах, равно как и на англо-саксонском общем праве и исламской юриспруденции Шариата»¹⁹.

Подтверждение того, что максима *pacta sunt servanda*, пусть еще и не оформленная окончательно, но в качестве общего принципа регулирования договорных отношений сторон существовала задолго до образования Римской империи, можно найти, по свидетельству Х. Венберга, во многих религиозных трактатах²⁰.

Например, можно утверждать, что доктрина о христианстве оказала существенное влияние на развитие договорного права, и именно христианское учение внесло вклад в идею того, что договор священен. Соответствующие идеи можно найти еще в изречениях Святого Августина (конец 4 в.н.э), который указывал, что контракты должны соблюдаться всегда, даже если они заключены с врагом²¹.

Итак, принцип обязательности соблюдения договоров в том виде, в котором он известен нам сегодня, берет свое начало из канонического права: считалось, что

¹⁹ April 12, 1977, Y.B. Comm. Arb., (1981) 89 at 101.

²⁰ Hans Wehberg, "Pacta Sunt Servanda" (1959) 53 Am. J. Int'l L. 775 at 775.

²¹ См. подробнее Mazzacano, P.J., 2011. Force Majeure, Impossibility, Frustration & the Like: Excuses for Non-Performance; the Historical Origins and Development of an Autonomous Commercial Norm in the CISG. NJCL, p.i.

обещание соблюдать договор давалось перед Богом и отступление от данного обещания есть ни что иное, как ложь Богу, за что солгавший и нарушивший клятву должен был нести наказание²². Впоследствии этот принцип получил свое развитие и был окончательно сформулирован в средневековом праве.

Как указывает П. Мазакано, в современных кодификациях принцип *pacta sunt servanda* имеет разное содержание и проявление. Так, например, французская доктрина и французская литература понимают указанный принцип не только как правило, требующее исполнения обязательства, но также и как право требовать исполнения обязательства в натуре. Таким образом, делает вывод Н.А. Амирова, во французской литературе принцип *pacta sunt servanda* включает в себя принцип реального исполнения и недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства²³.

Следует отметить, что содержание принципа *pacta sunt servanda* отличается в континентальном и англо-американском праве. Такое положение вещей не случайно, учитывая, что римское право, хотя и оказывало влияние на формирование и развитие английского права, тем не менее, делало это достаточно ограничено, своеобразно и уже на более поздних этапах развития английского государства²⁴.

По замечанию автора, в континентальном праве принцип *pacta sunt servanda* воплощался скорее в моральном обязательстве стороны исполнить принятое на себя обязательство. Напротив, в англо-американском праве рассматриваемый нами принцип не воспринимается как некое моральное обязательство: большое значение там отдается воле сторон, а обязательство исполнить рассматривается исключительно как обязательство юридическое²⁵.

²² Киченина В.С., Фесенко Э.А. Реализация принципа *pacta sunt servanda* в современных международно-правовых отношениях // Юридическая наука. 2020. №1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/realizatsiya-printsipa-pacta-sunt-servanda-v-sovremennyh-mezhdunarodnopravovyh-otnosheniyah> (дата обращения: 14.06.2021).

²³ Н.А. Амирова. Указ. соч. С. 115.

²⁴ См. подробнее Томсинов В.А. Римское право в средневековой Англии // Античная Древность и Средние века. Проблемы социального развития. Издание Уральского гос. ун-та Свердловск. 1985. С. 122-134.

²⁵ Н.А. Амирова. Указ. соч. С. 125-126.

Вместе с тем вне зависимости от того, какой именно характер носит принцип *pacta sunt servanda* и насколько широко он толкуется в различных современных правовых системах, значение для целей настоящего исследования имеет сам принцип, который положен в основу любого договорного права – необходимость соблюдения принятых на себя обязательств в соответствии с условиями, установленными сторонами. В этом заключается его квинтэссенция и так он понимается во всех правовых системах, пусть и выражается в различных инструментах. Отметим, что соблюдение указанного принципа также очень важно с точки зрения экономики и гражданского оборота: именно этот принцип обеспечивает стабильность последнего, т.к. сам по себе гражданский оборот включает в себя множество связей, и нарушение исполнения одного обязательства может потенциально принести убытки многим участникам оборота.

Наряду с этим, несмотря на важность и определенную святость (напомним, принцип *pacta sunt servanda* берет начало именно из канонического права), справедливость отношений требовала корректировки этого правила и формулировки условий, при которых указанный принцип мог существовать и функционировать. Как отмечает Д.В. Дождев, «первоначальная постановка вопроса нацелена на поиск оснований освобождения от обязательства и прекращение договора как исключений из незыблемого принципа верности данному слову и связывающей силы соглашений»²⁶. Это доказывает, что принцип *clausula rebus sic stantibus* (при неизменности обстоятельств) становится исключением для принципа *pacta sunt servanda* (договоры должны исполняться). Принцип *pacta sunt servanda* носит первоочередной характер. Принцип *clausula rebus sic stantibus* становится основанием освобождения от обязательства и прекращения договора.

В настоящей работе нами будет продемонстрировано, что именно соотношение этих двух важнейших принципов гражданского и, в частности,

²⁶ Дождев Д.В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. № 1. 2018г. с. 103-121.

договорного права – *pacta sunt servanda* и *rebus sic stantibus* и определяет – существование доктрины существенного изменения обстоятельств и, главное, то наполнение, которое она имеет в правовых системах различных государств, а также в международном частном праве. Изменение обстоятельств, которое предполагает ограничение принципа *pacta sunt servanda* может иметь совершенно различное проявление; задача права – поиск наиболее оптимального и справедливого решения.

В современной отечественной научной литературе принцип *pacta sunt servanda* характеризуется как принцип незыблемости договора, который, по мнению некоторых исследователей, неоправданно не был включен в текст Гражданского Кодекса РФ²⁷, к чему есть определенные объективные предпосылки. Среди таких предпосылок А.А. Иванов называет, например, возможность признания сделки недействительной без обращения в суд с соответствующим требованием²⁸. Однако несмотря на отсутствие прямого указания на существование соответствующего принципа в ГК РФ, полагаем, что он фактически был воплощен через иные принципы договорного права, которые выделяются в современном гражданском законодательстве, главный из которых – принцип недопустимости одностороннего отказа от исполнения обязательства, закрепленный в статье 310 ГК РФ.

Таким образом, принцип *pacta sunt servanda* выступает основополагающим принципом права, согласно которому обязательство, которое стороны приняли на себя, должно быть исполнено без каких-либо исключений. Принцип, изначально возникший как некое правило, вытекающее из священности договора и клятвы перед Богом, теперь является краеугольным принципом договорного права, так как призван, прежде всего, обеспечить стабильность гражданских правоотношений. Это доказывает главенство и первоочередность принципа *pacta sunt servanda* по отношению к принципу *rebus sic stantibus*.

²⁷ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая) от 30.11.1994 № 51-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.12.1994, № 32, ст. 3301.

²⁸ Иванов А.А. Незыблемость договора (*pacta sunt servanda*) и его недействительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 12. С. 31 - 43.

Следующий принцип, который необходимо рассмотреть и который является наиболее близким к принципу *pacta sunt servanda* – принцип добросовестности.

Что касается определения принципа добросовестности, следует отметить, что на настоящий момент оно так и не было выработано, есть только некоторые попытки дать соответствующую формулировку, однако это представляется достаточно сложным. Например, М.А. Попова в своем исследовании приводит формулировку М. Бартошека, который понимает под добросовестностью «собственную честность и доверие к чужой честности, верность данному слову, нравственная обязанность всех людей... выполнять свое обязательство, в чем бы оно ни выражалось»²⁹.

Вместе с тем, на наш взгляд, такая формулировка представляется не совсем точной ввиду двух следующих обстоятельств: во-первых, в рамках указанного определения происходит смешение морального и юридического принципа; во-вторых, происходит смешение непосредственно принципа добросовестности с принципом незыблемости договоров, содержание которого уже было раскрыто нами выше.

Однако такое смешение принципов нельзя назвать случайностью: добросовестность при исполнении сторонами обязательств является неким фундаментом, на котором должен стоять гражданский оборот. Кроме того, сам по себе принцип добросовестности включает в себя обязанность действовать в соответствии с принятыми на себя обязательствами. Таким образом, принцип добросовестности и принцип *pacta sunt servanda* действительно являются достаточно близкими и может быть нелегко провести между ними разграничение.

Ж. И. Седова отмечает, что принцип добросовестности развивался веками, а начал свое формирование именно как норма обычного права на базе культурных традиций, норм религии и морали³⁰. Примечательно, что в научной доктрине до сих

²⁹ Попова А.В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: Законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03. - Москва, 2005. – С. 38.

³⁰ См.: Седова Ж.И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений: диссертация...доктора юридических наук: 5.1.3. Москва, 2024. – 569 с.

пор нет какого-то единого подхода и определения принципа добросовестности: фактически мы имеем дело с тем случаем, когда в науке было выражено единое мнение по определенному вопросу, а именно по вопросу о том, что однозначно дать определение принципу добросовестности не представляется возможным. На это в своих исследованиях указывали, в частности, К.И. Скловский³¹ и В.В. Витрянский³², это подтверждается также работами других исследователей принципа добросовестности³³. Кроме того, по выражению К.И. Скловского, нет иного пути формулирования понятия принципа добросовестности, кроме как накопление судебной практики³⁴.

Это суждение подтверждается, конечно, существующим положением вещей: как в отечественной, так и в зарубежной практике принцип добросовестности вырабатывается и кристаллизуется непосредственно в процессе разрешения споров, что особенно актуально для английской правовой системы, но имеет не меньшее значение и влияние в странах романо-германской правовой семьи, к которым относится также российское право.

Традиционно, как отмечает в своем исследовании М.В. Хесселинк, добросовестность понимается в субъективном и объективном смысле. Добросовестность в субъективном смысле представляет собой психическое

³¹ Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. – 2002. - № 9. – С. 79.

³² Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1997. - № 7. – С. 132.

³³ Сарбаш С.В. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. С. 115-117; Покровский И.А. Указ. соч. С. 259-275; Агарков М.М. Указ. соч. С. 374-376; Яковлев В.Ф. О функциях гражданского права // Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике: Сборник статей, посвященный 70-летию С.А. Хохлова. СПС Консультант Плюс; Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. СПС Консультант Плюс; Российское гражданское право: Учебник: В 2т. Т I: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права / Отв. ред. Е.А. Суханов. 4-е изд., стереотип. М.: Статут, 2015. С. 400-402; Шерстобитов А.Е. Злоупотребление правом (доктрина и практика) // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. СПС Консультант Плюс.

³⁴ См. подробнее Скловский К.И. Сделка и ее действие. Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности. 4-е изд., доп. Москва: Статут, 2019. 278 с.

состояние лица, которое не знало и не должно было знать о каких-то фактах в прошлом. Объективная добросовестность, в свою очередь, означает, что субъекты оборота должны действовать в соответствии с общепринятыми, устоявшимися правилами поведения. В большинстве стран, как указывает исследователь, для объективной добросовестности даже существует и применяется свой собственный термин³⁵.

Как уже было указано выше, несмотря на то, что российская правовая система относится к романо-германской правовой семье, тем не менее в России принцип добросовестности также формируется в большей степени судебной практикой, на что указывают также современные исследователи. Так, по мнению А.Г. Карапетова, «здесь мы, по сути, имеем легализацию судебного ретроспективного правотворчества, т.е. выработку судом новых, не отраженных в законе или в договоре правил поведения на основе анализа оценочного понятия «добросовестность» и применения их к фабуле конкретного спора, с тем последствием, что поведение одной из сторон, отклоняющееся от этого выводимого судом стандарта поведения, будет считаться неправомерным и влечь фиксацию нарушения договора и привлечения лица к ответственности. *Постепенное накопление такой судебной практики и ее фиксация на уровне правовых позиций ВС РФ позволяет сформировать массив «прецедентного» права, дополняющий законодательное регулирование обязательственных отношений...*»³⁶ (выд. нами).

В соответствии с разъяснениями, содержащимися в Постановлении Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской

³⁵ Хесселинк М.В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. N 8. С. 157 - 187.

³⁶ Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2017. – С. 42. Автор комментария к статье – А.Г. Карапетов.

Федерации»³⁷, для того, чтобы квалифицировать поведение в качестве добросовестного или недобросовестного, необходимо исходить из некой предполагаемой, идеальной модели поведения, в которой участники будут учитывать права и интересы друг друга, а также содействовать друг другу в исполнении обязательства.

Несложно отметить, что в указанном комментарии суд сформулировал принцип объективной добросовестности, который, в свою очередь, опирается на моральные принципы и составляет некую модель поведения, которой должны придерживаться все участники оборота. Добросовестное поведение включает в себя обязанность исполнять обязательство, соблюдать интересы контрагентов и третьих лиц и не ущемлять их, способствовать другой стороне в исполнении обязательства, предпринимать разумные и зависящие от участника оборота действия, направленные на исполнение и предотвращение невозможности исполнения, а обобщая – применять все стандарты честной и деловой практики³⁸.

Из такой характеристики принципа добросовестности следует, что исследуемый нами принцип, равно как и принцип *pacta sunt servanda*, направлен на обеспечение стабильности и предсказуемости оборота, что является главной целью экономики.

По замечанию К.В. Нама принцип добросовестности выполняет еще одну важную функцию, которая заключается в адаптации норм закона под меняющиеся моральные установки общества. Являясь абстрактным и всеобъемлющим, принцип добросовестности производит как бы «донастройку» существующих законов под конкретную ситуацию и конкретную эпоху³⁹. Таким образом, принцип

³⁷ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета, № 140, 30.06.2015.

³⁸ См. подробнее Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307-453 Гражданского кодекса Российской Федерации / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: Статут, 2017. – С. 41.

³⁹ См. подробнее Нам К.В. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2020. № 2. С. 88 - 103.

добросовестности позволяет применить общую норму о существенном изменении обстоятельств к конкретному случаю и адаптировать ее.

Следует отметить, что в английском праве принцип добросовестности так и не получил широкого распространения и применения. Несмотря на то, что в практике английских судов можно найти дела, в которых суд предпринимал попытку сформировать общий для всех принцип добросовестности (например, *Carter v Boehm*⁴⁰), этот подход все же не был принят английскими судами. Вместе с тем говорить о полном отсутствии принципа добросовестности в английском праве все-таки некорректно, этот тезис мы подробнее раскроем позднее.

Такой достаточно своеобразный подход к пониманию принципа добросовестности принят в английском, но не в американском праве. В статье 1-203 Единообразного торгового кодекса США упоминается обязанность действовать добросовестно при исполнении любых обязательств или исполнении контрактов. В судебной практике, например, можно найти примеры, в которых суд ссылается на принцип объективной добросовестности как на ключевой, основной принцип, на котором основывается лояльность директора по отношению к общему (*duty of loyalty*)⁴¹.

Интересно, как в США принцип добросовестности проявляется в делах о банкротстве граждан и как складывается понимание объективной добросовестности. Обязанность действовать добросовестно возлагается не только на должника, но и на кредитора: так, кредитная организация, прежде чем выдать кредит заемщику, должна изучить кредитную историю самого заемщика и его семьи, их привычки и образ жизни, а в случае возникновения затруднений при возврате кредита – обязательно провести мероприятия по досудебному урегулированию споров совместными усилиями, в том числе обсудить возможность изменения графика платежей с целью облегчения бремени заемщика. В случае, если кредитная организация не будет реализовывать соответствующие

⁴⁰ Watterson S. *Carter v Boehm* (1766). – 2008.

⁴¹ Подробнее см. Брисов Ю.В. Реализация доктрины добросовестности в корпоративных правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 12. С. 70 - 80.

мероприятия, то она обязана будет уплатить штраф в фонд, денежные средства которого направляются на реализацию мероприятий по улучшению финансовой грамотности населения⁴². Отсюда можно сделать вывод о том, что в ряде случаев применяется достаточно высокий стандарт добросовестности.

Отсутствие широко применимого принципа добросовестности в английском праве современные исследователи связывают с отсутствием в английской правовой системе тенденции к кодификации законодательства, что подтверждается, в т.ч., тем, что в американском праве принципа добросовестности закреплён именно в кодифицированном акте. Несмотря на то, что на настоящий момент в английском праве принцип добросовестности получает все большее распространение, его содержание значительным образом зависит от конкретного дела⁴³.

В английской доктрине, как указывает Н.В. Зайцева, установление и широкое распространение принципа добросовестности рассматривают как явления, которые могут привести к установлению принципа неопределённости и ограничению автономии сторон⁴⁴. Именно поэтому принцип добросовестности не сформирован как некий объективный, пространственный принцип, но при разрешении конкретных дел, как уже было указано, суды предпочитают на него ссылаться.

Вместе с тем принцип добросовестности в английском праве также воплощён в виде различных договорно-правовых инструментов: в различных решениях суды указывают на обязанность сторон действовать добросовестно, разумно, поведение не должно быть аморальным и коммерчески неприемлемым⁴⁵. Кроме того, в том

⁴² Подробнее см. Сизимова О.Б., Пчелкин А.В., Мамаков А.М. Сравнительный анализ законодательства о банкротстве физических лиц России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2018. № 5. С. 80 - 87.

⁴³ Сорокина Е.А. Категория добросовестности в западной традиции права: историко-теоретический аспект: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.01 / Сорокина Елена Александровна; [Место защиты: Рос. ун-т дружбы народов]. - Москва, 2009. С. 117-132 (всего 180 с.).

⁴⁴ Зайцева Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 476 - 501.

⁴⁵ Бергер К.П., Арнц Т. Принцип добросовестности в английском коммерческом договорном праве. Обзор актуальной английской судебной практики // Вестник гражданского права. 2016. № 3. С. 234 - 269.

случае, когда возникает необходимость применить принцип добросовестности (*good faith*), суды трактуют его по-разному и в зависимости от конкретного дела. В частности, в деле *Hamsard 3147 Ltd v Boots UK Ltd*⁴⁶ суд признал, что принцип добросовестности фактически означает то же самое, что обязанность действовать честно (*honestly*).

Примечательно, что в решении по делу *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corp Ltd*⁴⁷ суд признал, что добросовестность заключается не только в обязанности действовать честно, но также и в обязанности соблюдать условия сделки и избегать коммерчески неприемлемого поведения. В этом можно увидеть некую близость подходов к пониманию принципа добросовестности в английском и романо-германском праве, хотя и не ярко выраженную.

Исследователи также отмечают, что несмотря на то, что на первый взгляд существуют отличия в применении принципа добросовестности в английском праве и в странах романо-германской правовой семьи, фактический исход дела, несмотря на разные формулировки в мотивационной части решений, все же в подавляющем большинстве случаев будет одинаков вне зависимости от того, решалось бы оно по английскому, или, допустим, немецкому праву. Кроме того, несмотря на отсутствие прямого упоминания принципа добросовестности и четко закрепленной обязанности действовать добросовестно (*in good faith*), в английском праве жестокий подход к недобросовестным действиям (совершенным *in bad faith*), что фактически приводит к тем же правовым последствиям. Так, например, введение в заблуждение и использование заблуждения другой стороны, совершение действий с позиции силы и иные подобные действия расцениваются английскими судами как недобросовестные, и на этом основании контракт может быть признан недействительным⁴⁸.

Кроме того, по замечанию К. МакКендрик, там, где другие правовые системы используют и распространяют принцип добросовестности, английское право

⁴⁶ *Hamsard 3147 Ltd v Boots UK Ltd* [2013] EWHC 3251 (Pat) at [92].

⁴⁷ *Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corp Ltd* [2013] EWHC 111 (QB).

⁴⁸ Ewan McKendrick. *Good Faith: a Matter of Principle?* // Forte A. D. M., Forte A. D. M. (ed.). *Good faith in contract and property law*. – Hart publishing, 1999. С. 42.

применяет собственные специальные правовые институты. В качестве примера исследователь приводит сформулированную английским правом доктрину существенного изменения обстоятельств, исследованию которой и посвящена настоящая работа: английское право выработало доктрину *frustration* (пусть и ограниченно применимую), в то время как страны континентального права (в качестве примера исследователь приводит немецкое право) обращаются в таких случаях к принципу добросовестности и используют этот инструмент⁴⁹.

При этом автор задается вопросом о том, какую пользу может принести фактический отказ от применения доктрины *frustration* в пользу общего принципа добросовестности и приходит к выводу о том, что в целом эффект от таких действий будет сомнительный: несмотря на то, что применение принципа добросовестности позволит распространить ситуации существенного изменения обстоятельств на более широкий круг отношений и сделать его более гибким, тем не менее, ничто не мешает развить сам по себе институт *frustration* и расширить его применение, без внедрения иных инструментов и внесения значительных изменений в правоприменительную практику. Кроме того, можно утверждать, что в основе *frustration* как таковой, как указывает автор, уже лежит принцип добросовестности, что сближает применение и понимание доктрины существенного изменения обстоятельств в странах английского права и романо-германского⁵⁰.

Таким образом, фактически принцип добросовестности также оказал влияние на формирование доктрины существенного изменения обстоятельств (*frustration*) в английском праве. Подробнее этот вопрос будет исследован во второй главе настоящей работы. На данном этапе нам необходимо отметить, что в рамках английского права, также как и в романо-германских правовых семьях, значительное влияние на развитие института существенного изменения обстоятельств оказал принцип добросовестности.

⁴⁹ Ewan McKendrick. Там же. С. 42-43.

⁵⁰ Ewan McKendrick. Там же. С. 43.

Сам по себе подход к пониманию и применению принципа добросовестности, а также вытекающие отсюда характерные особенности английского права (например, абсолютизация принципа автономии воли сторон) значительным образом влияют на иные институты договорного права и их применение, в частности исследуемый нами институт существенного изменения обстоятельств и их влияния на договорные отношения сторон⁵¹. Во второй главе настоящего исследования нами будет подробно изучен механизм применения указанного института в английском праве, и влияние принятого к принципу добросовестности подхода и институтом существенного изменения обстоятельств станет наиболее очевидной.

На основании проведенного анализа принципа добросовестности можно сделать вывод о том, что взаимодействие принципа *pacta sunt servanda* и принципа добросовестности имеет двустороннюю направленность:

—с одной стороны, принцип *pacta sunt servanda*, предписывающий неуклонное соблюдение условий обязательства, раскрывается через принцип добросовестности. Фактически, установив общее незыблемое правило о том, что договор должен соблюдаться, посредством обращения к принципу добросовестности мы отвечаем на вопрос о том, как такое обязательство должно соблюдаться. Обращаясь к принципу добросовестности, оборот устанавливает ряд требований к поведению стороны при исполнении обязательства, которые были освещены нами ранее;

—с другой стороны, принцип добросовестности является ограничением принципа *pacta sunt servanda* в том случае, когда даже добросовестное поведение стороны не позволяет его исполнить ввиду возникновения обстоятельств, находящихся вне контроля стороны. Цепочка рассуждений в таком случае должна выстроиться приблизительно следующим образом: принцип *pacta sunt servanda* требует исполнять обязательство, обязательство должно исполняться добросовестно, но в текущей ситуации, действуя в соответствии с установленным

⁵¹ См. Ewan McKendrick. Good Faith: a Matter of Principle? // Forte A. D. M., Forte A. D. M. (ed.). Good faith in contract and property law. – Hart publishing, 1999. С. 39-62.

стандартом, исполнение обязательства невозможно или значительно затруднительно. Раз так, то и принцип *pacta sunt servanda* может быть ограничен в той степени, в которой его соблюдение влечет нарушение баланса интересов сторон и положения сторон⁵².

В случае, если мы признаем возможность ограничения принципа *pacta sunt servanda* принципом добросовестности, логично далее ставить вопрос о том, в какой степени он может быть ограничен и чем необходимо руководствоваться при установлении пределов такого ограничения. Сам по себе принцип добросовестности не может выступать единственным универсальным принципом, ограничивающим *pacta sunt servanda*, в силу ряда обстоятельств. Во-первых, принцип добросовестности не является каким-либо закрепленным в законе правилом (имеется в виду, конечно, его содержание, а не сама возможность применения) и вытекает скорее из «духа закона», что, в свою очередь, порождает его изменчивость и нестабильность, подверженность влиянию эпохи и конкретной ситуации.

Во-вторых, модель добросовестного поведения может оказаться как слишком ужесточенной (тогда будет признана необходимость исполнения обязательства любой ценой) так и слишком ослабленной (при малейшем затруднении в исполнении обязательства лицо будет считаться освобожденным от исполнения обязательства). Отсюда следует, что нужен дополнительный критерий, который сможет установить справедливый баланс.

В-третьих, оборот сам по себе требует установления конкретных условий и обстоятельств, при наступлении которых вмешательство в договорные отношения будет возможным. Это обусловлено необходимостью обеспечения стабильности оборота, о которой мы уже неоднократно упоминали.

Полагаем, что таким принципом, который должен был оказать и оказал влияние на формирование принципа *rebus sic statibus*, наравне с принципом добросовестности, является принцип справедливости, на анализе которого следует

⁵² См.: Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики: учебник / К.В. Нам. – Москва: Статут, 2019. – 280 с.

остановиться подробнее. По оценке К.В. Нама, принцип справедливости является наиболее близким этико-правовым принципом к принципу добросовестности, хотя, как уже было указано, сама по себе добросовестность не сводится исключительно к принципу справедливости. Справедливость – это критерий скорее субъективный, нежели объективный, в то время как добросовестность должна представлять собой сочетание субъективного и объективного критерия⁵³ (что, в свою очередь, обуславливает также выделение субъективной и объективной добросовестности в теории и на практике, на что мы уже указывали в настоящей работе).

Кроме того, по оценке Н.В. Зайцевой, принцип добросовестности и принцип справедливости имеют одинаковую цель, а именно исключить такое поведение субъекта, которое не будет соответствовать целям правового регулирования договорного права и будет каким-либо образом ущемлять права другой стороны⁵⁴. Идея о необходимости соблюдать и не ущемлять права другой стороны очень важна с точки зрения доктрины непредвиденного изменения обстоятельств. К этой идее мы также вернемся позднее, когда будем рассматривать соотношение всех исследуемых нами конструкций.

Следует отметить также, что наполнение принципа справедливости отличается от отрасли к отрасли и по-разному используется в различных кодифицированных актах, что говорит о том, что его содержание отличается даже в рамках одной правовой системы. Так, например, В.А. Вайпан указывает, что в уголовном праве есть свое содержание принципа справедливости, а в административном праве справедливость скорее отождествляется с законностью. В рамках Гражданского Кодекса РФ также термин «справедливость» употребляется в разных контекстах и в разных смыслах: где-то как противопоставление принципу соразмерности, где-то как характеристика

⁵³ См. подробнее Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. Москва: Статут, 2019. 278 с.

⁵⁴ См. подробнее Зайцева Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2020. № 3. С. 476 - 501.

достаточности компенсации⁵⁵ и т.д. Кроме того, понятие справедливости отличается также в материальном и процессуальном праве⁵⁶.

Отметим, что выработка единого термина для понятия «справедливость» усложняется также тем обстоятельством, что категория справедливости является не чисто юридической, но общефилософской и была перенята правом из области морали (впрочем, также, как и понимание принципа добросовестности, но все-таки в большей степени). Так, например, А.В. Коновалов выделяет следующие аспекты понимания справедливости:

—юридическая справедливость (предполагает выработку модели поведения, которой должен следовать среднестатистический участник оборота. Несложно заметить, что юридическая справедливость, как уже было указано, значительно сближается в этом смысле с категорией объективной добросовестности);

—социальная справедливость (предполагает равенство предоставляемых членам общества возможностей, заботу о тех, кто относится к незащищенным слоям населения);

—обычная справедливость (такая справедливость, которая основана на представлениях о морали и нравственности. Полагаем, что такая справедливость, скорее, должна называться «бытовой» – это некий стандарт поведения, которым должны руководствоваться участники оборота в обычной жизни);

—высокоморальная справедливость (повышенный уровень самопознания и героизм. Полагаем, что это то, что А.В. Коновалов понимает под «высокоморальной справедливостью» скорее относится к категориям героизма и патриотизма. Вместе с тем этот вопрос представляется спорным).

—религиозная справедливость (автор не раскрывает, что конкретно он вкладывает в это понятие, однако представляется, что в зависимости от

⁵⁵ Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.03 / Вайпан Виктор Алексеевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. – С. 78-79.

⁵⁶ Вайпан В.А. Там же. С. 81-83.

вероисповедания те или иные поступки могут оцениваться как справедливые или несправедливые)⁵⁷.

Справедливость представляет собой, по определению С.А. Ивановой, соответствие поведения субъектов господствующим в обществе морально-этическим и нравственным нормам⁵⁸.

Таким образом, принцип справедливости включает в себе определенный моральный идеал, правило поведения, которое, с учетом юридического содержания, заключается в требовании к участникам оборота, а также всем правоприменителям действовать и оценивать действия иных лиц таким образом, чтобы они не нарушали права иных лиц и (или) субъектов правоотношения, не приводили к неравному положению сторон, не приводили к неравноценному перераспределению благ, не возлагали на стороны дополнительные обязанности и ответственность в результате умышленных действий иных лиц или в результате возникновения обстоятельств, на которые стороны не могли повлиять и риск возникновения которых изначально не был ими принят, если это приведет к обогащению третьих лиц.

Оговоримся, что определение принципа справедливости, которое приведено нами, является, скорее, приблизительным и основывается на представлениях автора о том, каким образом общефилософский, этический принцип справедливости должен преломляться через призму права.

Наконец, определив содержание *pacta sunt servanda*, а также принципа добросовестности и справедливости мы можем перейти к анализу принципа *rebus sic stantibus* и сделать выводы об их взаимном влиянии.

Принцип *rebus sic stantibus*, как и *pacta sunt servanda*, появился только в Средневековье, что было обусловлено нуждами бурно развивающегося в тот период торгового права. Кроме того, также, как и в отношении *pacta sunt servanda*, нельзя найти доказательств существования *rebus sic stantibus* в древнеримском

⁵⁷ Коновалов А.В. Понятие справедливости в гражданском праве // Lex russica. 2019. № 8. С. 27 - 36.

⁵⁸ См. подробнее Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: диссертация ... доктора юридических наук: 12.00.01, 12.00.03. - Москва, 2006. - 415 с.

праве. Исследователи связывают такое положение вещей с тем, что в римском праве торговля не была еще достаточно развита, не существовало специальных коммерческих судов, а сам по себе термин *contractus* долгое время имел ограниченное значение (под ним понималось неправомерное поведение, которое может привести к возникновению ответственности)⁵⁹.

Однако это не означает, что *rebus sic stantibus* был полностью неизвестен науке до наступления эпохи средневековья. Признаки зарождения доктрины существенного изменения обстоятельств и осознание того, что в результате такого изменения обстоятельств возможно освобождение от исполнения обязательств можно найти еще в трудах Цицерона и Сенеки. В частности, в своих работах Цицерон рассматривает пример, в котором лицо, принявшее на хранение меч, не обязан его возвращать, если поклажедатель стал безумным впоследствии.

Кроме того, как указывают исследователи, истоки возникновения и формирования *pacta sunt servanda* можно найти в каноническом праве. Впервые был использован в договорном праве в 1507 года⁶⁰.

Начало формированию института непредвиденных обстоятельств в том виде, в котором он известен нам сейчас, положили юристы-канонисты, которые совместили доктрину *pacta sunt servanda* и принцип *ex fide bona* (сродни современному пониманию доктрины добросовестности). Именно поэтому в работе, посвященной институту существенного изменения обстоятельств, мы уделили значительное внимание принципу добросовестности и справедливости. Договоры, которые ранее не подлежали юридической защите, стали признаваться договорами *as bona fide negotia*, которые обязывали требовать такого исполнения, которое будет ожидаемо с учетом конкретных обстоятельств.

Важно отметить, что как появление и формирование принципа *pacta sunt servanda*, зачастую принцип *rebus sic stantibus* также рассматривают как наследие

⁵⁹ Подробнее см. Щербакова Е.О. Эволюция института существенного изменения обстоятельств // Право и экономика. 2020. № 9 (391). С. 13-18.

⁶⁰ Подробнее см. Mazzacano, P.J., 2011. Force Majeure, Impossibility, Frustration & the Like: Excuses for Non-Performance; the Historical Origins and Development of an Autonomous Commercial Norm in the CISG. NJCL, p.i.

римского права, хотя на самом деле это не совсем верное утверждение. Так, по наблюдению Д.Ю. Полдникова, некоторые попытки сформулировать какое-то правило, рассматривая, в традициях римской юриспруденции, на конкретном примере влияние изменений обстоятельств на отношения сторон, делал Африкан, который указывал на то, что оговорка *rebus sic stantibus* является подразумеваемой для отношений сторон⁶¹.

Современные исследователи римского права делают вывод, что несмотря на отсутствие доказательств признания доктрин *pacta sunt servanda* и *rebus sic stantibus* в юридических текстах, тем не менее, этот вопрос интересовал философов, которые также внесли значительный вклад в развитие доктрины непредвиденного изменения обстоятельств, в частности, как мы уже указывали ранее, этот вопрос, по свидетельству А.Г. Малхасян, поднимался Сенекой⁶².

Рассматривать Сенеку в качестве одного из основателей доктрины существенного изменения обстоятельств и влияния их изменения на отношения сторон позволяет логика рассуждений, которая прослеживается в его текстах, посвященных анализу этого института. В частности, философ, как указывает А.Г. Малхасян, задается следующими немаловажными вопросами, а именно:

—что представляет собой существенное изменение обстоятельств и как отличить обстоятельство существенное от несущественного;

—какова разница между субъективным и объективным фактором и будет ли иметь значение, существовало ли обстоятельство на момент заключения договора, но субъект значительно заблуждается в отношении его существования в момент его заключения (субъективный фактор) или оно действительно не существовало и возникло в дальнейшем (объективный фактор);

⁶¹ Подробнее см. Полдников Д.Ю. Происхождение оговорки о неизменности обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*) в доктрине правоведов *ius commune* // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. 2015. № 3. С. 22-34.

⁶² Малхасян А.Г. Возникновение и развитие доктрины изменения обстоятельств как исключения из правила о святости договоров в континентальной Европе // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. 2016. № 2. С. 123-135.

—является ли условие о сохранении обязательства только в случае, если обязательство не будет изменено, подразумеваемым или должно быть специально оговорено сторонами для того, чтобы оно начало действовать⁶³.

Однако, еще раз подчеркнем, что фактически какое-то общее правило в Дигестах Юстиниана выработано не было, его не существовало вплоть до средневековья (равно как и принцип *pacta sunt servanda*). Значительный вклад в развитие доктрины *rebus sic stantibus*, как указывают зарубежные исследователи этого вопроса, внесли глоссатор⁶⁴, однако нельзя говорить о том, что окончательное ее оформление произошло в трудах глоссаторов. Исследователи сходятся во мнении о том, что наиболее бурное развитие *rebus sic stantibus* получило в трудах средневековых философов и канонических юристов.

В праве Средневековья впервые о возможности отказа от исполнения обязательств в ситуации изменения обстоятельств начали рассуждать Аврелий Августин и Фома Аквинский, а в XIII в. доктрина изменения обстоятельств сформировалась, можно утверждать, окончательно, благодаря авторитетным комментариям к трудам известных богословов Иоанна Тевтонца⁶⁵.

Как указывает Д.В. Дождев, доктрина существенного изменения обстоятельств в истории права развивалась нелинейно, «тернистость пройденного пути зависит от верности предмету изучения и чувствительности к идеологическим установкам эпох⁶⁶. Формирование доктрины существенного изменения обстоятельств шло параллельно в каноническом праве и философии. В дальнейшем, учитывая взаимное влияние философии и права в средние века, а также значительное влияние института Церкви на право и философию, все эти взгляды были органично соединены и уже развивались в качестве своего рода

⁶³ См. Малхасян А.Г. Там же.

⁶⁴ Thier, Andreas (2011) Legal history. In: Hondius, Ewoud; Grigoleit, Hans Christoph. Unexpected circumstances in European contract law. Cambridge, UK: Cambridge University Press, 2011.

⁶⁵ Подробнее см. Полдников Д.Ю. Там же.

⁶⁶ Дождев Д.В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. № 2. 2018 г. С. 143-172.

единого института, хотя мнения философов и юристов-цивилистов относительно того, что является существенным изменением обстоятельств, или же относительно того, какие последствия должны наступать вследствие такого изменения обстоятельств, конечно, разнились⁶⁷.

По свидетельству В.Ф. Вольфсон, в дальнейшем исследуемая нами доктрина нашла свое отражение в кодексах эпохи естественного права. Туда бы были включены положения, нашедшие в себе воплощение принципа *rebus sic stantibus*. Как указывает исследователь, соответствующие формулировки можно найти в Баварском гражданском кодексе 1756 года (Codex Maximilianeus bavaricus civilis), Прусском Земском Уложении 1794 года и Австрийском гражданском уложении 1811 года⁶⁸.

В Новейшее время доктрина *rebus sic stantibus* приобрела особое значение после Первой Мировой войны, когда пришло осознание необходимости отказа от принципа абсолютной связанности сторон условиями договора (*pacta sunt servanda*) и судебная практика пришла к необходимости применения доктрины *rebus sic stantibus*, означающей, что абсолютная связь может быть разрушена в случае значительного изменения обстоятельств⁶⁹. Данное положение в очередной раз подтверждает соотношение принципов *pacta sunt servanda* и *rebus sic stantibus*, как главного принципа и принципа-исключения.

Интересно, что, например, не все представители советской юриспруденции рассматривали войну как основание, которое может рассматриваться в качестве существенного изменения обстоятельств с последующим влиянием такого

⁶⁷ Подробнее историю развития исследуемых институтов см. Малхасян А.Г., Полдников Д.Ю.

⁶⁸ Вольфсон В. Л. Соотношение *exceptio non adimpleti contractus* и *clausula rebus sic stantibus* как способов восстановления баланса инте-ресов: теория и современное развитие // Ленинградский юридический журнал. 2020. № 4(62). С. 95–114.

⁶⁹ Козлова Н.В., Ягельницкий А.А. Расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вестник Московского университета. Сер. 11. Право. 2010. № 3. С. 35 – 51.

обстоятельства на правоотношения сторон. В частности, такой точки зрения придерживался Г.М. Генкин⁷⁰.

Вместе с тем, несмотря на то, что действительно такое глобальное мировое потрясение как Первая мировая война оказали значительное влияние на развитие института существенного изменения обстоятельств, пересмотру его важности для гражданского оборота, в том числе международного, и внесения изменений в кодификации и правовое регулирование многих государств, о чем также будет указано нами позднее, следует отметить, что в некоторых странах на законодательном уровне этот институт не закреплен по настоящий момент. В.К. Вольфсон в своем исследовании среди таких стран называет Швейцарию, Испанию и Квебек (примечательно, что кодификация гражданского законодательства в Квебеке была произведена относительно недавно – в последнем десятилетии XX века⁷¹). Однако следует оговориться, что несмотря на то, что на законодательном уровне институт существенного изменения обстоятельств не закреплен, суды решают такие дела со ссылкой на общий принцип добросовестности⁷².

При этом в ряде стран институт существенного изменения обстоятельств появился только в середине XX (Испания) или вовсе начале XXI столетия (Германия и Франция), но все новейшие кодификации все-таки предусматривают соответствующие условия (Гражданский кодекс Бразилии 2002 г., Кодекс обязательственного права Турции, Гражданский кодекс Румынии 2011 г., Гражданский кодекс Чешской Республики 2014 г.).

Следует также указать на то, что в современной доктрине вопрос соотношения принципа *rebus sic stantibus* и *pacta sunt servanda* является актуальным не только с точки зрения регулирования отношений между частными субъектами (как во внутригосударственных отношениях, так и международных),

⁷⁰ Генкин Д.М. Великая Отечественная война и вопросы гражданского права // Всесоюзный институт юридических наук НКЮ СССР. Ученые записки. Выпуск III. Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. М., 1994. С. 7.

⁷¹ Подробнее о новом кодифицированном акте Квебека см. Brierley J. E. C. The renewal of Quebec's distinct legal culture: The new Civil Code of Quebec // University of Toronto Law Journal. – 1992. – С. 484-503.

⁷² Вольфсон В.К. Там же.

но также с точки зрения регулирования отношений между государствами и соблюдения договоров на межгосударственном уровне. Еще в начале XX века, анализируя вопрос соотношения рассмотренных нами в настоящем исследовании доктрин, исследователи указывали, что в международных отношениях достаточно сложно найти критерий, который позволил бы судить о том, что обстоятельства международной жизни и (или) международная или внутригосударственная обстановка изменились настолько, что новое положение вещей не позволяет государствам исполнять принятое на себя обязательство⁷³.

Несмотря на то, что в Венской конвенции о праве международных договоров 1969 года⁷⁴ данный вопрос был фактически разрешен и урегулирован, тем не менее, на практике возникает немало споров, так как решение вопроса о том, насколько существенно изменились обстоятельства и препятствует ли их изменение дальнейшему исполнению сторонами обязательств, отличается от дела к делу⁷⁵. Вместе с тем настоящее исследование носит частно-правовой характер и мы посчитали необходимым лишь отметить наличие схожей проблемы в сфере международного права. Полагаем, что подходы к применению доктрины существенного изменения обстоятельств в частном праве и международном праве должны отличаться.

Как отмечают отечественные исследователи, условие *rebus sic stantibus*, хотя и признается типовыми актами, разрабатываемыми международными организациями с целью унификации правового регулирования отношений сторон, в качестве «общего принципа» права (среди таких актов указываются, в частности, принципы УНИДРУА, чей подход к решению вопроса о непредвиденном изменении обстоятельств и его влиянии на отношения сторон будет рассмотрен

⁷³ Ладыженский А. М. Международный договор и оговорка относительно «*rebus sic stantibus*». Отдельный оттиск из журнала «Юридический вестник», 1915 г., кн. X (II). М., 1915. С. 5-8 (всего 27 с.).

⁷⁴ Венская Конвенция о праве международных договоров // Сборник международных договоров СССР, выпуск XLII, 1988.

⁷⁵ См. подробнее Симонова Н.С. Применение *clausula rebus sic stantibus* в контексте принципа добросовестности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. 2015. Т. 11. № 1. С. 119-127.

нами в первой главе настоящего исследования), тем не менее, распространен не во всех зарубежных юрисдикциях, в частности, достаточно своеобразно этот принцип применяется в англо-американском праве, на что нами еще неоднократно будет обращено внимание в настоящем исследовании⁷⁶.

Итак, в результате анализа принципов *pacta sunt servanda*, добросовестности, справедливости, а также *rebus sic stantibus*, можно сделать вывод о характере их взаимного влияния.

В настоящем параграфе было продемонстрировано, что *pacta sunt servanda* является важным принципом договорного права, который отвечает за стабильность гражданского оборота с древнейших времен: несмотря на то, что окончательно сформулирован он был только в Средневековье, упоминание о нем можно найти в древних религиозных трактатах, т.к. основывается он на идее святости обещания перед Богом.

Однако отсутствие исключений из такого принципа привело бы к существенному дисбалансу в отношениях сторон. Тонкую настройку применения принципа *pacta sunt servanda* и в определенной степени его ограничение призван обеспечить принцип добросовестности. Напомним, что нами была выделена двойственная природа взаимодействия *pacta sunt servanda* и принципа добросовестности: с одной стороны, он отвечает на вопрос о том, как должно исполняться обязательство, с другой – выступает ограничением его применения: в случае, если действуя добросовестно, сторона не может исполнить обязательство, в таком случае принцип *pacta sunt servanda* должен быть ограничен с целью обеспечения баланса интересов сторон.

При этом важно, что взаимосвязь принципов *pacta sunt servanda* и принципа добросовестности прослеживается во всех правовых системах, в том числе в английском праве. Так, институт *frustration*, о котором мы упоминали в настоящем параграфе и которой будет посвящена вторая глава исследования, корнями уходит

⁷⁶ Алимова Я.О. Указ. соч.

именно в принцип добросовестности, хотя оформленного принципа добросовестности как такового в английском праве не существует.

Учитывая, что принцип добросовестности не является чем-то раз и навсегда установленным и не закреплён в законе, необходим поиск иного критерия ограничения применения принципа *pacta sunt servanda*. В настоящем параграфе было продемонстрировано, что в качестве такого ограничителя выступает принцип справедливости. Совокупное применение принципов справедливости, добросовестности и разумности позволяют соблюдать интересы сторон и объективно оценивать правоотношения.

Таким образом, *rebus sic stantibus* – принцип, который направлен на ограничение *pacta sunt servanda*, и является следствием и результатом воздействия принципов добросовестности и справедливости и направлен на установление баланса интересов сторон. Разный подход к пониманию *rebus sic stantibus*, а также его последствий в разных правовых системах зависит, прежде всего, от разного подхода к пониманию принципов добросовестности и справедливости.

1.2 Понятие существенного изменения обстоятельств. Подходы к правовому регулированию существенного изменения обстоятельств в частном праве

Институт существенного изменения обстоятельств нашел свое отражение не только в рамках правовых систем отдельных государств, но также и в международно-правовых документах ⁷⁷. В ситуации, когда субъектами правоотношений выступают лица, находящиеся в разных государствах, единообразное, унифицированное применение института существенного изменения обстоятельств особенно важно.

В настоящем параграфе мы предлагаем рассмотреть некоторые, наиболее популярные из таких регуляторов, и выделить характерные подходы, которые

⁷⁷ См. например: Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров // Вестник ВАС РФ, № 1, 1994.

выработаны государствами и международно-правовыми организациями по вопросу определения института существенного изменения обстоятельств и последствий возникновения существенного изменения обстоятельств для правовых отношений сторон. Укажем, что институт существенного изменения обстоятельств имеет различное содержание в международных правовых актах, в английском праве (*frustration*) и российском праве, что будет рассмотрено далее. Термин *frustration* понимается в значении существенного изменения обстоятельств в английском праве.

Важно отметить, среди источников, которые подлежат исследованию в рамках настоящего параграфа существуют как конвенции, так и акты так называемого мягкого права (*soft law*).

Прежде чем мы перейдем к исследованию непосредственно подходов, закрепленных в таких актах для ситуаций существенного изменения обстоятельств, полагаем, необходимо определить место актов «мягкого права» в иерархии нормативных правовых актов, а также оценить их значимость и применимость для правового регулирования отношений сторон в международно-правовой практике.

Под «мягким правом» традиционно понимают квази-юридические инструменты, у которых нет обязывающей юридической силы, такие как необязывающие решения, декларации, принципы, которые разрабатываются как государствами, так и неправительственными организациями. Как отмечают современные исследователи, термин «мягкое право» впервые возник в сфере дипломатии в 1980-х гг. и после прочно вошел в оборот⁷⁸. В современной

⁷⁸ Druzin B. H. Why does soft law have any power anyway? //Asian Journal of International Law. – 2017. – Т. 7. – №. 2. – С. 361-378.

юридической литературе термин «мягкое право» широко употребляется как в отечественной⁷⁹, так и зарубежной⁸⁰ литературе.

Силу (не юридическую, но фактическую) таким юридическим документам придает не принуждение, которое стоит за такими актами, декларациями и принципами, а авторитет организаций, которые разрабатывают соответствующие документы, а также максимальная направленность их на выработку таких норм и подходов, которые могли бы обеспечить защиту интересов всех сторон обязательства и при этом некоего унифицированного подхода, наиболее приемлемого для большинства участников рынка, и, если это возможно, близкого к применимому в большинстве государств.

Интересная концепция была предложена Б. Друзин, который указывает, что акты «мягкого права» имеют силу не только и не сколько в связи с авторитетностью их создателя, но они обретают силу также в результате «эффекта сети». Этот эффект заключается в том, что чем больше субъектов права начинают его использовать, тем более пользователей это привлекает к дальнейшему использованию. Поскольку стандарты и иные акты «мягкого права» являются инструментами, которые облегчают взаимодействие субъектов правоотношений между собой, ценность такого стандарта (или иного инструмента) возрастает по мере присоединения к нему других субъектов⁸¹. Иными словами, чем больше

⁷⁹ См., например, Демин А.В. «Мягкое право» в эпоху перемен: опыт компаративного исследования [Текст]: монография. - Москва: Проспект, 2016; Халафян Р.М. Нормы международного «мягкого права» в правовой системе Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Халафян Рустам Мартикович; [Место защиты: Казан. (Приволж.) федер. ун-т]. - Казань, 2016. - 273 с.; Велижанина М.Ю. «Мягкое право»: его сущность и роль в регулировании международных отношений: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Велижанина Марина Юрьевна; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. - Москва, 2007. - 165 с.; Мулюн В.Н. Особенности соотношения международного и внутригосударственного права в деятельности Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда и группы Всемирного банка : диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Мулюн Владислав Николаевич; [Место защиты: Дипломат. акад. МИД РФ]. - Москва, 2009. - 218 с. и др.

⁸⁰ См., например, Guzman A. T., Meyer T. L. International soft law // *Journal of Legal Analysis*. – 2010. – Т. 2. – №. 1. – С. 171-225; Abbott K. W., Snidal D. Hard and soft law in international governance // *International organization*. – 2000. – С.421-456; Senden L. Soft law in European Community law. – Hart publishing, 2004. – Т. 1; Dupuy P. M. Soft law and the international law of the environment // *Mich. J. Int'l L.* – 1990. – Т. 12. – С. 420.

⁸¹ Druzin B. H. Там же.

участников оборота используют указанный нормативный акт, тем больше иных участников привлекается к их использованию, и, таким образом, они становятся широко применимыми на практике. Так, например, сторона в обязательстве сама может предложить использовать унифицированные правила, или же стороны могут обратиться к ним в случае, если не удастся достигнуть договоренности относительно конкретных условий договора. Еще раз подчеркнем, что такая ситуация возможна только при условии, что документ отвечает существующим потребностям оборота.

Кроме того, добавим, что преимущество актов «мягкого права» заключается в том, что традиционно такие акты разрабатываются группами ученых и практиков, цель которой заключается в выработке единого подхода, который окажется наиболее удобным для оборота и будет часто применяться. Разрабатываемые документы проходят многочисленные обсуждения и учитывают самые последние тенденции в правовом регулировании и экономическом развитии отношений. Учитывая отсутствие необходимости прохождения актов через длительные процедуры согласования и принятия, они обладают гибкостью и могут часто обновляться. Частое обновление также способствует росту популярности их применения.

Следует отметить, что частота обновления таких актов все-таки является условной. Так, например, Принципы международных коммерческих договоров, разработанные Международным институтом унификации частного права (далее – принципы УНИДРУА) впервые увидели свет в 1994 году⁸² и обновлялись за

⁸² Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) (1994 год) // Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров. - М.: Международный центр финансово-экономического развития, 1996. С. 431 – 463.

прошедшие почти тридцать лет три раза – в 2004 г.⁸³, 2010 г.⁸⁴ и 2016 г.⁸⁵. Вместе с тем среди преимуществ принципов УНИДРУА для их использования в практической деятельности традиционно исследователями указывается прозрачность процесса их разработки и наличие обширного комментария составителей⁸⁶, предваряющая изменение принципов значительная работа разработчиков по изучению правоприменительной практики⁸⁷, а также их направленность на нивелирование различий в правовых системах для обеспечения удобства применения принципов УНИДРУА в международной практике⁸⁸.

Таким образом, принимая во внимание, что акты мягкого права отражают собой последние тенденции развития научной мысли и потребности практики, а также тот факт, что их цель состоит в унификации подходов правоприменения, а при их создании используются наиболее оптимальные и сбалансированные подходы (*best practices*), полагаем необходимым рассмотреть их в рамках настоящей работы с целью составления представления о тенденциях регулирования последствий существенного изменения обстоятельств на договорные отношения сторон.

В настоящей работе мы обратимся к следующим документам:

—Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров (далее – Конвенция)⁸⁹;

⁸³ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА (2004 год) // Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2004- М.: Статут, 2006. С. 410 - 502.

⁸⁴ Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 / пер. с англ. А.С. Комарова. М.: Статут, 2013. 758 с.

⁸⁵ Официального перевода на русский язык на настоящий момент нет. Версию принципов на английском языке см. URL <https://www.unidroit.org/instruments/commercial-contracts/unidroit-principles-2016> (дата обращения 18.06.2021).

⁸⁶ Кискачи М.А. Допустимость выбора Принципов УНИДРУА в качестве применимого права в случае рассмотрения спора в суде // Российский юридический журнал. 2019. № 5. С. 153 - 167.

⁸⁷ Михайлова Л.А. Негосударственное регулирование в сфере трансграничных агентских отношений // Актуальные проблемы российского права. 2021. № 3. С. 168 - 176.

⁸⁸ Москальков А.В. Значение Инкотермс в международной торговле // Международное публичное и частное право. 2021. № 2. С. 19 - 23.

⁸⁹ Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров // Вестник ВАС РФ, № 1, 1994.

—принципы международных коммерческих договоров (принципы УНИДРУА)⁹⁰;

—принципы европейского контрактного права⁹¹;

—модельные правила европейского частного права⁹².

Из приведенного перечня можно сделать вывод о том, что только один документ, включенный в него, является обязательным для применения на территории стран-участниц – это Конвенция. Остальные три представляют собой примеры актов «мягкого права», о котором мы уже говорили выше. Несмотря на то, что последние не являются обязывающими, при анализе опыта и регулирования в отношении вопроса о судьбе отношений сторон в случае непредвиденного изменения обстоятельств эти акты также должны быть рассмотрены и учтены. В контексте настоящей работы анализ соответствующих положений также важен потому что, как уже было указано выше, цель разработки таких актов – это выработка именно унифицированной нормы, которая будет выражать определенный усредненный подход к правовому регулированию влияния существенного изменения обстоятельств на договорные отношения сторон. Учитывая, что настоящее исследование посвящено анализу регулирования института в англо-американском и российском праве, анализ таких документов представляется особенно актуальным.

Безусловно, главным документом среди перечисленных выступает Международная конвенция купли-продажи товаров (*Convention on the International Sale of Goods, CISG*), которая, по признанию некоторых исследователей, имеет успех, который не ожидался для этого документа. Она готовилась на протяжении тридцати лет и была подписана в 1980 году. Государства, на которых относится большая доля в международной торговле, за исключением, пожалуй, Соединенного

⁹⁰ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // Закон, № 12, 1995.

⁹¹ <https://www.jus.uio.no/lm/eu.contract.principles.parts.1.to.3.2002/>.

⁹² Von Bar C., Clive E., Schulte-Nölke H. Principles, definitions and model rules of European private law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). – Walter de Gruyter, 2009.

Королевства ⁹³ и Японии, ратифицировали Конвенцию. Отметим, что предшественники Конвенции (напомним, что до принятия Конвенции существовало два международных документа – Конвенция о Единообразном законе о международной купле-продаже товаров 1964 г. ⁹⁴ и Конвенция о Единообразном законе о заключении договоров о международной купле - продаже товаров 1964 г. ⁹⁵) не обрели такой успех, что говорит о качестве проработки материала в исследуемом нами документе: в целом он отвечает потребностям международного оборота, хотя некоторые вопросы, в том числе в рамках исследуемого нами института, все еще остаются не решенными, на что подробнее будет указано нами далее.

По оценке исследователей, Конвенция также во многом повлияла на формирование правовой системы многих иностранных государств⁹⁶. По общему правилу, положения Конвенции применяются к отношениям сторон автоматически в случае, если государства сторон ратифицировали Конвенцию. Для того, чтобы исключить применение Конвенции, стороны должны отдельно указать на это. В этом ключевое отличие Конвенции от актов «мягкого права», которое мы также будем исследовать в рамках настоящей работы: последние, по общему правилу, не подлежат применению до тех пор, пока возможность их применения не будет предусмотрена сторонами.

Таким образом, указанный документ безусловно должен быть проанализирован в рамках настоящего исследования.

Принципы международных коммерческих договоров, разработанные Международным институтом унификации частного права (УНИДРУА), являются

⁹³ Подробнее о том, почему Великобритания не ратифицировала Конвенцию, см. Moss S. The Why the United Kingdom Has Not Ratified the CISG // *JL & Com.* – 2005. – Т. 25. – С. 483.

⁹⁴ Конвенция о Единообразном законе о международной купле-продаже товаров // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971. С. 46 - 74.

⁹⁵ Конвенция о Единообразном законе о заключении договоров о международной купле - продаже товаров 1964г. // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I.- Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971. С. 75 - 84.

⁹⁶ Schlechtriem P. Requirements of Application and Sphere of Applicability of the CISG // *Victoria U. Wellington L. Rev.* – 2005. – Т. 36. – С. 781.

популярным инструментом и активно применяется в России, но не в мировой практике, как указывает Р. Михаэльс в исследовании, посвященном указанному документу. Несмотря на то, что Принципам УНИДРУА посвящено большое количество исследований, автор указывает, что стороны редко выбирают их в качестве основного регулятора их отношений. Однако тот факт, что стороны решили не выбирать в договоре принципы УНИДРУА в качестве основного источника, не означает, что арбитры не обратятся к ним как к *lex mercatoria*, т.е. неким сформулированным торговым обычаям, которые, в свою очередь, как раз нередко выступают регулятором в международных отношениях. Наибольшую популярность Принципы УНИДРУА имеют в России, Украине, Испании, Австралии, Китае, Италии, Голландии, Великобритании, Аргентине и США. Несмотря на то, что Принципы УНИДРУА задумывались как некий документ, который впоследствии должен был лечь в основу некоего международного торгового кодекса, по факту он больше используется в качестве образца для разработки и усовершенствования законодательства отдельных государств, нежели как унифицированный регулятор⁹⁷.

Отличие принципов УНИДРУА от иных инструментов мягкого права заключается в том, что это единственный документ, который был разработан межправительственной организацией. Кроме того, отличие принципов УНИДРУА от Конвенции заключается в том, что применение первых не ограничивается исключительно международной куплей-продажей товаров, а распространяется на все договоры⁹⁸.

Вместе с тем несмотря на такое ограниченное применение, учитывая, что в международной практике принципы УНИДРУА рассматриваются как *lex mercatoria*, они подлежат рассмотрению в рамках настоящего исследования с точки

⁹⁷ По вопросу применения Принципов УНИДРУА см. подробнее Michaels R. The UNIDROIT Principles as global background law //Uniform Law Review. – 2014. – Т. 19. – №. 4. – С. 643-668.

⁹⁸ Viscasillas, Pilar Perales: The Role of the UNIDROIT Principles and the PECL in the Interpretation and Gap-filling of CISG, in CISG Methodology, (Janssen, Andre'/Meyer, Olaf), Sellier, Mu'nchen 2009, p. 288.

зрения предусмотренного в них регулирования на случай непредвиденного изменения обстоятельств и их влияния на договорные отношения сторон.

Принципы европейского договорного права (*the Principles of European Contract Law, PECL*) оцениваются исследователями как «начало новой эры» в транснациональном контрактном праве⁹⁹. Они разрабатывались Комиссией по европейскому договорному праву, которая, как указывает К.В. Нам, возникла стихийно, не имела официального статуса и стремилась выработать некие единообразные нормы и подходы к унификации договорного права Евросоюза¹⁰⁰. Стремление выработать единые правила регулирования договорных отношений сторон внутри Евросоюза имеет, вместе с тем объективный характер, и выражается в самой идее и цели создания ЕС – формирование единого европейского рынка. Отсюда вытекает особенность, которая характерна для этого документа – он был призван выработать единые правила, которые подлежат применению только на территории Евросоюза.

Учитывая, что, по свидетельству современных исследователей, эти принципы представляют собой «основанную на сравнительном праве, направленную на будущее модель современного европейского договорного права»¹⁰¹, они также заслуживают внимания в рамках настоящей работы.

Модельные правила европейского частного права (*Principles, definitions and model rules of european private law, DCFR*) (далее также – Модельные правила) – продукт деятельности Комиссии по разработке европейского гражданского кодекса. По оценке К.В. Нама, выработка этих правил стала новой вехой развития кодификации европейского частного права. Правила представляют собой, по свидетельству П. Варула, результат самой объемной исследовательской работы, которая была проделана на настоящий момент в области европейского частного

⁹⁹ Berger K. P. The Principles of European Contract Law and the Concept of the "Creeping Codification" of Law // *European review of private law*. – 2001. – Т. 9. – №. 1.

¹⁰⁰ См. подробнее Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики // СПС Консультант Плюс.

¹⁰¹ Нам К.В. Там же.

права¹⁰². Первый вариант Модельных правил был опубликован в 2008 году, окончательная версия увидела свет в 2009 году.

Отметим, что Модельные правила европейского частного права рассматривают еще более широкий круг вопросов, чем Конвенция, принципы УНИДРУА или Принципы европейского договорного права: они направлены на регулирование отношений между частными лицами, а также коммерческих лиц с частными лицами, содержит в себе нормы по регулированию обязательств, вытекающих из причинения вреда, неосновательное обогащение и иные вопросы, которые выходят за пределы регулирования договорного права.

Таким образом, документы, на которых будет сделан акцент в настоящем исследовании, являются наиболее влиятельными документами как с точки зрения юридической силы, широты практики применения и значимости для оборота (Венская конвенция международной купли-продажи товаров 1980 г.), так и с точки зрения научной работы, которая отражает реальную ступень развития общественных отношений и правового регулирования в исследуемой нами области (перечисленные нами акты «мягкого права»).

Предлагаем обратиться непосредственно к решениям, предложенным в указанных документах. Начать исследование вопроса считаем необходимым с правового регулирования, предусмотренного Конвенцией.

Итак, в соответствии с общими положениями Конвенции к нарушившей стороне может быть предъявлено требование о взыскании убытков без необходимости доказательства отсутствия на ее стороне недобросовестности, нарушения каких-либо условий контракта и иных обстоятельств, которые зачастую рассматриваются правовыми системами государств как обязательные условия наступления ответственности. Напомним, что в соответствии со статьей 45.1b Конвенции в случае, если продавец не исполняет обязательства, предусмотренные договором или Конвенцией, покупатель может потребовать возмещения убытков.

¹⁰² Варул П. Принципы и модельные правила современного частного права // Закон. 2014. № 6. С. 56 - 60.

Обратное правило существует также для случаев неисполнения договора со стороны покупателя (статья 61.1b Конвенции).

Исключение из этого общего правила предусмотрено в статье 79 Конвенции. Диспозиция пункта 1 статьи 79 Конвенции представляется достаточно запутанной. Фактически там указано, что сторона освобождается от ответственности за неисполнение принятых обязательств в следующих случаях:

—сторона доказала, что невозможность исполнения вызвана препятствием вне ее контроля (необходимо доказать в любом случае);

—сторона доказала, что возникновение таких препятствующих обстоятельств нельзя было предвидеть при заключении договора (наравне со следующим обстоятельством является факультативным);

—когда такое препятствие возникло, сторона не могла его самостоятельно преодолеть (также является факультативным наравне с указанным выше обстоятельством).

Предлагаем подробнее рассмотреть обстоятельства, которые указаны Конвенцией в качестве оснований для освобождения нарушившей стороны от ответственности за неисполнение обязательства.

Первое обстоятельство, как уже было указано выше, гласит, что такое обстоятельство должно находиться вне сферы контроля стороны. Отсюда исследователи делают вывод о том, что только объективные обстоятельства, которые находятся за пределами контроля стороны и вне пределов ее разумной ответственности могут иметь юридическое значение для целей применения статьи 79 Конвенции¹⁰³. Такие обстоятельства могут включать в себя различные природные катаклизмы, например, землетрясения, наводнения, ураганы и т.д.; обстоятельства, которые относятся к социальным и (или) политическим потрясениям (война, революция, мятеж, забастовка); юридические ограничения (эмбарго, выемка товаров, запрет на вывоз валюты и иные); а также другие

¹⁰³ Flambouras D. P. The doctrines of impossibility of performance and *clausula rebus sic stantibus* in the 1980 convention on contracts for the international sale of goods and the principles of European contract law-a comparative analysis //Pace Intl'l L. Rev. – 2001. – Т. 13. – С. 261.

обстоятельства (произошедший грабеж или разбой, совершенный во время перевозки товаров).

Все указанные выше обстоятельства могут значительным образом повлиять непосредственно на возможность исполнения обязательств сторонами, например, повлечь за собой уничтожение завода или иных сооружений продавца; помешать продавцу или поставщику доставить товар; причинить ущерб товару вплоть до полной его утери; повлиять на возможность покупателя уплатить цену товара. Иными словами, полагаем, можно сформулировать последствия наступления таких обстоятельств следующим образом: наступившие обстоятельства значительно повлияли на хозяйственную деятельность стороны с вытекающей отсюда наступившей невозможностью исполнения.

Д. Фламбуарос особенно указывает на то, что в такой ситуации каждый случай должен быть рассмотрен индивидуально, с учетом особенностей определенной местности и практики¹⁰⁴. Так, если пожар мог быть предвиден или предотвращен продавцом или произошел по его вине (например, будет доказано, что в здании не соблюдалась техника противопожарной безопасности), в таком случае продавец не будет освобожден от ответственности за неисполнение обязательства в соответствии со статьей 79 Конвенции. В качестве примера можно также привести ситуацию с ограблением в дороге: в случае, если есть основания предполагать, что, с высокой долей вероятности, ограбление произойдет, в таком случае продавец обязан был бы нанять охрану с целью обеспечения сохранности имущества и т.д.

Представляется, что соответствующее применение положений Конвенции приводит к тому, что в значительной степени при определении того, действительно ли то или иное обстоятельство является обстоятельством непреодолимой силы, будут иметь значение оценочные категории добросовестности и разумности: разумный, средний участник оборота мог предвидеть наступление

¹⁰⁴ Flambouras D. P. The doctrines of impossibility of performance and *clausula rebus sic stantibus* in the 1980 convention on contracts for the international sale of goods and the principles of European contract law-a comparative analysis // *Pace Intl'l L. Rev.* – 2001. – Т. 13. – С. 261.

соответствующих последствий (например, паводок реки и затопление склада, которое приведет к порче товара и невозможности исполнения обязательства), а добросовестный участник оборота должен был предотвратить наступление таких последствий.

Также важно отметить, что основанием для освобождения от ответственности в соответствии со статьей 79 Конвенции может стать только такое обстоятельство, которое, безусловно, находится вне контроля стороны¹⁰⁵. Соответственно, если продавец претерпевает кассовый разрыв, у него по какой-то причине уменьшаются производственные мощности или поставщик своевременно не поставляет товар, а также имеют место иные обстоятельства, которые могли быть разумно предвидены и предотвращены продавцом, он не должен быть освобожден от исполнения обязательства. Таким образом, большинство экономических событий не являются основанием для освобождения от исполнения обязательства.

В научной литературе, как указывает в своем исследовании Д. Фламбоарос, существует спор о том, применимо ли правило, предусмотренное статьей 79 Конвенции в случае, когда уже до заключения договора присутствовала невозможность исполнения, т.е. предмет договора купли-продажи не существовал на момент заключения договора. В ряде исследований и комментариев признается возможность применения статьи 79 Конвенции к таким случаям.

Такое решение, как справедливо указывает Д. Фламбоарос, допустимо для тех юридических систем, в которые не имплементирован принцип *impossibilium nulla obligatio est* (невозможное не может вменяться в обязанность). Напротив, в тех правовых системах, где отсутствие предмета договора в момент его заключения влияет на действительность договора, невозможно применение статьи 79 Конвенции: в таком случае правовые отношения сторон должны регулироваться не нормами Конвенции, но применимым правом. Кроме того, при рассмотрении

¹⁰⁵ Flambouras D. P. The doctrines of impossibility of performance and clausula rebus sic stantibus in the 1980 convention on contracts for the international sale of goods and the principles of European contract law-a comparative analysis //Pace Intl'l L. Rev. – 2001. – Т. 13. – С. 261.

конкретного спора, несомненно, должно учитываться, предполагали ли стороны, что отсутствие предмета договора должно влечь его незаключенность, или нет. Например, сторона могла предоставить гарантию существования товара, в таком случае договор, конечно, должен быть признан незаключенным¹⁰⁶.

Полагаем, что при рассмотрении описанной нами выше проблемы следует также учитывать, может ли тот или иной договор быть охарактеризован как договор купли-продажи будущей вещи. Напомним, что сама Конвенция допускает ее применение к договорам, предметом которых выступает вещь, которая будет сделана в будущем. Таким образом, в ситуации, когда стороны договорились, что продавец произведет вещь и в дальнейшем ее доставит покупателю, отсутствие вещи на момент заключения договора не будет иметь значения как для определения действительности договора, так и для целей применения статьи 79 Конвенции.

Напротив, если стороны разумно полагались на то, что вещь существовала в момент заключения договора (например, у продавца была партия товара — определенным образом обработанная древесина) и он не мог знать о том, что товар был уничтожен (склад, где древесина хранится, был расположен близко к реке, которая ранее никогда не разливалась), в таком случае подлежит применению статья 79 Конвенции. Однако, конечно, следует оговориться, что в приведенном нами примере также должно быть исследовано, мог ли продавец когда-либо предположить, что река разольется, должен ли он был принять какие-либо действия, направленные на предотвращение намокания древесины (расположить склад дальше, расположить древесину высоко над уровнем земли и проч.) или не мог.

Это размышление приводит нас к следующему обстоятельству, которое является основанием для применения доктрины существенного изменения обстоятельств в рамках Конвенции — возможность стороны предвидеть наступление такого события.

¹⁰⁶ Flambouras D. P. The doctrines of impossibility of performance and *clausula rebus sic stantibus* in the 1980 convention on contracts for the international sale of goods and the principles of European contract law-a comparative analysis // *Pace Intl'l L. Rev.* – 2001. – Т. 13. – С. 261.

Это правило было перенято большинством правовых систем отдельных государств и соответствует общепринятому представлению о том, что если обстоятельство, которое в дальнейшем оказало влияние на возможность исполнения обязательств, могло быть разумно предвидено стороной, то по смыслу статьи 79 Конвенции такая сторона должна считаться принявшей разумный риск наступления такого обстоятельства. Возможность предвидеть то или иное обстоятельство должна быть оценена на момент заключения договора, при этом важно применение объективного адекватного стандарта поведения, т.е. не рассматривать сторону в качестве пессимиста, который должен предвидеть все возможные события, и оптимиста, который надеется, что ни одно из таких обстоятельств не произойдет¹⁰⁷.

Снова обратим внимание на то, насколько важен для применения доктрины существенного изменения обстоятельств принцип добросовестности. Именно в рамках этого принципа подлежит выработке идеальная усредненная модель поведения, призванная предотвратить такое применение института существенного изменения обстоятельств, которое будет нарушать баланс интересов сторон. В целом такое правило является общепризнанным, как будет продемонстрировано нами в дальнейшем в отношении актов мягкого права, предполагаемых к рассмотрению в рамках настоящего исследования.

Кроме того, следует учитывать также иные обстоятельства, которые имели место на момент заключения договора, к которым относятся, среди прочих, длительность договора, или обстоятельства, свидетельствующие о том, что в момент заключения договора исследуемые обстоятельства уже были известны (должны были быть известны) сторонам.

Важно, что непредвиденное обстоятельство, которое повлияло на возможность исполнения стороной обязательства, может также выступать обстоятельством, исключающим ответственность нарушившей стороны, только в

¹⁰⁷ Подробнее про стандарт поведения см. Flechtner H. Article 79 of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) as Rorschach Test: The Homeward Trend and Exemption for Delivering Non-Conforming Goods //Pace Int'l L. Rev. – 2007. – Т. 19. – С. 29.

случае, если, во-первых, само обстоятельство не было предвидено, во-вторых, сторона не могла предотвратить наступление последствий путем совершения разумных действий. Конечно, в каждом конкретном случае, как уже было указано выше, такие обстоятельства должны быть рассмотрены с точки зрения конкретных обстоятельств каждого дела.

В соответствии со статьей 79.4 Конвенции сторона, исполнение обязательств которой стало невозможным в результате наступления непредвиденного обстоятельства, должна уведомить об этом другую сторону. В случае, если другая сторона не получит такое уведомление в течение разумного срока, первая будет ответственна и с нее могут быть взысканы убытки. Такой подход является логичным проявлением принципа добросовестности, который включает в себя также обязанность по информированию.

Важно отметить, что в соответствии с практикой Международной торговой палаты (International Chamber of Commerce, ICC)¹⁰⁸ для освобождения нарушившей стороны от ответственности такое превосходящее обстоятельство должно быть признано единственным обстоятельством, которое повлияло на исполнение обязательства нарушившей стороной. Так, например, в случае, если сторона заявила, что поставка не будет осуществлена, и в дальнейшем товар портится в результате какого-то обстоятельства, которое по смыслу статьи 79 Конвенции может быть признано непредвиденным (например, пожар), сторона не будет освобождена от ответственности за неисполнение обязательства. Напротив, если будет доказано, что товар был бы утрачен в любом случае, вне зависимости от того, было или нет ранее заявлено о том, что исполнение не будет произведено, сторона может быть освобождена от исполнения обязательств.

Отметим, что сторона не ответственна за неисполнение обязательства в соответствии со статьей 79.3 Конвенции только до тех пор, пока такое обстоятельство имеет силу. При этом сторона, не уведомившая другую сторону о возникновении такого обстоятельства, лишается права ссылаться на его действие.

¹⁰⁸ Court of Arbitration of the International Chamber of Commerce, Case No. 7197, 1992, URL: <http://www.unilex.info/case.cfm?pid=1&do=case&id=37&step=Abstract>.

В научной литературе существуют споры в отношении некоторых вопросов, связанных с применением статьи 79 Конвенции. Первая из них связана с положением пункта 5 статьи 79 Конвенции, которая указывает на то, что сторона не ответственна за неисполнение обязательств в результате возникновения обстоятельств, предусмотренных в пункте 1 указанной статьи, только в части взыскания причиненных убытков. Вместе с тем пострадавшая сторона не лишается права в соответствии с прямым толкованием указанной нормы требовать исполнения обязательства в натуре¹⁰⁹.

Представляется, что обстоятельства, которые перечислены в пункте 1 статьи 79 Конвенции, препятствуют исполнению стороной обязательства, а некоторые из них вовсе могут возложить дополнительное финансовое бремя на такую сторону или неизбежно понуждать ее к нарушению закона в случае, если обязательство не будет считаться автоматически прекращенным. Так, например, такая ситуация будет иметь место в случае, если непредвиденным обстоятельством станет запрет на продажу определенных веществ на территории государства, когда предметом договора являлось как раз такое вещество (в таком случае будет иметь место вынужденное нарушение стороной закона) или необходимость проведения дорогостоящей операции по вылавливанию груза с морского дна в случае, если таким обстоятельством стал ураган или стихийное бедствие (в таком случае будут иметь место значительные убытки стороны).

Представляется, что в таком случае закон должен предусматривать автоматическое прекращение договорных обязательств, как минимум для первого описанного нами случая.

Следует также рассмотреть вопрос, связанный с применением статьи 79 Конвенции в случае, когда стороны применяют также иные инструменты, устанавливающие дополнительную материальную ответственность за нарушение сторонами обязательств, а именно штрафы и заранее оцененные убытки.

¹⁰⁹ Flambouras D. P. The doctrines of impossibility of performance and *clausula rebus sic stantibus* in the 1980 convention on contracts for the international sale of goods and the principles of European contract law-a comparative analysis // *Pace Intl'l L. Rev.* – 2001. – Т. 13. – С. 261.

В научной литературе также можно встретить разные точки зрения по этому вопросу. Первая точка зрения состоит в том, что вопросы взыскания заранее оцененных убытков, а также штрафов за неисполнение обязательств по договору подлежат разрешению в соответствии с применимым законодательством и, в свою очередь, также зависят от намерений сторон, и от того насколько возможно установить волю сторон. Отсюда вытекает, что если в контракте явно предусмотрено условие, в силу которого стороны договорились о возможности взыскания с нарушившей стороны штрафа или заранее оцененных убытков, то статья 79 Конвенции не подлежит применению, а сторона не будет освобождена от исполнения обязательств по договору¹¹⁰. Вместе с тем сам размер штрафа или заранее оцененных убытков может быть уменьшен в соответствии с требованиями применимого законодательства.

Не касается статья 79 Конвенции также условий о взыскании процентов за пользование чужими денежными средствами, они подлежат взысканию, т.к. условия Конвенции прямо разделяют такие проценты (*interest*) и убытки (*damages*).

В настоящей работе до настоящего момента мы рассматривали статью 79 Конвенции как применимую только к случаям, когда исполнение обязательств стало невозможным. Пожалуй, один из основных споров, существующих на настоящий момент в отношении указанной статьи Конвенции, состоит в том, применима ли она к ситуации, когда произошедшее событие повлияло на возможность исполнения сторонами обязательств таким образом, что его исполнение стало не невозможным, но значительно затруднительным (например, значительно увеличилась стоимость закупки товаров). В таком случае имеет место не полная невозможность исполнить обязательства, а значительные затруднения в его исполнении в связи с изменением экономической ситуации, в том числе такие изменения, существование которых в момент заключения договора стало бы для сторон серьезным препятствием к его заключению.

¹¹⁰ Там же.

На основании анализа текста Конвенции некоторые исследователи делают вывод о том, что в целом указанный документ не допускает применения доктрины *rebus sic stantibus*, согласно которой обязательство считается действительным только в случае, если обстоятельства не изменились. Применительно к конкретной ситуации любое изменение обстоятельств, которое делает для стороны исполнение обязательства пусть не невозможным, но значительно затруднительным, не влечет за собой прекращение обязательства или не освобождает пострадавшую сторону от права требовать возмещения убытков. Таким образом, Конвенция последовательно и всецело базируется на принципе *pacta sunt servanda*.

Вместе с тем применение принципа *pacta sunt servanda* без каких-либо оговорок и исключений может привести к возникновению серьезного дисбаланса в отношениях сторон, особенно в ситуациях, когда стороны заключили долгосрочные контракты, требующие больших материальных затрат (например, строительство крупного промышленного объекта). На практике такой дисбаланс традиционно разрешается сторонами контрактными инструментами.

Иная точка зрения заключается в том, что положения статьи 79 Конвенции не могут быть истолкованы однозначно, и ситуация, при которой не возникла полная невозможность исполнения обязательства, но оно стало более обременительным, также подпадают под действия Конвенции. Здесь, однако, также существуют разные точки зрения: первая заключается в том, что такие обстоятельства также подпадают под действие статьи 79 Конвенции, вторая – эти случаи в целом регулируются Конвенцией, но она не содержит четкого предписания, что означает, что должны быть использованы доступные способы толкования и восполнения пробелов.

Восполнение таких пробелов, в соответствии с самой Конвенцией, происходит по правилам статьи 7, которая предусматривает, что в случае, если какой-то вопрос напрямую не разрешен Конвенцией, он должен быть решен на основании ее принципов. Вместе с тем, помимо принципа добросовестности, иных принципов Конвенция не предусматривает.

В этом смысле принципы УНИДРУА могут быть использованы как адекватный инструмент для восполнения пробелов Конвенции. Цель унификации применения Конвенции может быть достигнута судами путем применения принципов УНИДРУА в контексте статьи 7.2 Конвенции. Кроме того, отметим, что сами принципы в преамбуле указывают на то, что они могут быть использованы для интерпретации и дополнения международных договоров.

Использование принципов УНИДРУА для восполнения пробелов Конвенции представляется удачным выбором, т.к. принципы являются сбалансированными с точки зрения соблюдения интересов обеих сторон. Кроме того, как указывают некоторые исследователи, такое восполнение пробелов Конвенции представляется более удачным с точки зрения унификации в сфере международной купли-продажи, т.к. в таком случае судам не придется применять в каждом споре разное законодательство¹¹¹.

Вместе с тем, как отмечает Р. Уриб, проблема может возникнуть в связи с тем, что принципы УНИДРУА, как указано в них, содержат лучшие, пусть пока и не всеми принятые решения. Кроме того, что касается последствий возникновения непредвиденных обстоятельств для договорных отношений сторон, следует отметить, что принципы УНИДРУА и Конвенция имеют разные подходы к решению указанного вопроса. Так, Конвенция освобождает от ответственности за неисполнение, но не прекращает обязательство и не допускает вмешательство в договорные отношения сторон, в то время как принципы УНИДРУА допускают, что договор может быть изменен судом, что значительно расходится с подходом, принятым английским правом.

Точка зрения, в силу которой статья 79 Конвенции также покрывает вторые случаи, т.е. случаи существенного изменения обстоятельств, не повлиявшие на саму возможность исполнения сторонами обязательств, но лишь сделавшие такое исполнение более обременительным, высказывает, в том числе О. Ландо¹¹². Он

¹¹¹ Uribe R. M. Change Of Circumstances In International Instruments Of Contract Law. The Approach Of The Cisg, Picc, Pecl And Dcfr //European Review of Private Law. – 2011. – Т. 479. – №. 8.

¹¹² Lando, O., Udenrigshandelens kontrakter, 1987, 3rd ed. DJØF Forlag, Copenhagen, at p. 299.

также указывает, что статья 79 Конвенции должна быть истолкована таким образом, что от стороны, которая претерпевает последствия существенного изменения обстоятельств, нельзя ожидать, чтобы она предпринимала попытки к предотвращению таких обстоятельств, что, в свою очередь, может принести серьезные для нее убытки.

Дж. Хоннолд также придерживается точки зрения, в силу которой возникшее обстоятельство должно делать невозможным исполнение обязательства, но не в буквальном смысле этого слова: здесь «невозможность исполнения» должна толковаться расширительно и предусматривать, что с практической точки зрения исполнить обязательство представляется затруднительным. Отсюда следует, что автор относит к таким обстоятельствам также всякого рода экономические затруднения, в том числе кризисы, изменение курса валют и т.д., но, если они имели некий чрезвычайный характер. Х. Флетчер добавляет к этому, что в таком случае не должны использоваться иные средства защиты, которые могут быть предусмотрены законодательством стран-участников правоотношения, т.к. сама по себе статья 79 Конвенции это, по его мнению, исключает¹¹³.

Полагаем, что с точки зрения соблюдения баланса прав и интересов участников правоотношений, а также исходя из необходимости соблюдения принципа *pacta sunt servanda*, на котором базируется правовое регулирование Конвенции, можно сделать вывод о том, что статья 79 подлежит применению исключительно в тех ситуациях, когда исполнение в связи с существенным изменением обстоятельств стало не значительно затруднительным или финансово обременительным, но невозможным для сторон. Иная трактовка приведет к волюнтаристскому расширительному толкованию и фактическому изменению текста Конвенции.

Таким образом, в Конвенции под существенным изменением обстоятельств понимаются именно те ситуации, когда исполнение договора стало для сторон

¹¹³ Honnold, J. and Flechtner, H.M., Uniform law for international sales under the 1980 United Nations Convention, 2009, Kluwer Law International, Alphen aan den Rijn.

невозможным. По Конвенции последствием существенного изменения обстоятельств будет освобождение от ответственности за неисполнение договора.

Что касается принципов УНИДРУА, Принципов европейского договорного права и Модельных правил европейского частного права отметим, что все они также построены исходя из общего принципа *pacta sunt servanda*¹¹⁴. Так, например, в принципах УНИДРУА (статья 6.1.2) указано, что обязательство должно исполняться до тех пор, пока оно может быть исполнено, вне зависимости от того, какие дополнительные обязательства (какое бремя) несет или должна будет понести в связи с этим сторона, которая должна исполнить. В свою очередь, из статьи 6:111 Принципов европейского договорного права следует, что этот документ применяет тот же подход: правило об освобождении стороны от исполнения обязательств в случае изменения обстоятельств должно применяться только в исключительных случаях. В частности, там указано, что сторона, взявшая на себя обязательство, должна исполнить его в случае существенного изменения обстоятельств, даже несмотря на то, что в результате такого изменения обстоятельств стоимость исполнения значительно увеличилась или стоимость встречного представления значительно уменьшилась¹¹⁵.

В Модельных правилах европейского частного права применен такой же подход, в силу которого несправедливо обязывать сторону исполнять обязательство при условии, что изначально стороны полагали, что обязательство будет исполнено совершенно при иных обстоятельствах. Такое изменение обстоятельств вместе с тем должно быть существенным, а исполнение обязательств для сторон должно становиться несправедливым.

В целом во всех рассматриваемых нами документах существенное изменение обстоятельств понимается примерно одинаково (некоторые исключения и существующие различия в подходах будут освещены нами далее). Так, для того

¹¹⁴ Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // Закон, № 12, 1995.

¹¹⁵ Петрова Д. С. Последующее изменение обстановки и его влияние на договорные обязательства в российском праве: политико-правовой анализ и актуальные проблемы правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 5. – С. 72-122.

чтобы изменение обстоятельств было признано существенным, необходимо соблюдение всех тех условий, на которые уже было указано выше, а именно:

—обстоятельство (событие) находилось или находится вне контроля стороны;

—сторона не могла заранее, в момент заключения договора, предусмотреть возможность наступления соответствующего обстоятельства;

—сторона не могла предотвратить наступление таких обстоятельств или предотвратить последствия, вызванные этим обстоятельством.

Соответствующее условие предусмотрено в статье 79 Конвенции, Статье 7.1.7 принципов УНИДРУА, статье 8:108 Принципов европейского договорного права и статье III-3:104 Модельных принципов европейского частного права¹¹⁶.

Несмотря на то, что условие о том, что наступление обстоятельства (события) должно находиться вне контроля стороны, является тривиальным, вместе с тем оно является важным с точки зрения определения порядка применения норм и распределения ответственности сторон. Так, например, очевидно, что война или ухудшение природных условий, на возникновение которых сторона не могла повлиять, не могут быть предвидены стороной. Вместе с тем те условия, которые относятся скорее к экономическим, как уже указывалось ранее, а именно недостаток персонала, поломка или недостаток оборудования, недостаточность производственных отраслей, реорганизация или банкротство и иные, могут быть предвидены и преодолены стороной, а некоторые из перечисленных обстоятельств являются также результатом целенаправленных волевых действий сторон. Кроме того, такое условие соотносится с идеей о том, что стороны являются профессиональными участниками отношений, что, в свою очередь, презюмирует способность сторон организовать бизнес-процессы, чтобы обеспечить исполнение обязательств. Только исключительное обстоятельство должно становиться предусловием применения доктрины существенного изменения обстоятельств.

¹¹⁶ Von Bar C., Clive E., Schulte-Nölke H. Principles, definitions and model rules of European private law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). – Walter de Gruyter, 2009.

В литературе вместе с тем особенно указывается, что к каждому случаю (впрочем, как и к большинству споров, существующих не только в рамках исследуемой нами проблемы) необходим индивидуальный подход, так как даже забастовки могут иметь локальный характер (забастовки у одного работодателя – стороны обязательства, который может предпринять необходимые меры для устранения конфликта и обеспечить исполнение обязательств) и глобальный характер (например, отраслевая забастовка, течение и последствия которой работодатель самостоятельно контролировать не может)¹¹⁷.

Однако в случае, если наступление обстоятельств не зависит от стороны, но она могла была предвидеть их наступление, сторона не будет освобождена от исполнения обязательства. Модельные принципы европейского частного права ограничили применение указанного условия только к тем обязательствам, которые возникли из договора, но не на основании закона. Наличие такой особой оговорки в указанном документе является следствием того, что, как уже было указано выше, Модельные принципы регулируют не только отношения, которые вытекают из договора, но также те, которые возникают в результате неосновательного обогащения, причинения вреда и т.д.

Несмотря на то, что все три документа, которые мы рассматриваем в рамках настоящего параграфа, предполагают, что обстоятельства должны действительно серьезным образом воздействовать на отношения сторон, тем не менее, можно выделить определенные особенности, которые влияют на условия применения соответствующих положений.

Определение таких обстоятельств (*hardships*) в соответствии с принципом УНИДРУА базируется на фундаментальном изменении баланса интересов сторон по контракту. Отметим, что в таком подходе можно усмотреть отсылку к принципу справедливости. В Принципах европейского договорного права также принят указанный подход, но он немного расширен пояснением о том, что изменившиеся

¹¹⁷ Brunner, Christoph: *Force majeure and Hardship Excuse Under General Contract Principles*, Wolters Kluwer, Alphen aan den Rijn 2009. P. 169.

обстоятельства должны приводить к серьезному дисбалансу сторон так, что исполнение становится невозможным¹¹⁸. Таким образом, речь идет о таком изменении обстоятельств, которое сделает его исполнение явно несправедливым и нарушит установившийся баланс интересов сторон.

Для того чтобы применить условия о невозможности исполнения обязательств, Модельные правила европейского частного права требуют, чтобы исполнение обязательств по контракту стало не только более обременительным, но *явно несправедливым* для должника. Ссылкой на необходимость применения принципа справедливости Модельные правила европейского частного права отличаются от Принципов европейского договорного права и принципов УНИДРУА.

Полагаем, что такой подход на самом деле можно отнести к недостаткам Модельных принципов европейского частного права, т.к. критерий, который предлагается для использования, нечеткий: понятие справедливости и несправедливости, а также степень ее выраженности могут отличаться не только от страны к стране, но и от судьи к судье. Такой подход может, в конечном итоге, привести к тому, что цель, ради которой Модельные правила европейского частного права создавались, а именно унификация правоприменительной практики и выработка единообразного подхода к разрешению определенных вопросов, не будет достигнута. Кроме того, как уже было указано выше, единственно принципа справедливости для применения доктрины существенного изменения обстоятельств недостаточно: необходимо применять и учитывать принцип добросовестности.

Следует учитывать, что все указанные выше обстоятельства относятся только к ситуациям, когда обстоятельство возникло после заключения договора. Так, например, в соответствии с Принципами европейского договорного права правило об изменении обстоятельств применяется в случае, если стороны не могли

¹¹⁸ Там же.

предвидеть изменение обстоятельств в момент заключения договора, и такие обстоятельства возникли уже после его заключения¹¹⁹.

Модельные принципы европейского частного права также подразумевают, что норма о возможности изменения обязательства в связи с существенным изменением обстоятельств может применяться только при условии, что на момент договора обязательство не существовало и стороны, действуя добросовестно, не могли предвидеть возможность наступления такого обстоятельства в момент наступления обстоятельства или не могли предусмотреть, в какой степени такое изменение обстоятельств окажет влияние на исполнение сторонами обязательств по контракту¹²⁰.

Исключение представляют принципы УНИДРУА, в которых есть условие о том, что, если какое-то обстоятельство существовало и до заключения договора, но было проигнорировано сторонами или, по крайней мере той стороной, на исполнение обязательств которой такое обстоятельство оказывает влияние, последствия, которые предполагаются для изменения обстоятельств, могут быть применены. Об этом свидетельствуют формулировки рассматриваемых нами актов: так, если Принципы европейского договорного права и Модельные правила европейского частного права предполагают, что для того, чтобы применялись последствия существенного изменения обстоятельств, такое обстоятельство должно произойти непосредственно после заключения договора, то принципы УНИДРУА используют в статье 6.2.2 иную формулировку: такое обстоятельство может возникнуть или *стать известным* нарушившей стороне уже после заключения договора.

Иное условие, которое является обязательным для применения доктрины непредвиденного изменения обстоятельств в соответствии со всеми тремя рассматриваемыми нами источниками мягкого права, вытекает из принципа

¹¹⁹ Петрова Д.С. Последующее изменение обстановки и его влияние на договорные обязательства в российском праве: политико-правовой анализ и актуальные проблемы правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 5. – С. 72-122.

¹²⁰ См.: Von Bar C., Clive E., Schulte-Nölke H. Principles, definitions and model rules of European private law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). – Walter de Gruyter, 2009.

свободы договора и заключается в том, что ни одна из сторон заранее не должна была принять этот риск в соответствии с условиями договора. Представляется, что соответствующее регулирование излишне, т.к. сам факт распределения риска наступления обстоятельства на ту или иную сторону, несомненно, указывает на тот факт, что стороны уже предвидели возможность наступления этого обстоятельства, следовательно, условие о непредвиденности такого обстоятельства является не соблюденным и стороны считаются распределившими этот риск заранее.

Х.К. Аской в работе, посвященной существенному изменению обстоятельств, выделяет необходимость установления причинно-следственной связи между наступившим обстоятельством и невозможностью исполнить обязательство¹²¹. Несмотря на то, что многими исследователями указанный вопрос не рассматривается в качестве особого условия применения доктрины существенного изменения обстоятельств, тем не менее, он является очень важным.

Частично этот вопрос уже был рассмотрен нами выше, когда мы рассматривали вопросы применения Конвенции и указывали, что в случае, если сторона отказалась исполнять обязательство или заявила о невозможности исполнения до наступления существенного изменения обстоятельств, в таком случае нормы, которые направлены на регулирование отношений сторон на случай существенного изменения обстоятельств, не применяются.

Таким образом, общепризнанным подходом является тот, в силу которого с целью применения доктрины существенного изменения обстоятельств, невозможность исполнения должна наступить исключительно и единственно в результате такого изменения обстоятельств, без учета каких-либо иных факторов. Если же к невозможности исполнения привела совокупность факторов, один из которых – существенное изменение обстоятельств, последствия, предусмотренные для этого института, не применяются.

Отметим, что все три рассматриваемые нами документа также предусматривают в качестве обязательной стадии разрешения спора в связи с

¹²¹ Aksoy H. C. Impossibility in modern private law. – Springer International Pu, 2016. P. 106.

существенным изменением обстоятельств переговоры об изменении условий обязательства. Так, например, в соответствии со статьей 6.2.3 принципов УНИДРУА сторона, пострадавшая от возникновения непредвиденного обстоятельства, имеет право обратиться к другой стороне с требованием о проведении переговоров, при этом такое требование должно быть сделано без ненадлежащего промедления и из него явно должно следовать, на чем такое требование основано¹²². Следует отметить, что само по себе такое требование не освобождает сторону от исполнения обязательств по договору. В случае, если в разумный срок сторонами не будет достигнуто соглашение, любая заинтересованная сторона может обратиться в суд.

Принципы европейского договорного права также описывают многоступенчатый процесс разрешения спора в связи с существенным изменением обстоятельств и наступившей невозможностью исполнения: в соответствии со статьей 6:111.2 Принципов непредвиденное изменение обстоятельств является основанием для возникновения обязанности сторон вступить в переговоры, и обратиться в суд они могут только в случае, если переговоры не принесли свои плоды. Интерес представляет тот факт, что Принципы европейского договорного права предусматривают возможность взыскания со стороны, которая ведет себя недобросовестно в процедуре проведения переговоров, убытков в пользу пострадавшей стороны. Полагаем, что такой подход является оправданным, т.к. направлен на то, чтобы дисциплинировать стороны, что является положительной тенденцией. Соответствующее положение может быть рассмотрено с точки зрения возможности включения его в Гражданский Кодекс РФ.

В свою очередь, Модельные принципы европейского частного права также рассматривают переговоры сторон в качестве обязательного условия для обращения сторонами в суд с целью разрешения возникшего спора. Так, документ предусматривает, что сторона, на которую повлияло определенное обстоятельство, должна предложить такое изменение условий договора, которое может быть

¹²² См.: Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // Закон, № 12, 1995.

охарактеризовано как справедливое и равное. Такое положение представляется особенно интересным с той точки зрения, что из указанного положения очевидно стремление разработчиков сохранить баланс интересов сторон, который был достигнут при заключении договора, и предотвратить возможность изменения условий договора существенным образом, чего не предполагали стороны в момент его заключения.

Представляется, что Принципы европейского договорного права, а также Модельные принципы европейского частного права выработали современные и практичные подходы, которые побуждают стороны к взаимному сотрудничеству и уважению, а также позволяют снизить нагрузку на суды и способствовать своевременному и мирному разрешению спора. Указанный подход должен быть имплементирован в российскую правовую систему.

Что касается последствий существенного изменения обстоятельств для обязательств сторон, отметим, что этот вопрос регулируется в каждом из рассмотренных документов по-разному.

Напомним, что в соответствии со статьей 79 Конвенции со стороны, на исполнение обязательств которой оказало влияние существенное изменение обстоятельств, не могут быть взысканы убытки.

В принципах УНИДРУА, в отличие от иных рассматриваемых в настоящем параграфе документах, перечисляются не способы защиты, которые становятся недоступными сторонам в результате существенного изменения обстоятельств, а, наоборот, оставшиеся доступные способы защиты. Х.К. Аксой на основании анализа принципов УНИДРУА выделяет, в качестве таких способов защиты, следующие:

- расторжение договора;
- приостановка исполнения встречного обязательства;
- требование о выплате процентов за пользование чужими денежными средствами¹²³.

¹²³ Aksoy H. C. Указ. Соч. С. 129.

Кроме того, принципы УНИДРУА предусматривают, что требование об исполнении обязательств в натуре также не может быть заявлено в случае, если имело место существенное изменение обстоятельств. Этим регулирование принципов УНИДРУА отличается от регулирования, предусмотренного Конвенцией. Напомним, что Конвенция предусматривает в этом отношении двусмысленное толкование.

Принципы УНИДРУА, также как и Конвенция, умалчивают о том, возможно ли взыскание заранее оцененных убытков и штрафов в случае существенного изменения обстоятельств, однако системное толкование документа и наличие специально предусмотренных средств защиты, которые могут быть применены в случае существенного изменения обстоятельств, позволяет сделать вывод о том, что эти средства защиты не подлежат применению¹²⁴.

Отметим также, что Х.К. Аксой указывает, что альтернативным и значимым последствием наступления существенного изменения обстоятельств могло бы стать требование о соразмерном уменьшении покупной цены. Например, в случае, если в результате существенного изменения обстоятельств может наступить частичная невозможность исполнения, в таком случае справедливо предусмотреть возможность соразмерного уменьшения покупной цены в ситуации в качестве альтернативы предоставленной сторонам возможности заявить о расторжении договора и прекратить обязательство вообще¹²⁵.

Представляется, что нет препятствий к применению такого условия в случае, если оно будет предусмотрено сторонами в договоре, однако прямого указания на возможность применения указанного способа в рассматриваемых нами актах нет. Возможно, что прямое указание на такую возможность расширило бы возможности сторон в случае существенного изменения обстоятельств и сделало бы последствия такого изменения более гибкими, на что и направлены все исследуемые нами акты.

¹²⁴ Петрова Д.С. Последующее изменение обстановки и его влияние на договорные обязательства в российском праве: политико-правовой анализ и актуальные проблемы правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 5. – С. 72-122.

¹²⁵ Aksoy H. C. Указ. Соч. С. 130.

Вместе с тем следует учитывать, что в таком случае должно учитываться, не стало ли исполнение обязательства значительно обременительным для стороны и не влечет ли такое частичное исполнение существенного дисбаланса их интересов, а также экономического положения.

Вместе с тем возможность соразмерного уменьшения цены предусмотрена в качестве средства защиты Принципами европейского договорного права наряду с такими способами защиты, как расторжение договора и приостановление встречного исполнения обязательства.

Принципы европейского договорного права предусматривают автоматическое расторжение договора в случае наступления полной невозможности исполнения¹²⁶. Такое условие направлено на упрощение процедуры расторжения договора и основывается на том, что в случае невозможности исполнения именно на этом будет основываться воля сторон. При этом Принципы европейского договорного права не содержат какого-либо специального условия, которое бы устанавливало возможность взыскания заранее оцененных убытков, штрафа или процентов за пользование чужими денежными средствами.

Модельные принципы европейского частного права предусматривают те же последствия, что и Принципы европейского договорного права.

В рамках настоящего исследования мы не будем рассматривать вопросы, связанные с изначальной невозможностью исполнения обязательства, о которой было известно или о которой стороны должны были знать в момент заключения договора. Отметим только, что, как уже было указано выше, принципы УНИДРУА допускают применение последствий для таких обязательств в случае, если сторона изначально заблуждалась относительно их существования. Представляется, что такой подход является справедливым и основывается на представлениях субъективной добросовестности, согласно которой в случае, если сторона не могла знать о существовании обстоятельств, но о существовании которых стало известно после заключения договора.

¹²⁶ Там же.

В рамках настоящего параграфа нами было обращено внимание на отсутствие единого подхода Конвенции, теории и практики ее применения по вопросу о том, регулирует ли статья 79 Конвенции исключительно обстоятельства, в результате наступление которых исполнение стало невозможным, или также обстоятельства, которые привели к значительному нарушению баланса интересов сторон. Акты мягкого права, которые были рассмотрены нами, отвечают на последний вопрос утвердительно. С точки зрения применения Конвенции этот вопрос не очевиден и не ясен. Фактически такой подход должен быть признан упущением разработчиков, а в качестве модельных положений для регулирования предмета нашего исследования должны быть использованы акты мягкого права.

На основании проведенного в настоящем параграфе анализа, можно сделать вывод о том, что в целом все источники, а именно Конвенция, принципы УНИДРУА, Модельные принципы европейского частного права и Принципы европейского частного права исходят из принципа *pacta sunt servanda*, из которого следует, что существенное изменение обстоятельств может иметь эффект на исполнение сторонами обязательств только в исключительных случаях¹²⁷. Таким образом, принцип обязательности исполнения обязательств является краеугольным принципом для современного гражданского оборота, что объясняется его направленностью и главной целью, которая заключается в обеспечении стабильности оборота.

Вместе с тем все рассмотренные нами документы допускают, что обязательство должно быть изменено или прекращено в случае, если имеет место существенное изменение обстоятельств, т.е. обстоятельства значительным образом отличаются от того положения вещей, которое существовало на момент заключения договора или наступление определенных обстоятельств не могло быть предвидено сторонами.

Представляется, что такое положение вещей основывается, прежде всего, на принципе справедливости: сторона не может рассчитывать на то, что обязательство

¹²⁷ См.: Von Bar C., Clive E., Schulte-Nölke H. Principles, definitions and model rules of European private law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). – Walter de Gruyter, 2009.

будет исполнено в случае, когда такое исполнение стало значительно обременительным для сторон и нарушает баланс отношений, который имел место на момент заключения договора и на который стороны рассчитывали при заключении договора¹²⁸.

Представляется, что именно на принципе справедливости основываются положения всех исследуемых нами актов, который распределяет риски наступления существенного изменения обстоятельств на стороны в равном количестве.

Кроме того, существенное изменение обстоятельств также основывается на принципе объективной добросовестности, под которым в мировой практике понимается некий общий стандарт поведения, которого должны придерживаться стороны обязательства – это такое поведение, которое ожидается от средних сторон обязательства.

В целом можно сделать вывод о том, что современный подход к формулированию принципа *rebus sic stantibus* является унифицированным в международном частном праве; указанные документы признают возможность изменения договорных отношений сторон в случае возникновения существенного изменения обстоятельств. Кроме того, полагаем, некоторые особенности регулирования могут быть рассмотрены с точки зрения перспективности их внедрения в отечественное гражданское право.

¹²⁸ См.: Алимова Я.О. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА и «общие принципы права»: соотношение и взаимодействие // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2011. – № 13. – С. 172-176.

Глава 2 Существенное изменение обстоятельств в английском праве

2.1 Понятие и эволюция доктрины существенного изменения обстоятельств в английском праве

Как уже было указано нами в предыдущем параграфе, институт существенного изменения обстоятельств в английском праве (*frustration*) имеет свою самобытную историю появления и развития, что обусловлено, прежде всего, иным подходом к пониманию принципов права и определению их роли в функционировании оборота, а также историческим развитием правовой системы англо-саксонского права.

Прежде чем приступить к анализу понятия и изучению эволюции существенного изменения обстоятельств в английском праве, оговоримся, что не во всех странах континентальной правовой семьи исследуемая нами институт получил широкое распространение, и не везде существует единый подход к этому вопросу. Правовое регулирование исследуемого нами института отличается не только от страны к стране; подходы к регулированию существенного изменения обстоятельств и их влияние на договорные отношения сторон продолжают меняться в том числе в наше время в правовых системах отдельных государств¹²⁹.

Так, Хондиус и Евоуд провели масштабное исследование зарубежного законодательства, которое было посвящено институту существенного изменения обстоятельств и его влияния на договорные отношения сторон¹³⁰. Авторы пришли к выводу о том, что все существующие на настоящий момент правовые системы в зависимости от подхода, который они используют (признает ли законодательство и судебная практика институт существенного изменения обстоятельств и его

¹²⁹ Козлова Н.В., Ягельницкий А.А. Расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вестник Московского университета. – Сер. 11. Право. – 2010. – № 3. – С. 35-51.

¹³⁰ См. подробнее Hondius, Ewoud. "Change of circumstances: the Trento project." (2012): 115-133.

значимость для судьбы отношений сторон или нет), могут быть разделены на «открытые» и «закрытые».

Исследователи определили, что «открытыми» могут быть названы правовые системы Германии, Австрии, Греции, Италии, Нидерландов, Португалии, Испании и Швейцарии¹³¹. В указанных странах институт непредвиденного изменения обстоятельств существует как на уровне законодательства, так и судебной практики, и признается в качестве общего исключения (exemption) из правил о распределении ответственности за неисполнение сторонами договорных обязательств. Там также допускается вмешательство в договорные отношения сторон, предполагающее адаптацию условий договора к изменившимся обстоятельствам¹³².

Правовые системы иных стран, где не признается влияние существенного изменения обстоятельств на договорные отношения сторон, например, Бельгия, Чешская Республика, Шотландия и Словения, были признаны «закрытыми». Отметим, что к «закрытым» правовым системам исследователи относили как отсутствие признания существенного изменения обстоятельств на законодательном уровне, так и отсутствие широкого применения на уровне судебной практики (в каких-то «закрытых» странах суды могут признавать наличие такого института, но он не получил широкого распространения и практика не является устоявшейся)¹³³.

В целом существующая на настоящий момент мировая тенденция подходов к применению существенного изменения обстоятельств имеет следующие характерные черты:

—правовые системы развиваются до сих пор и по настоящее время внедрение института существенного изменения обстоятельств в правовые системы развитых европейских стран продолжается. Так, например, до недавнего времени во

¹³¹ Там же.

¹³² См.: Щербакова Е. О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 1 // Право и экономика. – 2021. – № 8(402). – С. 22-26.

¹³³ Там же.

Франции институт существенного изменения обстоятельств не существовал на законодательном уровне и получил закрепление только в 2016 году;

—до определенных исторических событий, которые делали исполнение договора действительно затруднительным в результате возникновения внешних, не зависящих от сторон обстоятельств (великих потрясений XX в., к которым относятся мировые войны, экономические депрессии и кризисы), институт существенного изменения обстоятельств в принципе не был распространен и должным образом исследован. Значительный стимул в развитии исследуемый нами институт получал после каждого из таких событий (что, в целом, можно признать закономерным, т.к. увеличивалось количество судебной практики, и суды были вынуждены исследовать этот вопрос);

—единый подход до сих пор не был выработан, правовое регулирование может существенно отличаться даже среди стран, которые относятся к одной правовой семье. Напомним, что именно это обстоятельство послужило стимулом к выработке актов «мягкого права», которые были исследованы нами в предыдущей главе; при этом идеального унифицированного подхода на настоящий момент все еще не найдено, хотя существуют определенные общие черты в правовом регулировании¹³⁴.

Итак, учитывая, что подходы к регулированию существенного изменения обстоятельств различаются в правовых системах одной правовой семьи, не удивительно, что в английском праве этот подход также существенно отличается от принятых в мире и имеет свой, особый путь развития. Оговоримся, что мнение об особом пути развития института существенного изменения обстоятельств в английском праве не единогласно поддерживается исследователями. Так, например, Рёслер указывает, что во многом подходы к решению вопроса о последствиях применения доктрины существенного изменения обстоятельств в

¹³⁴ Подробнее см. Щербакова Е.О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 1. // Право и экономика. 2021. № 8 (402). С. 22-26.

английском праве и странах континентальной Европы схожи¹³⁵. Циммерман идет дальше и говорит, что действие этой доктрины в английском и немецком праве идентично¹³⁶.

С одной стороны, можно согласиться с утверждением о наличии некоего единого подхода в применении института существенного изменения обстоятельств, однако некоторые черты, как мы уже продемонстрировали в рамках первой главы настоящего исследования, могут отличаться, что будет обуславливать отличия в правоприменительной практике.

Особенности развития института существенного изменения обстоятельств в английском праве обусловлены следующим:

—во-первых, как уже было указано выше, институт существенного изменения обстоятельств тесно связан с принципом добросовестности. Вместе с тем в английской правовой системе принцип добросовестности имеет особенности применения, и, хотя некоторые исследователи указывают, что *frustration* представляет собой логичное следствие развития именно принципа добросовестности, между ними нет прямой взаимосвязи, и они существуют обособленно;

—во-вторых, вплоть до середины XIX века, как мы уже указывали ранее в наших работах¹³⁷, в английском праве и английско-правовой доктрине не существовало исключений для применения «доктрины абсолютного контракта» (*doctrine of absolute contracts*), в соответствии с которой вне зависимости от обстоятельств, которые могли иметь место после заключения договора, его условия не могут быть изменены¹³⁸, и изменение обстоятельств не влияло на отношения сторон.

¹³⁵ Rösler, Hannes. "Hardship in German codified private law—in comparative perspective to English, French and International Contract Law." *European review of private law* 15.4 (2007).

¹³⁶ Zimmermann, Reinhard. *The law of obligations: Roman foundations of the civilian tradition*. Clarendon Press, 1996.

¹³⁷ Подробнее см. Щербакова Е.О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 2. // *Право и экономика*. 2021. № 9 (403). С. 19-23.

¹³⁸ Peel, Edwin: *Treitel on The Law of Contract*. Sweet and Maxwell, London, 2011, 920.

На первый взгляд, *doctrine of absolute contracts* может быть расценена как существующая альтернатива *pacta sunt servanda*, существовавшая в европейских странах и уже рассмотренная нами в первом параграфе первой главы настоящего исследования. Действительно, их можно признать родственными с точки зрения их значения для правовой системы и эффекта для отношений сторон. Вместе с тем в то время как наряду с *pacta sunt servanda* в европейских странах возникла и развивалась доктрина *rebus sic stantibus*, английскому праву она была неизвестна, и оно развивалось по собственному пути – через формирование нового института *frustration* и оформление его на основании иных подходов¹³⁹.

Для того, чтобы более подробно исследовать и проанализировать институт существенного изменения обстоятельств (*frustration*) в соответствии с английским правом, предлагаем обратиться к кейсам, через которые указанный институт развивался.

Как уже было указано выше, *doctrine of absolute contracts* в английском праве изначально не знала каких-либо исключений, что подтверждается рассмотренным судом в XVII столетии деле *Paradine v Jane*¹⁴⁰. Стороны указанного дела заключили договор аренды здания, земля под которым была захвачена, в результате чего арендатор отказался выплачивать арендную плату ввиду того, что был вынужден покинуть здание и не мог пользоваться им. Арендодатель обратился в суд с требованием обязать арендатора выплачивать арендную плату¹⁴¹.

Сославшись на уже упомянутую доктрину, суд решил дело в пользу арендодателя. При этом он указал, что несмотря на обстоятельства, которые имели место после заключения договора, арендатор взял на себя обязательство выплачивать арендную плату, следовательно, должен продолжать это делать в дальнейшем. При этом суд отметил, что условие о возможности освобождения арендатора от исполнения обязательства могло быть включено в договор, но

¹³⁹ Rösler. Указ соч. С. 497; Zimmermann. Указ. соч. С. 579.

¹⁴⁰ *Paradine v Jane* [1647] EWCH KB J5.

¹⁴¹ См.: Щербакова Е. О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 1 // Право и экономика. – 2021. – № 8(402). – С. 22-26.

учитывая, что стороны этого не сделали изначально, суд не вправе освободить арендатора от исполнения принятых на себя обязательств¹⁴².

В дальнейшем, однако, принятый судами подход был все-таки несколько смягчен. Первым делом, с которого началось формирование правил применения доктрины существенного изменения обстоятельств в английском праве, является *Taylor v Caldwell*¹⁴³, в котором суд решал вопрос о правах и обязанностях сторон, заключивших договор аренды здания, которое предназначалось для проведения концерта. Здание сгорело незадолго до проведения самого концерта.

Арендатор обратился в суд с требованием к арендодателю и потребовал возмещения убытков в связи с невозможностью использовать здание по назначению в результате свершившегося пожара. Это дело суд решал уже исходя из несколько иной аргументации: в частности, он указал, что в том случае, когда исполнение договоров зависит от того, существует ли предмет обязательства на тот момент, когда оно должно быть исполнено, должно учитываться некое подразумеваемое условие о том, что в случае гибели предмета стороны освобождаются от исполнения обязательства. Учитывая, что гибель предмета (здания) в рассматриваемом деле привела к объективной невозможности дальнейшего исполнения договора, это освободило стороны от исполнения своих обязательств¹⁴⁴.

Рассмотренное нами дело представляет интерес в связи с несколькими обстоятельствами. Во-первых, исход этого дела переломил существовавшую ранее судебную практику и именно с момента рассмотрения указанного дела, можно утверждать, начал формироваться институт *frustration*. Во-вторых, в этом деле суд напрямую процитировал Дигесты, но с той оговоркой, что несмотря на то, что римское право не имеет силы в английском суде, тем не менее, его положения должны учитываться, если есть стремление глубже понять право и его принципы.

¹⁴² Там же.

¹⁴³ *Taylor v Caldwell* [1863] EWCH QB J1.

¹⁴⁴ См.: Щербакова Е. О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 1 // Право и экономика. – 2021. – № 8(402). – С. 22-26.

Кроме того, в рассмотренном деле впервые была применена доктрина подразумеваемого условия. Мы считаем необходимым отметить это здесь, однако далее в настоящей работе нами будут более подробно рассмотрены основания применения исследуемой доктрины.

Контракт в деле *Taylor v Caldwell* был признан не контрактом, в который включено условие о гарантии исполнения обязательства (в английской доктрине «позитивный контракт» (positive contract) – это контракт, в соответствии с которым сторона обязуется исполнить обязательство и выплатить убытки в случае невозможности исполнения вне зависимости от характера обстоятельств, которые препятствовали исполнению, т.к. в том числе если исполнение стало невозможным), а контрактом, который содержит в себе подразумеваемое условие, согласно которому зал должен существовать до наступления срока исполнения. Суд, в частности, использовал следующую логику изложения: в договорах, в которых исполнение зависит от продолжающегося существования определенного лица или вещи, подразумевается условие, что невозможность исполнения, проистекающая из гибели человека или вещи, должна служить оправданием неисполнения, иными словами – сторона не может быть привлечена к ответственности; и нет никаких явных оговорок о том, что гибель человека или вещи должна служить оправданием неисполнения; но это оправдание подразумевается законом, потому что из характера контракта очевидно, что стороны заключили договор на основании продолжающегося существования конкретного лица или движимого имущества.

Начиная с этого кейса доктрина существенного изменения обстоятельств основывалась на предположении существования такого подразумеваемого условия. По утверждению П. Ричарда, подразумеваемое условие стало почти такой же фикцией, как принцип, которого они хотели избежать, т.к. сфера его применения была очень широкой¹⁴⁵.

¹⁴⁵ Richard Paul. P. 411.

После дела *Taylor v Cardwell* доктрина существенного изменения обстоятельств вступила в период своего активного развития. Она была в дальнейшем распространена на ситуации, в которых предмет существенного изменения обстоятельств выходил далеко за гибель предмета исполнения. Доктрину начали применять также в случаях, когда в результате существенного изменения обстоятельств цель договора стала недостижима. Ярким примером этого выступают т.н. «коронационные кейсы».

Один из таких «коронационных кейсов» - это *Krell v Henry* 1902 г.¹⁴⁶. Коронация Короля Эдварда VII была отложена из-за проблем с его здоровьем, однако сторона в рассматриваемом нами деле уже успела арендовать комнату в здании, откуда можно было бы смотреть процессию, и даже успела внести на депозит 25 фунтов. Стоимость аренды вместе с тем он не оплачивал, т.к. не смог ей воспользоваться в соответствии с изначально преследуемыми целями. Арендатор обратился в суд с требованием взыскать сумму арендной платы, однако в удовлетворении требования ему было отказано. Суд сослался на то, что несмотря на то, что непосредственно в контракте не содержалось условие о цели аренды, наблюдение процессии должно быть признано «основанием контракта» (*the foundation of the contract*), и раз сама коронация не состоялась, то и арендная плата не подлежит уплате¹⁴⁷.

Приведенное дело представляет особый интерес, т.к. несмотря на то, что предмет договора остался тот же, обстоятельства его исполнения изменились настолько, что сторона утратила интерес в его исполнении. Болезнь короля, таким образом, выступила для сторон в настоящем деле тем самым существенным изменением обстоятельств, которое повлияло на дальнейшее исполнение договора.

Однако идея о том, что существенное изменение обстоятельств может заключаться, в том числе в невозможности достижения цели договора, неохотно принималась судами. Суды указывали, в частности, что такая расширенная

¹⁴⁶ *Krell v Henry* [1902] 2 KB 740.

¹⁴⁷ См.: Щербакова Е. О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 1 // Право и экономика. – 2021. – № 8(402). – С. 22-26.

трактовка оснований применения доктрины могла привести к тому, что в случае, если изменение обстоятельств приводило к тому, что сделка сама по себе становилась для стороны существенно невыгодной, такая сторона могла использовать этот институт с опорой именно на аргумент о невозможности достижения цели в связи с изменением обстоятельств.

Так, в деле *British Movietone News Limited v London and District Cinemas Limited*¹⁴⁸ суд указал, что существенным изменением обстоятельств не может быть признано окончание войны (т.е. обстановка, в которой сам договор был заключен). Суд указал, что стороны часто вынуждены претерпевать какое-либо изменение обстоятельств, однако это не означает, что это оказывает влияние на заключаемые сторонами сделки.

Отметим также, что в ином деле, которое традиционно относится к «коронационным делам», отмена коронации не повлекла за собой невозможность исполнения. Речь идет о деле *Herne Bay Steamboat Co v Hutton*¹⁴⁹. Предметом спора был договор аренды корабля с целью совершения круиза и просмотра военно-морского парада, который был приурочен к коронации (отмененной впоследствии, из-за чего парад не состоялся).

Арендатор хотел расторгнуть заключенный договор, однако в этом случае, в отличие от предыдущего кейса, *frustration of purpose* не состоялась: там договор аренды был заключен исключительно с целью просмотра процессии, в то время как в рассматриваемом деле было указано две цели, одна из которых все еще была достижима – это совершение круиза.

С точки зрения последствий для отношений сторон также особое значение имеет дело *Chandler v Webster*¹⁵⁰ (1904 г.). Оговоримся, что впоследствии позиция, выраженная там судом, была изменена, однако с точки зрения эволюции института существенного изменения обстоятельств она представляет интерес. В этом деле

¹⁴⁸ [1952] AC 166.

¹⁴⁹ *Herne Bay Steamboat Co v Hutton* [1903] 2 KB 683.

¹⁵⁰ *Chandler v Webster* [1904] 1 KB 493.

решалась судьба денежных средств, которые были уплачены в рамках договора до того, как обстоятельства существенно изменились.

Согласно фабуле арендатор нанял комнату у арендодателя с целью установить стенд и продавать билеты в первый день коронационной процессии. Договором было установлено, что обязательство по оплате аренды должно быть исполнено до коронации, она была перечислена частично, и арендатор обратился в суд с требованием о возврате выплаченной суммы. Арендодатель обратился со встречным заявлением и потребовал взыскать оставшуюся сумму долга. Суд принял решение в пользу арендодателя. Фактически судом было признано, что расторжение договора не имеет ретроспективного действия¹⁵¹.

Последствия возникновения существенного изменения обстоятельств в соответствии с английским правом будут рассмотрены нами позднее; здесь оговоримся только, что единой устоявшейся практики по указанному вопросу не было вплоть до 1943 года. Однако в 1943 году в Соединенном Королевстве принимается Закон о несостоятельных контрактах (Frustration Contract Act¹⁵²). Целью указанного акта выступала защита стороны, которая успела произвести оплату за встречное представление, в ситуации дальнейшего изменения обстоятельств. В таком случае, очевидно, у стороны, получившей денежные средства, возникает неосновательное обогащение, и указанный закон был призван этому препятствовать. Таким образом, рассматриваемый судебный акт определил права и обязанности сторон на случай существенного изменения обстоятельств¹⁵³.

В указанном документе, в частности, предусмотрено, что в случае, если в последующем договор будет признан недействительным в связи с изменением обстоятельств, которые являлись существенными для правоотношений сторон, то уплаченные денежные средства по такому договору должны быть возвращены

¹⁵¹ См.: Щербакова, Е. О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 2 // Право и экономика. – 2021. – № 9(403). – С. 19-23.

¹⁵² <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/6-7/40/introduction>.

¹⁵³ Там же.

контрагенту. Однако в таком случае должно происходить одновременное освобождение от необходимости исполнения обязательства обеих сторон.

Еще одним значимым делом с точки зрения применения доктрины существенного изменения обстоятельств является *Davis Contractors v Fareham Urban UDC*¹⁵⁴. В указанном деле Дэвис Контрактос приняли обязательство возвести определенное количество домов за восемь месяцев, однако в обозначенный срок уложиться не смогли (в том числе в связи с нехваткой наемного труда и недостатка материалов), строительные работы были завершены значительно позднее – через 22 месяца. Стоимость работ также оказалась значительно выше, чем предполагалось изначально. Компания предприняла попытку обратиться в суд с требованием о взыскании фактически затраченной суммы на строительство (то есть, фактически, превышающую договорную цену) со ссылкой на имевшее место существенное изменение обстоятельств¹⁵⁵.

Суд признал, что изменение обстоятельств, которое произошло в настоящем деле, действительно представляет определенное затруднение для своевременного и качественного выполнения работ, однако не признал возможным применение доктрины *frustration of contract*. В решении по указанному делу суд пришел к выводу, что для того, чтобы применить доктрину *frustration of contract*, необходимо именно существенное изменение обстоятельств, чего не произошло в рассматриваемом деле. Действительно, удорожание стоимости работ в данном случае является объективным риском, который может наступить или нет и который принимает на себя подрядчик, вступая в такие договорные отношения. Выработанный в рассмотренном нами деле подход также был в дальнейшем применен в иных делах, в частности *Tsakiroglou & Co Ltd v Noblee Thorl GmbH*¹⁵⁶ и *National Carriers Ltd v Panalpina (Northern) Ltd*¹⁵⁷.

¹⁵⁴ *Davis Contractors Limited v Fareham Urban District Council* [1956] AC 696.

¹⁵⁵ См.: Щербакова, Е. О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 2 // Право и экономика. – 2021. – № 9(403). – С. 19-23.

¹⁵⁶ *Tsakiroglou & Co Ltd v Noblee Thorl GmbH* [1962] AC 93.

¹⁵⁷ *National Carriers Ltd v Panalpina (Northern) Ltd* [1981] AC 675.

С этой точки зрения очень важно отличать ситуацию существенного изменения обстоятельств и разумного экономического риска или «затруднений». Так, например, в российском праве существует презумпция «разумного и профессионального участника оборота», который должен уметь предвидеть возникновение подобных ситуаций; в том числе достаточно высокие стандарты предусмотрены для подрядчиков, заключивших договор строительного подряда.

В деле *Gamerco SA v ICM/Fair Warning (Agency) Ltd*¹⁵⁸ было признано, что существенным изменением обстоятельств является невозможность найти площадку для организации концерта музыкальной рок-группы: первая, изначально выбранная, была признана небезопасной, а новая в дальнейшем выбрана не была. Организатор, который затратил усилия на подготовку концерта, в рассматриваемом нами деле обратился с требованием возместить денежные средства, которые он уже успел потратить на подготовку мероприятия. Суд признал, что в связи с существенным изменением обстоятельств контракт должен быть расторгнут, а средства, которые были затрачены на подготовку и рекламу, должны быть компенсированы¹⁵⁹.

Важно учитывать, что судебной практикой был выработан подход, в силу которого необходимо учитывать все обстоятельства, которые имели значение для исполнения договора, в том числе особенности функционирования той или иной отрасли. В частности, следует обратить внимание на интересное дело *Edwinton Commercial Corporation & Anor v Tsavliris Russ (Worldwide Salvage & Towage) Ltd*¹⁶⁰. В указанном деле компания, которая, в свою очередь, наняла несколько других судовладельческих компаний, была нанята для устранения последствий разлива нефти. Однако одно из судов, которое было нанято, приехало для устранения этих обстоятельств только спустя три месяца после катастрофы. Задержка была вызвана неправомерными действиями властей. Наниматель отказался оплачивать услуги.

¹⁵⁸ *Gamerco SA v ICM/Fair Warning (Agency) Ltd* [1995] 1 WLR 1226.

¹⁵⁹ См.: Щербакова, Е. О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 2 // Право и экономика. – 2021. – № 9(403). – С. 19-23.

¹⁶⁰ *Edwinton Commercial Corporation & Anor v Tsavliris Russ (Worldwide Salvage & Towage) Ltd (The Sea Angel)* [2007] EWCA Civ 547.

Владельцы «опоздавшего» судна обратились в суд с требованием о взыскании оплаты по договору, и в судебном порядке их требования были удовлетворены. Дело в том, что такого рода риски могли быть предусмотрены, т.к. являются типичными для отрасли. Учитывая, что это обстоятельство, которое стороны могли предвидеть, оно не может быть признано существенным изменением обстоятельств. В указанном деле суд решил, что договор не должен признаваться недействительным. Суд заключил, что вопрос о том, имело ли место существенное изменение обстоятельств в каждом конкретном случае должен решаться с учетом множества факторов, в частности, условий договора, ожиданий сторон, характера отношений сторон и особенности отрасли и т.д.¹⁶¹.

Обобщая приведенную выше судебную практику и выработанные судами подходы к применению института существенного изменения обстоятельств, отметим, что их в целом можно классифицировать на три группы:

—согласно первому подходу, в контракт включены некоторые условия, существование которых подразумевается сторонами, и при существенном изменении обстоятельств эти условия применяются;

—второй подход заключается в том, что наступление соответствующих последствий при существенном изменении обстоятельств – это разумное и справедливое решение;

—третий подход основывается на отсутствии согласия сторон на изменение существа обязательств, выраженное при заключении договора.

Основание применения доктрины существенного изменения обстоятельств важно с практической и теоретической точек зрения. Как уже было указано выше, *frustration* в английском праве представляет собой отступление от *doctrine of absolute contracts*, и необходимость отступления от ее применения в конкретном деле, конечно, должна быть тщательно обоснована, т.к. в противном случае доктрина «абсолютного контракта» вовсе бы потеряла свою ценность для права.

¹⁶¹ См.: Щербакова, Е. О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 2 // Право и экономика. – 2021. – № 9(403). – С. 19-23.

Предлагаем рассмотреть кейсы, в которых можно найти применение каждого из приведенных выше обоснований.

Одно из первых дел, в котором суд применил подразумеваемое условие, было дело *Tamplin SS Co Ltd v Anglo-Mexican Petroleum Co*¹⁶². В частности, лорд Лоребурн указал, что суд не обладает властью освободить стороны от обязательства, исполнение которого они добровольно приняли на себя, но суд может предположить, что стороны, заключая сделку, предполагали, что определенное положение вещей или вещь будут продолжать существовать и в дальнейшем, следовательно, такое условие должно учитываться судом при вынесении решения.

В кейсе, который уже многократно упоминался нами в настоящей работе – *Taylor v Caldwell* – также за основу было взято именно такое «подразумеваемое условие», согласно которому стороны заранее предусмотрели, что в ситуации возникновения подобного рода обстоятельств контракт подлежит расторжению. Такое подразумеваемое условие выводится как бы из смысла самого договора; с тем, что существует какое-то молчаливое взаимное согласие сторон о том, что если какое-то подобное обстоятельство произойдет, то договор будет расторгнут, согласился суд также в деле *FA Tamplin Steamship Co Ltd v Anglo-Mexican Petroleum Products Co Ltd*¹⁶³.

В другом, не менее значимом с точки зрения применения подразумеваемого условия, деле суд, обосновывая само существование подразумеваемого условия, указал, что закон делает только то, что стороны намеревались сделать самостоятельно (*Hirji Mulji v Cheong Yue SS Co Ltd*¹⁶⁴).

Таким образом, предполагалось, что фактически закон признает наличие некой фикции в выражении сторонами воли на включение соответствующего условия в договор. Однако, если проанализировать предполагаемые условия, можно прийти к выводу о том, что предположение об их существовании явно

¹⁶² [1916] 2 A.C. 397.

¹⁶³ [1916] 2 AC 397.

¹⁶⁴ [1926] AC 497.

несостоятельно. Стороны не предполагали, что последствие может возникнуть, в связи с чем они не включали указание на него в договор, и, как следствие, не распределяли риски, которые могут возникнуть в связи с наступлением такого события. Кроме того, при наступлении определенного события у сторон могут быть разные мнения относительно его характера: одна сторона может считать себя освобожденной от исполнения обязательства, в то время как другая будет настаивать на том, что договор сохраняет свою силу и, как следствие, будет требовать исполнения от другой стороны.

В судебной практике применение подразумеваемого условия также неоднократно критиковалось. В качестве примера можно привести уже упоминавшийся в рамках настоящего параграфа кейс *Davis Contractors v Fareham Urban UDC*, в котором суд назвал попытку применения подразумеваемого условия нелогичной.

В практике можно найти даже обоснования, которые, кажется, доведены до абсурда: так, в деле *James Scott & Sons Ltd v Del Sel*¹⁶⁵ суд рассматривает ситуацию, при которой молоко не было доставлено вовремя из-за того, что тигр сбежал из передвижного зверинца. Суд задается вопросом, можно ли предположить, что стороны подразумевали, что такая ситуация может произойти, и на самом деле негласно включили такое условие в договор.

Кроме того, сомнительно, что стороны предположили, что такое существенное изменение обстоятельств произойдет, но в качестве последствия такого изменения обстоятельств имели в виду только прекращение обязательства на будущее, не предусмотрев, как должны быть между ними распределены затраты на исполнение обязательств и в каком порядке должно происходить их возмещение. На абсурдность такой ситуации суд указал в деле *Denny, Mott & Dickson Ltd v Fraser (James B) & Co Ltd*¹⁶⁶. На практике, включая соответствующее условие в текст договора (речь идет о форс-мажоре), стороны традиционно

¹⁶⁵ (1922) SC 592 (OH).

¹⁶⁶ [1944] AC 265.

подробно описывают последствия наступивших событий, которые прежде всего заключаются в распределении экономических рисков.

Кроме того, если по умолчанию подразумевается наличие соответствующего условия, оно может вступить в противоречие с намерением сторон, выраженным в договоре. Так, например, в деле *Ertel Bieber & Co v Rio Tinto Co Ltd*¹⁶⁷ договор был расторгнут, несмотря на то, что стороны напрямую указали иные последствия существенного изменения обстоятельств (в данном случае – изменение законодательства).

В дальнейшем суды немного изменили рассматриваемый подход и начали обосновывать его тем, что подразумеваемое условие – это не условие, которое подразумевали конкретные стороны в рамках конкретного дела, но условие, которое предусмотрели бы разумные стороны (*Dahl v Nelson, Donkin & Co Ltd*¹⁶⁸). Такой подход уже ближе к установлению определенного стандарта поведения посредством применения общегражданского принципа разумности.

Вместе с тем предположение о существовании определенного объективного условия, которое стороны не включили в договор, но существование которого подразумевали, имеет важное значение с точки зрения толкования договора – инструмента, который может привести к обнаружению адекватного, справедливого основания применения доктрины существенного изменения обстоятельств без навязывания ненужных юридических фикций.

Иное обоснование доктрины существенного изменения обстоятельств заключается в том, что оно является справедливым и оправданным решением. В соответствии с таким подходом договор считается расторгнутым в соответствии со специальным условием, применение которого требует справедливость. В качестве примера можно привести дело *Denny, Mott & Dickson v James B Fraser & Co Ltd*¹⁶⁹, в котором суд особо подчеркнул, что основание применения доктрины существенного изменения обстоятельств должно быть найдено не в некоем

¹⁶⁷ [1918] AC 260.

¹⁶⁸ [1881 – 1885] ALL ER Rep 572.

¹⁶⁹ [1944] A.C. 265.

подразумеваемом условии, но в самом существе английского права, которое требует применения принципа справедливости при решении дел.

В рамках этого подхода прослеживается тесная взаимосвязь с общеправовым принципом справедливости, который мы рассматривали в первой главе настоящей работы. Такое основание применения доктрины существенного изменения обстоятельств подразумевает, что оно подлежит применению по усмотрению суда, и при этом не всегда обосновано: фактически в данном случае не происходит формирования какого-то объективного правила применения доктрины существенного изменения обстоятельств и отступления правил от *doctrine of absolute contracts*, но происходит констатация того, что суды так делают.

В свою очередь, такое основание также вызывает определенные затруднения в применении, в частности, не позволяет обеспечить единообразие судебной практики. Кроме того, непонятно, почему в таком случае договор обязательно должен считаться расторгнутым, и суд не может изменить договор так, чтобы он стал справедливым и мог быть исполнимым.

На настоящий момент основанием для применения доктрины *frustration* является значительное изменение контрактных обязательств в связи с существенным изменением обязательств («*radical change in the obligations undertaken*»), на исполнение в условиях которых стороны не давали согласия.

Так, в деле *Davis Contractors v Fareham*¹⁷⁰ указано, что расторжение договора возможно в тех случаях, когда закон признает, что исполнение контрактного обязательства стало невозможно вне зависимости от действий (бездействий) какой-либо из сторон, по причине значительного изменения самого контрактного обязательства. Возникает ситуация, при которой одна из сторон может заявить: «Это не то, что я обещал сделать».

Таким образом, такое основание для применения доктрины существенного изменения обстоятельств может быть обозначено как «отсутствие согласия». В отличие от «справедливого и оправданного» основания, отсутствие согласия не

¹⁷⁰ [1956] AC 696.

требует значительной дискреции суда и применения последствий существенного изменения обстоятельств по его усмотрению. Это также отлично от основания, подразумевающего наличие некоторого подразумеваемого условия. Отсутствие согласия на исполнение обязательства в условиях измененных обстоятельств подразумевает, что стороны согласились исполнить обязательство в ограниченных (хотя, возможно, круг таких обстоятельств будет достаточно широким) обстоятельствах, и когда такие обстоятельства значительным образом изменяются, уже нельзя полагаться на наличие согласия сторон исполнить такое обязательство.

В упомянутом выше деле *Davis Contractors v Fareham* указано, что необходимо понять, дали ли стороны согласие на исполнение договора при изменении обстоятельств, и насколько широк круг таких обстоятельств. Если нет, то контракт должен считаться расторгнутым. В указанном деле Лорд Рейд и Лорд Редклифф выразили несогласие с применяемым подходом. В частности, они указали, что есть определенное логическое нарушение в том, чтобы применять где-то подразумеваемую оговорку относительно обстоятельств, наступление которых стороны не могли разумно предвидеть или просто не ожидали.

Они пришли к выводу о том, что возможно легче (и, наверное, разумнее) сказать, что расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств возникает в случае, когда невозможность исполнения была вызвана именно существенным изменением договорных условий.

Таким образом, при рассмотрении указанного дела оба судьи вышли за пределы применения концепции подразумеваемых условий, которая была выработана в рамках кейса *Taylor v Caldwell* и указали, что современная доктрина существенного изменения обстоятельств должна быть основана на объективном правиле договорного права, которое существует вне зависимости от намерений сторон. Как указывает П. Ричард¹⁷¹, обоснование применения доктрины существенного изменения обстоятельств в современном понимании также может строиться через применение условий, которые считаются подразумеваемыми, но

¹⁷¹ П. Ричард. С. 412.

это уже рассматривается не как подразумеваемое намерение сторон, а условие, которое подразумевается самим правом.

Обдумывая возможность применения доктрины подразумеваемых условий, суд указал, что существенное изменение условий должно зависеть не от каких-либо условий, якобы включенных в текст договора, а от конкретной трактовки условий договора и обстоятельств его заключения.

Кроме того, изменение обстоятельств должно быть настолько существенным, чтобы значительным образом преобразовать контрактное обязательство и фактически превратить его в условия, на которые не было получено согласие сторон. На это суд указал в деле *Sir Lindsay Parkinson & Co Ltd v Commissioners of Works*¹⁷².

Однако следует отметить, что применение этой теории имеет также определенные недостатки, т.к., несмотря на то, что она не предполагает применение подразумеваемого условия, которое даже не было согласовано сторонами, все-таки в определенных ситуациях может быть достаточно затруднительно определить, имеет ли то или иное обстоятельство существенное значение для договора. Так, например, в ситуации закрытия Суэцкого канала – является ли такое условие существенным или нет? Таким образом, рассматриваемый нами подход также имеет определенные недостатки.

В деле *British Movietonews v London & District Cinemas*¹⁷³ суд сформулировал следующее правило: если анализ условий контракта относительно изменившихся обстоятельств показывает, что стороны бы не согласились на его исполнение, то контракт должен считаться расторгнутым, но не потому, что на то было усмотрение суда, а потому что применение согласованных условий в такой ситуации невозможно.

Вопрос оснований и последствий применения доктрины существенного изменения обстоятельств будут рассмотрены нами в следующем параграфе. Завершая исследование исторического развития института существенного

¹⁷² [1949] 2 KB 632.

¹⁷³ [1950] 2 All E.R. 390 (C.A.).

изменения обстоятельств в английском праве, приведем его определение из судебной практики, согласно которому существенное изменение обстоятельств имеет место там, где какое-то внешнее событие (не зависящее от какой-либо из сторон и в отношении которого контрактом не установлены последствия его нарушения) настолько существенно изменяет природу основных прав и обязанностей по контракту, что становится ясным, что стороны не могли предположить их возникновение во время заключения договора, и было бы несправедливо требовать от них исполнения в условиях изменившихся обстоятельств. Оно закреплено в деле *National Carriers Ltd v Panalpina (Northern) Ltd*¹⁷⁴.

Таким образом, в настоящем параграфе мы рассмотрели эволюцию института *frustration* так, как он применяется в английском праве: от *doctrine of absolute contracts* до признания института *frustration*, и поиск рационального основания ее применения¹⁷⁵.

Нами было выделено три подхода, которые применялись в практике английских судов с целью обоснования необходимости применения доктрины: это подразумеваемое условие, справедливость такого решения и отсутствие согласия сторон на исполнение обязательства в ситуации изменения обстоятельства.

Кроме того, нами было продемонстрировано, насколько тесно связаны общеправовые принципы с развитием института существенного изменения обстоятельств в соответствии с английским правом. Можно утверждать, что главную роль в формировании института существенного изменения обстоятельств сыграл принцип добросовестности.

Вместе с тем ни одно из рассмотренных выше оснований не может быть признано удачным с точки зрения применения доктрины существенного изменения обстоятельств, т.к. ни один из них не представляет собой объективный критерий,

¹⁷⁴ Ltd [1981] AC 675.

¹⁷⁵ См.: Щербакова Е.О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 2. // Право и экономика. 2021. № 9 (403). С. 19-23.

который может быть использован судом вне зависимости от собственного усмотрения.

В следующем параграфе мы рассмотрим основания применения доктрины существенного изменения обстоятельств, применяемые в современной судебной практике.

2.2 Порядок и последствия применения института существенного изменения обстоятельств

В настоящем параграфе нами будут рассмотрены и классифицированы основания применения доктрины существенного изменения обстоятельств так, как они приняты в современной практике английских судов, а также рассмотрены последствия применения доктрины *frustration* в соответствии с действующим законодательством.

Как указывает Г.Х. Трейтель¹⁷⁶, для того, чтобы применить доктрину существенного изменения обстоятельств, суду необходимо выполнить следующие действия:

—истолковать условия контракта в соответствии с природой и обстоятельствами заключения, чтобы определить объем первоначальных прав и обязанностей сторон;

—сравнить обязательства, как они указаны в контракте, с тем, как они должны исполняться (и насколько характер обязательств изменился) в связи с существенным изменением обстоятельств.

Следует учитывать, что как в научной литературе, так и в судебной практике неоднократно указывалось (в качестве примера можно указать дело *National Carriers Ltd v Panalpina (Northern)*¹⁷⁷, что трактовка того или иного события в качестве существенного исполнения обязательств может зависеть от характера

¹⁷⁶ См. подробнее Peel E., Treitel G. H. The law of contract. – London: Sweet & Maxwell, 2007.

¹⁷⁷ [1981] AC 675.

самого обязательства. Так, например, задержка сроков поставки мороженого и железных рельсов может иметь разные последствия.

В судебной практике можно найти множество примеров возникновения невозможности исполнения в результате существенного изменения обстоятельств. В настоящей работе мы рассмотрим наиболее часто встречающиеся или интересные из них, а также некоторые интересные спорные ситуации, возникающие в связи с применением *frustration*. В целом, наиболее часто встречающиеся могут быть классифицированы следующим образом:

—изменение действующего законодательства таким образом, что последующее исполнение договорного обязательства стало существенно затруднительным или невозможным;

—физическая невозможность исполнения обязательства в связи с изменением обстоятельств;

—невозможность достижения цели исполнения обязательств.

Как мы уже указали выше, могут быть выделены также и иные основания, мы также раскроем некоторые из них в рамках настоящего исследования. Сейчас предлагаем остановиться несколько подробнее на перечисленных выше.

Невозможность исполнения договора может быть вызвана **изменением законодательства** или изменением обстоятельств, которые влияют на условия применения такого законодательства.

Так, *новый закон* может запретить и, соответственно, сделать невозможным исполнение обязательств, принятых по контракту. В качестве примера можно привести наложение эмбарго на торговлю с резидентами вражеского государства, как это имело место в деле *Fibrosa Spolka Akcyjna v Fairbairn Lawson Combe Barbour Ltd*¹⁷⁸. Закон также может сделать невозможным реализацию товаров определенного типа, как это было в деле *Denny, Mott & Dickson v Fraser*¹⁷⁹, а также лишить сторону контроля над предметом договора (или объектом, который имеет

¹⁷⁸ [1943] AC 32.

¹⁷⁹ [1944] AC 265.

важное значение для его исполнения, например, земли (*Baily v De Crespigny*¹⁸⁰) или кораблей (*Bank Line Ltd v Arthur Capel & Co*¹⁸¹).

Следует отметить, что в случае, если был введен законодательный запрет, в соответствии с которым торговля товаром определенного типа стала возможна только при наличии лицензии, такое изменение законодательства не будет признано существенным изменением обстоятельств для договорных отношений сторон.

Ситуации необходимости получения сторонами договора лицензии для исполнения договорных обязательств могут быть разделены на три категории. Первая заключается в том, что стороны могут заключить договор, для исполнения которого необходимо наличие лицензии, не получив ее предварительно. В таком случае *frustration*, очевидно, не может быть применена, т.к. о необходимости получения лицензии сторонам было известно до получения договора.

Вторая ситуация заключается в том, что стороны заключили договор, для исполнения которого необходимо получение лицензии, в соответствии с которым обязанность по получению лицензии была возложена на одну из сторон. В случае, если сторона, которая обязана получить лицензию, предприняла все необходимые действия, но лицензия не была получена по обстоятельствам, которые от такой стороны не зависят, институт существенного изменения обстоятельств также не подлежит применению.

Третья ситуация, при которой применение доктрины *frustration* все-таки возможно, заключается в том, что стороны предусмотрели в договоре необходимость получения лицензии, но после заключения договора порядок ее получения изменился, и это стало сильно затруднительным или невозможным.

Кроме того, не будет признаваться существенным изменением обстоятельств ситуация, при которой договор был заключен после введения законодательного запрета. В таком случае он может быть признан ничтожным, но на него не будет

¹⁸⁰ L. R. 4 Q. B. 180.

¹⁸¹ [1919] A.C. 435.

распространяться доктрина *frustration*, т.к. изначально действия сторон были незаконными (*Gamerco SA v ICM/Fair Warning (Agency) Ltd*¹⁸²).

С точки зрения последствий существенного изменения обстоятельств для договорных отношений сторон отметим, что в соответствии со сложившейся судебной практикой контракт расторгается в связи с существенным изменением обстоятельств в том случае, если был наложен запрет на торговлю между хозяйствующими субъектами воюющих стран вне зависимости от того, что фактически военные действия только откладывают исполнение обязательства до завершения военных действий.

Такой жесткий подход, который был применен в уже упомянутом деле *Fibrosa Spolka Akcyjna v Fairbairn Lawson Combe Barbour Ltd*, обосновывается тем, что в ситуации изменения законодательства в связи с военными действиями должен учитываться не только интерес сторон и их стремление к справедливому распределению убытков в результате изменения законодательства. Суды вынуждены также учитывать публичный интерес, который может оказывать значительное влияние на исход конкретного дела. Так, фактически в случае производства военных действий может оставаться возможность торговли с лицами, находящимися на территории вражеского государства, однако общественный интерес требует, чтобы у врага было как можно меньше ресурсов, и интерес общественный должен в такой ситуации превалировать над интересом частным.

В иных случаях, за исключением военных действий, изменение законодательства (или изменение практики применения существующего законодательства) окажет влияние на действительность договора в случае, если условия исполнения обязательства значительно изменились, в том числе оказано значительное влияние на сроки исполнения обязательства.

Так, например, в одном из рассмотренных судом случаев контракт предусматривал, что стороны построят водохранилище, однако по указанию государственных органов подрядчик был вынужден прекратить выполнение работ,

¹⁸² [1995] 1 W.L.R. 1226.

демонтировать завод и продать его. Несмотря на то, что в контракте стороны предусмотрели продление срока вне зависимости от того, какие обстоятельства бы ни наступили, это было сочтено неприемлемым, поскольку срок продления сроков исполнения обязательств не был определен и потенциально мог бы быть настолько длительным, что взятые на себя обязательства подрядчиком были бы значительным образом изменены (*Metropolitan Water Board v Dick Kerr*¹⁸³).

Напротив, в ином деле, согласно обстоятельствам которого сторонами был заключен договор аренды на девяносто девять лет, решения государственных органов повлияли исключительно на последние девять лет исполнения контракта, и суд счел, что относительно всего срока существования договора этот срок является незначительным, следовательно, институт существенного изменения обстоятельств не должен применяться (*Cricklewood Property and Investment Trust Ltd v Leighton's Investment Trust Ltd*¹⁸⁴).

К категории изменения законодательства может быть также отнесено *принятие акта органом государственной власти*, что также признается английским правом в качестве основания для применения доктрины *frustration*. В качестве примера можно привести дело *Denny, Mott and Dickson Ltd v James B Fraser & Co. Ltd*¹⁸⁵. В данном деле на отношения сторон повлияло принятие акта органа государственной власти, запрещающего свободную торговлю лицами древесины. Суд признал, что в результате принятия такого акта договор был фрустрирован и, следовательно, прекратил свое действие.

С точки зрения сравнения английского и российского подходов к правовому регулированию последствий принятия актов органами государственной власти (в России также органами местного самоуправления) интересно отметить, что в соответствии с действующим российским законодательством, а именно статьей 417 ГК РФ, в случае возникновения невозможности исполнения обязательств в результате принятия таких актов обязательства прекращаются полностью или в

¹⁸³ [1918] AC 119.

¹⁸⁴ 1943 KB 493.

¹⁸⁵ [1944] 1 All ER 678.

части. Таким образом, соответствующее основание является отдельным, независимым от обстоятельств непреодолимой силы. В российском законодательстве эти понятия разделены.

Наиболее очевидным случаем существенного изменения обстоятельств является **физическая невозможность исполнения**.

Однако возникновение непредвиденных событий может и не оказывать влияния на исполнение сторонами обязательств. Так, даже непредвиденная катастрофа не освободит сторону от исполнения обязательства в случае, если риски изначально были распределены в договоре, и сторона обязалась в любом случае взять на себя обязательство по уплате убытков.

При рассмотрении оснований применения доктрины существенного изменения обстоятельств следует учитывать, что какое-либо событие может стать результатом частичной невозможности исполнения или просто сделать более затруднительным исполнение обязательства (включая увеличение сроков исполнения). Влияет ли такое обстоятельство на исполнение договора, зависит от степени его воздействия на обязательства сторон.

Изменения обстоятельств, связанные с физической невозможностью исполнения договора, в результате которых может наступить невозможность исполнения, могут быть в общем виде разделены следующим образом:

- смерть или тяжелая болезнь исполнителя, препятствующая исполнению обязательства;
- гибель предмета договора;
- недоступность источника, из которого должен был быть получен ресурс, являющийся предметом обязательства или необходимый для его исполнения;
- возникновение иных затруднительных обстоятельств.

Контракт на оказание услуг считается расторгнутым в связи с существенным изменением обстоятельств в случае, если наступает *смерть лица*, ответственного за исполнение, или лицо *заболевает* таким образом, что его состояние здоровья делает невозможным исполнение им обязательства или само исполнение будет значительным образом отличаться от того, которое предполагалось раньше. Так,

договор будет считаться расторгнут в случае, если сторона, обязавшаяся исполнить:

—умирает (в качестве примера можно привести дела *Whincup v Hughes*¹⁸⁶, *Condor v The Barron Knights Ltd*¹⁸⁷);

—призвана на военную службу или заключена в тюрьму на весь срок исполнения обязательств или на значительную часть этого срока. Вместе с тем в последнем случае признание изменения обстоятельств существенным может произойти только по инициативе заказчика (кредитора). Такие случаи также имели место в судебной практике, например, в деле *Morgan v Manser*¹⁸⁸, *Horlock v Beal*¹⁸⁹, *FC Shepherd & Co v Jerrom*¹⁹⁰.

—заболевает таким образом, что больше не может исполнять свои обязательства. Так, например, в деле *Notcutt v Universal Equipment Co*¹⁹¹ договор найма был признан расторгнутым в связи с существенным изменением обстоятельств после того, как у работника случился сердечный приступ, и он не мог больше работать. Однако следует учитывать, что, как и во всех случаях применения доктрины существенного изменения обстоятельств, важное значение здесь имеет степень, в которой такие обстоятельства воздействуют на исполнение обязательств. При разрешении конкретного дела во внимание будет принят целый ряд обстоятельств, а именно условия договора, срок заключения трудового договора и период болезни, длительность трудового договора (т.е. сколько такой сотрудник уже проработал у работодателя), а также перспективы его восстановления.

В качестве иного примера можно рассмотреть договор, в силу которого артист обязался давать представление каждый вечер в течение двух недель, но не смог исполнять обязательства один день из предусмотренных четырнадцати. Такая

¹⁸⁶ LR 6 CP 78.

¹⁸⁷ [1966] 1 WLR 87.

¹⁸⁸ [1948] 1 KB 184.

¹⁸⁹ (1916) 1 AC 486.

¹⁹⁰ [1987] 1 QB 301.

¹⁹¹ [1986] ICR 414.

ситуация не будет расценена в качестве существенного изменения обстоятельства. Однако, если обнаружится, что артист заболел на семь дней, его болезнь может быть признана существенным изменением обстоятельств, которое приведет к невозможности исполнения обязательств по договору. Подобная ситуация была рассмотрена в деле *Condor v The Barron Knights Ltd*¹⁹².

Напротив, если конкретный исполнитель не имеет значения для целей исполнения договора (т.е. исполнение не носит творческий характер или выбор исполнителя не обусловлен его профессиональными навыками), то в таком случае институт *frustration* не подлежит применению. В качестве примера можно привести договор аренды здания для проведения концертов, который стороны намеревались признать расторгнутым в связи со смертью одного из собственников такого здания (*Phillips v Alhambra Palace Co Ltd*¹⁹³).

Гибель предмета договора также может оказать влияние на исполнение договорных обязательств. Так, нами уже рассматривался случай уничтожения объекта, необходимого для исполнения обязательства, в результате пожара (к ним относятся дела *Taylor v Caldwell* и *Appleby v Myers*). Вместе с тем существуют также случаи частичного уничтожения, и в таком случае необходимо учитывать степень повреждения:

—так, в деле *Asfar v Blundell*¹⁹⁴ была рассмотрена ситуация, при которой груз фиников был на некоторое время погружен в воду, в результате чего он стал непригоден для использования по назначению, хотя оппоненты в споре утверждали, что его все еще можно было перегнать в спирт и реализовать;

—в другом деле *Jackson v Union Marine Insurance Co*¹⁹⁵ судно село на мель и не ремонтировалось длительное время, в результате чего, хотя объект и не был уничтожен, дальнейшее исполнение обязательства стало невозможно.

Что касается применения доктрины существенного изменения обстоятельств к ситуации гибели товара, отметим, что, по общему правилу, она может

¹⁹² [1966] 1 WLR 87.

¹⁹³ [1901] 1 QB 59.

¹⁹⁴ [1896] 1 QB 123.

¹⁹⁵ [1874] LR10CP 125.

применяться к договорам, которые предусматривают передачу индивидуально-определенной вещи. Очевидно, что в случае, если речь идет о родовой вещи, то, раз они подлежат замене, существенное изменение обстоятельств не должно влиять на договорные обязательства. Несмотря на то, что должник при этом может испытывать определенные неудобства, он всегда может найти альтернативный источник поставки такого товара.

Отметим, что даже частичная гибель предмета может повлечь за собой невозможность исполнения обязательства и применение доктрины *frustration*. Так, в деле *Taylor v Caldwell*, к которому мы уже неоднократно обращались в настоящей работе, договор аренды заключался не только в аренде здания Мьюзик-холл, но и Суррей Гарденс. Вместе с тем суд признал, что обстоятельства изменились существенным образом в связи с тем, что Мьюзик-холл сгорел.

Конечно, в рассматриваемом нами деле имеет особое значение тот факт, что именно Мьюзик-холл имел существенную ценность для исполнения обязательства.

Отметим, что в качестве существенного изменения обстоятельств может быть рассмотрена не только гибель предмета исполнения, но также и иного объекта, который имел большое значение для исполнения договора. Так, например, заключив договор на установку оборудования на фабрике, исполнитель будет освобожден от исполнения обязательства в случае, если сама фабрика сгорела. Подробнее указанное дело будет рассмотрено нами в настоящей работе далее.

К существенному изменению обстоятельств относится также наступившая после исполнения обязательства недоступность источника, из которого должен был быть получен ресурс, являющийся предметом обязательства или необходимый для его исполнения.

Что касается источника товаров, следует отметить, что даже в случае, если у должника был единственный источник поставки товаров, то его недоступность не станет основанием для применения доктрины существенного изменения

обстоятельств (эта позиция была выработана в деле *Blackburn Bobbin Co Ltd v TW Allen Ltd*¹⁹⁶).

В недавно рассмотренном деле *CTI Group Inc v Transclear SA*¹⁹⁷ сложилась аналогичная ситуация: несмотря на то, что у продавца был единственный ресурс поставки товаров, проблемы с ним не привели к существенному изменению обстоятельств, т.к. в договоре не было особо оговорено, что необходимо закупать товар именно у этого поставщика или что для продавца такой источник товаров является единственным.

Вместе с тем в практике можно найти также иные примеры:

—так, если в договоре было обозначено, на какой именно земле должен быть выращен картофель, в случае возникновения там болезни, влияющей на качество урожая, это может быть признано существенным изменением обстоятельств (именно такая ситуация имела место в деле *Howell v Coupland*¹⁹⁸);

—импорт товаров из определенного места стал невозможен в результате военных действий, природных катастроф или запрета на такой экспорт (дело *Re Badische Co Ltd*¹⁹⁹).

В ситуации, когда в договоре не было указано, из какого именно источника должны быть получены ресурсы, материалы или товары, и только одна из сторон при заключении договора полагалась на наличие конкретного источника, в случае последующей его недоступности существенного изменения обстоятельств не возникает. Иными словами, в случае, когда поставщик исполнителя обязательства не исполнил свои обязательства (вне зависимости от причины неисполнения), институт *frustration* применению не подлежит. Такой же подход будет использован судами в случае, если поставщик исполнителя являлся единственным производителем такой продукции (по крайней мере, невозможность исполнения обязательств поставщиком будет признаваться существенным исполнением

¹⁹⁶ [1918] 1 KB 540.

¹⁹⁷ [2008] EWCA Civ 856.

¹⁹⁸ (1876) 1 QBD 258.

¹⁹⁹ [1921] 2 ch.331.

обязательств до тех пор, пока покупатель находится в неведении относительно того, что именно этот поставщик являлся единственным. В качестве примера можно привести дело *Intertradex SA v Lesieur Torteaux SARL*²⁰⁰).

Однако на практике также может возникнуть ситуация, при которой в договоре будет отсутствовать ссылка на конкретный источник, однако обе стороны будут рассчитывать на то, что товар или ресурс должен быть получен именно оттуда. В судебной практике в таких ситуациях может применяться доктрина подразумеваемого условия (*Ockerby & Co Ltd v Murdock*²⁰¹).

В случае, если невозможность поставки товаров в результате проблем с источником лишь частичная, то контракт считается прекращенным в части, в которой поставить товар невозможно. Такой вывод подтверждается также судебной практикой: в деле *Howell v Coupland*²⁰² исполнитель был частично освобожден от исполнения обязательства, т.к. поставил тот товар, который удалось произвести в сложившихся обстоятельствах.

Здесь, однако, можно выделить определенную особенность, которая заключается в том, что исполнитель обязан поставить частично произведенный товар, но только в ситуации, когда его сбор экономически выгоден. К такому выводу суд пришел в деле *International Paper Co v Rockefeller*²⁰³. Кроме того, следует учитывать, что заказчик не обязан принимать частичное исполнение.

Что касается возникновения различного рода «затруднений» (**hardships**) в процессе исполнения договорного обязательства (то есть изменение **способа исполнения обязательства**), следует учитывать, что только ряд обстоятельств может повлиять на невозможность исполнения договора; в большинстве случаев это вопрос затрат (временных, материальных и технологических), которые сторона вынуждена будет понести в связи с существенным изменением обстоятельств.

²⁰⁰ [1977] 2 Lloyd's Rep. 146.

²⁰¹ [1916] 19 W.A.R. 1.

²⁰² (1876) 1 Q.B.D. 258.

²⁰³ 146 N.Y.S. 371 (1914).

Отметим, что в американском законодательстве принят другой подход: там используется термин «нецелесообразность» (impracticality, статья 2-615 Единообразного торгового кодекса США²⁰⁴). Как указывает М. Чен-Висхарт²⁰⁵, в американском праве под нецелесообразностью понимается значительное затруднение, большие затраты или убытки, которые могут возникнуть у одной из сторон в результате исполнения договора. Это подразумевает под собой более широкое понимание существенного изменения обстоятельств, чем английское право, которое признает недостаточным только лишь факт признания исполнения коммерчески нецелесообразным. Как уже неоднократно указывалось в настоящей работе, необходимо именно существенное изменение обстоятельств, которое влияет на характер обязательства и делает его исполнение значительным образом затруднительным или невозможным. Вместе с тем на практике провести различие может быть достаточно сложно.

Обстоятельства, препятствующие исполнению договорных обязательств, равно как и невозможность соблюдения сроков исполнения обязательств могут иметь различные основания. Так, например, в случае, если сторонами заключен договор морской перевозки (или обязательство по морской перевозке грузов является частью договора), то существенное изменение обстоятельств возникнет в случае, если судно село на мель (как, например, в деле *Jackson v Union Marine Insurance Co Ltd*²⁰⁶), было конфисковано (в качестве примера можно привести дело *FA Tamplin Steamship v Anglo-American Petroleum Products*²⁰⁷), изъято (подобный случай был рассмотрен в деле *Adelfamar S.A. V. Silos E Mangimi Martini S.P.A.*²⁰⁸) или арестовано (например, как в деле *Embiricos v Reid (Sydney) & Co*²⁰⁹).

Вместе с тем, как мы неоднократно обращали внимание в настоящем исследовании, например, тот лишь факт, что судно село на мель, не будет являться

²⁰⁴ Uniform Commercial Code // Legal Information Institute URL: <https://www.law.cornell.edu/ucc> (дата обращения: 04.12.2022).

²⁰⁵ См. подробнее Chen-Wishart M. Contract law. – Oxford University Press, 2012.

²⁰⁶ (1874) LR10CP 125.

²⁰⁷ [1916] 2 AC 397.

²⁰⁸ [1988] 2 Lloyd's Rep. 466.

²⁰⁹ [1914] 3 KB 45; 30 T.L.R. 451.

основанием для применения доктрины существенного изменения обстоятельств: так, если это произойдет по вине судовладельца, институт *frustration* не будет применима к такой ситуации.

Затруднения в исполнении сторонами обязательств может быть также связано с забастовками, как в деле *Budgett & Co v Binnington & Co*²¹⁰, и с закрытием путей передвижения, как в деле *Tsakiroglou & Co Ltd v Noblee Thorl GmbH*²¹¹.

При принятии решения о том, подлежит ли применению институт существенного изменения обстоятельств, необходимо исследовать не причину просрочки исполнения или возникновения затруднения, а тот эффект, который такое обстоятельство оказало на исполнение сторонами принятых на себя обязательств. Необходимо установить, могли ли стороны предложить возникновение таких обстоятельств в тот момент, когда они заключали договор. При решении вопроса о том, действительно ли имело место существенное изменение обстоятельств, необходимо учитывать следующие факторы:

—возникшие затруднения в исполнении обязательств вызваны новым и непредвиденным обстоятельствам и выходят за рамки коммерческого риска, который предпринимали стороны.

Так, в деле *Davis Contractors v Fareham*, которое уже неоднократно упоминалось в настоящей работе и сыграло значительную роль в формировании практики применения института существенного изменения обстоятельств, строительство зданий заняло в три раза больше времени, стоимость строительства увеличилась на 17 тысяч фунтов стерлингов в связи с недостатком рабочего труда и сбоями в поставке в строительных материалах. Подрядчик завершил строительство и обратился в суд с требованием об увеличении стоимости контракта, но его требования не были удовлетворены в связи с тем, что, во-первых, соглашаясь на включение в договор фиксированной цены, подрядчик взял риск удорожания стоимости и увеличения сроков работ на себя, во-вторых, возникновение подобных затруднений можно было предвидеть и подрядчик мог

²¹⁰ [1891] 1 QB 35.

²¹¹ [1962] AC 93.

предусмотреть их в договоре, в-третьих, несмотря на то, что исполнение обязательств подрядчиком было затруднительно, оно значительным образом не отличалось от того, что было предусмотрено изначально²¹².

Не будут признаны существенным изменением обстоятельств инфляция или значительные колебания курса валют, хотя могут быть и исключения (в качестве примеров судебной практики, где исследовался вопрос изменения цен и колебания курсов валют и соотношения их с существенным изменением обстоятельств можно привести кейсы *Multiservice Bookbinding Ltd v Marden*²¹³, *British Movietonews v London and District Cinemas*²¹⁴, *National Carriers v Panalpina*²¹⁵).

Экономические кризисы также, как правило, не признаются существенным изменением обстоятельств, как это было в деле *Tandrin Aviation v Aero Toy Store*²¹⁶.

—о существенном изменении обстоятельств должно быть заявлено до того, как закончится время исполнения обязательств, предусмотренное по контракту.

Судебная практика по этому вопросу такова, что несмотря на то, что в ряде случаев до завершения события может быть невозможно определить, какое именно влияние оказало возникшее существенное изменение обстоятельств на обязательства сторон, тем не менее, сторона, которая претерпевает соответствующее влияние, должна заявить об этом.

—изменение обстоятельств должно существенным образом оказывать влияния на возможность исполнения сторонами обязательств.

Полагаем, что на этом вопросе необходимо остановиться несколько подробнее, т.к. по тексту настоящей работы мы уже значительное количество раз указывали на это условие, однако, не раскрывали, в чем именно может проявляться такое изменение обстоятельств.

Во-первых, из условий самого договора может следовать, что обязательство должно быть исполнено определенным образом и в определенный срок, в

²¹² Davis Contractors Limited v Fareham Urban District Council [1956] AC 696.

²¹³ [1979] Ch 84.

²¹⁴ [1950] 2 All E.R. 390 (C.A.).

²¹⁵ Ltd [1981] AC 675.

²¹⁶ LLC [2010] EWHC.

противном случае оно не будет представлять ценности для кредитора и, таким образом, влиять на исполнение обязательств по контракту.

Так, например, в деле о морской перевозке значительным образом влияет сезон, в который будет исполняться обязательство, т.к. навигация в разные времена года отличается. Учитывая, что в результате существенного изменения обстоятельств изменилось время навигации, суд признал их влияние на договорные обязательства сторон в деле *Jackson v Union Marine Insurance Ltd*²¹⁷.

Во-вторых, в случае просрочки исполнения обязательства может возникнуть ситуация, при которой исполнение будет происходить в условиях совершенного иного рынка. Изменение условий рынка было признано существенным изменением обстоятельств в деле *Acetylene Corp of Great Britain v Canada Carbide Co*²¹⁸.

В-третьих, существенное изменение обстоятельств может значительным образом повлиять на способ исполнения обязательств. В таком случае существенное изменение обстоятельств может как сделать невозможным исполнение (в случае, если такой способ являлся единственно возможным в рамках договора), так и привести к необходимости выбора иного способа исполнения.

Так, например, существенным изменением обстоятельств в договоре на прокладку тоннеля был признан запрет на использование определенных инструментов с 10 вечера до 6 утра в деле *Codelfa Construction Pty Ltd v SRA*²¹⁹.

Напротив, в деле *Ocean Tramp Tankers Corp v V/O Soyfracht*²²⁰, несмотря на необходимость изменения маршрута судна в связи с перекрытием Суэцкого канала, суд не признал это существенным изменением обстоятельств, т.к. из договора не следовало, что срок доставки грузов в место назначения является существенным условием в соответствии с условиями договора.

В ином похожем деле (*Tsakiroglou & Co Ltd v Noblee Thorl GmbH*²²¹) суд указал, что признаком отсутствия существенного изменения обстоятельств в связи

²¹⁷ (1874) LR10CP 125.

²¹⁸ (1921) 6 Ll.L.Rep. 410.

²¹⁹ (1982) 149 CLR 337.

²²⁰ [1964] 2 QB 226.

²²¹ [1962] AC 93.

с изменением маршрута является не только тот факт, что в договоре не был установлен срок доставки, но также и то, что маршрут не имеет значения для покупателя, а товар не был скоропортящимся.

Существенным изменением обстоятельств в соответствии с английским правом признается также утрата кредитором интереса в получении исполнения. Кредитор может указать, что обстоятельства изменились так, что цель, ради достижения которой он заключал договор, не может быть в этой связи достигнута, и он не должен быть обязан принимать товар или платить за него.

Очевидная опасность применения этого условия для оборота может заключаться в том, что оно дает основание выходить из невыгодных сделок, в результате чего оно вызвало много критики.

Таким образом, следует учитывать, что цель договора должна стать недостижимой *для обеих сторон* и должна быть либо прямо указана в качестве таковой, либо сторонами должно подразумеваться (и это должно следовать из текста договора), что такая цель является основой для договора. Недостижение цели договора одной из сторон, как указал суд в деле *Congimex Companhia Geral de Comercio Importadora and E Expordarora SARL v Tradax Export SA*²²², не является основанием для применения доктрины существенного изменения обстоятельств. Кроме того, отклонение от цели заключения договора должно быть значительным.

Рассмотрим отличие института *hardships* (затруднений) и частного случая *frustration – frustration of purpose*. Напомним, что отличием института *hardships* от *frustration* заключается в том, что институт *hardships* (затруднения) предполагает, что возможность исполнения сохраняется, но контракт становится невыгодным для исполнения одной из сторон. *Frustration of purpose*, на первый взгляд, также предполагает возможность исполнения договора, однако это не так. *Frustration of purpose* подразумевает невозможность достижения цели договора, а значит кредитор не получает того, о чем стороны договорились, на что указывалось в деле *Krell v Henry* 1902 г.²²³. Причем цель такого договора становится недостижимой для

²²² [1983] 1 Lloyd's Rep. 250.

²²³ *Krell v Henry* [1902] 2 KB 740.

обоих сторон. При *hardships* цель договора достижима для одной стороны, а для второй стороны исполнение договора становится невыгодным, что вызывает дисбаланс интересов.

Существенным изменением обстоятельства может также считаться ситуация, при которой событие, которое имеет решающее значение для исполнения обязательств по контракту, должно было произойти, но не произошло. Здесь необходимо проводить различие между событием, которое каким-либо образом влияет на предмет договора и событием, которое влияет на мотивы заключения договора. Наглядной иллюстрацией такому обстоятельству выступают приведенные выше коронационные кейсы.

В качестве существенного изменения обстоятельств может также трактоваться неспособность исполнить договор способом, обозначенным в нем. Однако следует проводить различие между обязательными условиями и теми, которые просто указывают на предпочтительный, ожидаемый способ исполнения. В случае, если возникшие обстоятельства препятствуют исполнению договора способом, который там предусмотрен, такое изменение обстоятельств не будет считаться вмешательством в чужие договорные отношения.

Так, например, закрытие Суэцкого канала в 1956 и 1967 годах означало, что для того, чтобы добраться до Индии и Дальнего Востока, корабли должны были обходить мыс Доброй Надежды. Бесспорно, судоходные компании с этой связи понесли дополнительные расходы и хотели применить доктрину существенного изменения обстоятельств, основывая свои требования на том, что, согласовывая цену договора, судовладельцы предполагали, что направят корабли совершенно по иному маршруту, что, в свою очередь, означает, что их затраты на исполнение были бы значительно меньше. Однако несмотря на то, что цена договора согласовывалась с учетом маршрута, сам маршрут не был отдельно оговорен в условиях договорах и, следовательно, не являлся обстоятельством, которое может быть расценено как существенное с точки зрения исполнения договора (то есть не могло быть признано тем способом исполнения, который является значимым для сторон с точки зрения исполнения контракта). Этот вывод подтверждается

несколькими судебными решениями, в том числе *Tsakiroglou & Co. Ltd v Noble Thorl GmbH*²²⁴ и *The Eugenia*²²⁵. В приведенных делах суды отказались рассматривать изменение стоимости исполнения как существенное изменение обстоятельств, которое повлияло на возможность исполнения договора.

Непосредственно сама невозможность исполнения может считаться существенным изменением обстоятельств, однако, здесь необходимо учитывать, что, во-первых, такое событие и обстоятельство должно считаться достаточно серьезным, во-вторых, необходимо принимать во внимание, сколько длились сами обстоятельства.

Так, в каждом конкретном случае суд будет учитывать, какое количество операций, иными словами, какая производительность могла бы быть у исполнителя в случае, если бы соответствующие обстоятельства не возникли (так, например, судно не могло передвигаться из-за действий вражеских войск в течение девяти месяцев, за которые оно могло бы совершить от семи до десяти обычных рейдов, как в деле *Pioneer Shipping Ltd v BTP Tioxide Ltd, The Nema*²²⁶).

Трудность может возникнуть в связи с тем, что при возникновении подобных обстоятельств нельзя с точностью предугадать, на какой срок действие такого обстоятельства будет влиять на возможность исполнения договора. В таком случае, как предлагает П. Ричард, наиболее разумным представляется подождать, чтобы определить, в течение какого срока продолжается такая невозможность исполнения и с учетом иных обстоятельств принять решение о том, является ли это существенным изменением обстоятельств или нет.

Полагаем, что необходимо отдельно остановиться на обсуждении и разборе указанного обстоятельства. Следует учитывать, что такой подход может нарушать баланс интересов сторон, т.к. одна из сторон в любом случае будет находиться в состоянии неопределенности. В свою очередь, это будет означать, что сторона несет значительные экономические издержки в связи, например, с невозможностью

²²⁴ [1962] A.C. 93.

²²⁵ [1964] 1 All ER 161.

²²⁶ [1981] 2 All ER 1030.

использовать длительное время оборудование или иные инструменты по назначению (по аналогии с кораблем, неизвестно, сколько корабль должен ждать в ситуации преграждения пути и невозможности выбора другого пути, когда у него есть возможность развернуться и начать выполнять совершенно другой маршрут). Полагаем, что в данном случае рекомендацией может стать четкое законодательное, или, если это невозможно – контрактное определение срока действия (влияния) таких непредвиденных обстоятельств на договорные отношения сторон.

Ключевым условием применения доктрины существенного изменения обстоятельств является тот факт, что такое обстоятельство не должно зависеть от действия (бездействия) кого-либо из сторон. Отметим, что указанное условие трактуется достаточно широко. Так, например, в деле *J Lauritzen AS v Wijsmuller BV*²²⁷ стороны заключили договор на перевозку, при этом не указав, какое именно из судов, находящихся во владении перевозчика, должно осуществить эту перевозку. Перевозчик в одностороннем порядке назначил одно из своих судов, определив другое для исполнения обязательств по иным контрактам, но судно, назначенное для исполнения обязательств по спорному контракту, затонуло за шесть месяцев до наступления даты исполнения обязательства. Перевозчик обратился в суд с требованием применить институт существенного изменения обстоятельств с соответствующими последствиями. Суд отказал, указав, что несмотря на то, что перевозчик не причастен к тому, что судно затонуло, тем не менее произошедшие события нельзя признать существенным изменением обстоятельств²²⁸.

Полагаем, что этот вопрос не должен рассматриваться как основание для применения института существенного изменения обстоятельств, т.к. несмотря на то, что одно из судов затонуло, возможность исполнить контракт, учитывая наличие у перевозчика второго судна, оставалась. Кроме того, в случае, когда способ исполнения не определен контрактом (что означает, что конкретная модель,

²²⁷ [1990] 1 Lloyd's Rep 1.

²²⁸ Там же.

характеристики судна не были определены контрактом), возможность исполнения, на наш взгляд, сохранится даже в ситуации, если у перевозчика затонут оба судна, т.к. теоретически он может найти третье лицо для исполнения обязательства, нанять судно или предпринять иные действия с целью обеспечения исполнения обязательства по договору.

С точки зрения применения доктрины существенного изменения обстоятельств важное значение имеет разграничение между **форс-мажорными обстоятельствами** (*force-majeure event*) и *frustration*. Продемонстрировать это различие можно на примере разбора конкретного кейса, представляющего немалый интерес с точки зрения исследуемой проблематики.

Так, в соответствии с условиями спора, между судовладельцем и фрахтователем был заключен договор на перевозку железной руды из Бразилии в Малайзию. В ноябре 2015 года произошел прорыв плотины, в результате чего производство на руднике остановилось. Фрахтователь не смог произвести пять поставок, а судовладелец подал в суд с требованием о возмещении ущерба почти на 20 миллионов долларов.

Фрахтователь не признавал себя ответственным за невозможность осуществить поставку, ссылаясь на то, что в договоре, заключенном между сторонами, было указано исключение, в силу которого ответственность не может наступить, если поставка не будет осуществлена в результате несчастных случаев, по причинам, которые не зависят от владельцев, фрахтователей, грузоотправителей или получателей; всегда при условии, что любые такие события напрямую влияют на возможность исполнения договорных обязательств любой из сторон.

Владелец судна заявлял, что, хотя на руднике произошла авария, отказ фрахтователя доставить грузы не явился прямым следствием этой аварии, как того требует приведенная выше оговорка. Он утверждал, что фрахтователь не выполнил бы свои обязательства в любом случае из-за падения спроса на малазийских сталелитейных заводах, для которых предназначались грузы.

Фрахтователь возражал, что сторона, которая ссылается на возникновение форс-мажора, не должна доказывать, что в случае отсутствия возникновения

обстоятельств, позволяющих применить оговорку о форс-мажоре, выполнила бы обязательство. В подтверждение своего довода он ссылаясь на дело *Bremer Handelsgesellschaft v Vanden Avenne-Izegem*²²⁹, в котором обосновывалось, что для того, чтобы заявлять о применении условия о форс-мажоре, сторона не должна доказывать, что в противном случае она могла бы исполнить обязательства (т.е. не было иных обстоятельств, которые могли бы препятствовать исполнению).

Высокий Суд указал, что фрахтователь не может полагаться на обстоятельство возникновения форс-мажора, т.к. он «не был готов» (как определил суд – *willing and ready*) поставить товары даже в том случае, если бы рассматриваемый инцидент не возник ²³⁰. Однако сумма требуемых судовладельцем убытков была снижена.

Фрахтователь подал апелляционную жалобу, однако Апелляционный суд согласился с Высоким Судом. Он также указал на наличие двух важных оснований, а именно:

— фрахтователь не мог полагаться на предусмотренную в договоре эксцепцию, т.к. он не смог продемонстрировать, что в случае, если бы обстоятельство, предусмотренное условием договора, не произошло, он мог бы исполнить обязательства;

— в деле было доказано, что фрахтователь в любом случае не исполнил бы обязательство из-за иных обстоятельств, которые не связаны с исполнением обязательств по договору.

В рассматриваемом нами деле суд основывал свое решение на толковании условия, на которое ссылаясь фрахтователь в договоре. В частности, ключевым моментом было то, что условие предполагало, что фрахтователь освобождается от ответственности за неисполнение обязательства в случае, если оно является следствием произошедшего на шахте инцидента, при условии, что такое событие будет напрямую влиять на исполнение обязательств какой-либо из сторон (*directly affect the performance of either party*). Суд указал, что такая формулировка условия

²²⁹ [1978] 2 Lloyd's Rep 109.

²³⁰ [2018] EWHC 2389 Comm.

требует обоснования причинно-следственной связи: фрахтователь должен был доказать, что невозможность поставить товары стала следствием инцидента на шахте, и что этот инцидент оказал прямое влияние на исполнение.

Суд также указал, что дело *Bremer Handelsgesellschaft* применяется только в случае, если произошло существенное изменение обстоятельств, которое повлекло за собой автоматическое расторжение договора. Этот кейс не может быть использован в качестве прецедента для тех случаев, когда сторона ссылается на возможность применения эксцепции, предусматривающей возможность освобождения стороны обязательства возместить убытки в результате неисполнения.

Суд указал, что в ситуациях, когда подлежит применению условие о существенном изменении обстоятельств, договор должен считаться автоматически прекращенным, и суд не должен исследовать обстоятельства, сопутствующие такому существенному изменению обстоятельств, в частности, обосновывать невозможность исполнения, возникшую непосредственно вследствие возникновения такого рода обстоятельств²³¹. Напротив, рассматриваемая нами эксцепция подразумевает, что сторона освобождается от ответственности за нарушение исполнения обязательства, и она должна толковаться буквально, в соответствии с текстом самой оговорки.

На примере приведенного дела можно кратко подытожить, что в случае возникновения подобного рода обстоятельств суду необходимо решить, были ли риски их наступления разделены сторонами в соответствии с договором. Если такие обстоятельства оговорены, то речь идет о *force-majeure event*. Только в случае, если в договоре не оговорены подобные случаи, должен применяться институт *frustration* в соответствии с законом.

Конечно, условие о последствиях возникновения существенного изменения обстоятельств (которые в английском праве называются условия *force majeure*, *hardship* или *intervene*), разработанные, согласованные сторонами и включенные в

²³¹ Там же.

текст договора, с точки зрения практики их применения являются более благоприятным для сторон, чем непредсказуемая судебная практика, которая, хотя и подразумевает наличие некой общей логики применения исследуемого нами института, но также включает в себя и широкое усмотрение суда.

Такое договорное условие может состоять из двух элементов, а именно:

—обстоятельства, которые исключают возникновение ответственности за нарушение исполнения обязательства, например, природные катаклизмы, войны, забастовки и иные события природного характера;

—последствия наступления таких обстоятельств, которые могут быть (и зачастую являются) значительно более широкими, чем последствия применения доктрины существенного изменения обстоятельств в силу закона, а именно условие о необходимости предоставления отсрочки, возникновения у сторон права на односторонний отказ от исполнения договора, необходимость обращения в суд для разрешения дела, добросовестное проведение переговоров между сторонами или возникновение у одной из сторон права на увеличение цены договора.

Однако необходимо учитывать, что включенное в договор условие будет также интерпретировано судами на предмет того, действительно ли оно также распространяет свое действие на какой-либо конкретный случай. Традиционно суды применяют достаточно ограниченный подход к толкованию подобного рода положений, чтобы избежать установления несправедливости в отношениях сторон и, наоборот, выявить предполагаемые намерения последних.

В качестве примера достаточно узкого толкования условий договора можно привести дело *Metropolitan Water Board v Dick Kerr*²³². В указанном деле стороны включили в текст договора указание на то, что сторона имеет право на продление сроков вне зависимости от того, какое обстоятельство возникнет. Суд решил, что такое условие не должно распространяться на ситуацию, при которой государство обязало разобрать и продать завод должника, т.к. это очевидно обстоятельство,

²³² [1918] AC 119.

которое стороны не могли предусмотреть в момент заключения договора. Таким образом, несмотря на то, что предусмотренное договором условие, очевидно, предусматривало последствия для возникновения описанной ситуации, оно было истолковано достаточно узко с целью освобождения должника от ответственности. Суд истолковал это таким образом, что несвоевременное исполнение обязательства должно быть применено к обычной ситуации, наступление которой могло быть предвидено сторонами. Однако, по мнению суда, такое правило не должно влиять на последствия наступления обстоятельств такого масштаба, который не мог предполагаться сторонами в момент заключения договора.

Наряду с этим в ситуации отсутствия условия договора, регулирующего последствия существенного изменения обстоятельств, суд может усмотреть из текста договора и намерений сторон, что стороны распределили соответствующие риски. Так, суд может вывести намерение сторон распределить договорные риски непосредственного из самого характера сделки, например:

— долгосрочная аренда и договор купли-продажи имущества традиционно распределяет все риски сторон на арендодателя или покупателя, в то время как краткосрочная аренда распределяет меньше;

— традиционно контракты в сфере строительства возлагают на застройщика риск возникновения затруднений в выполнении работ в результате обнаружения особенностей почвы и местности, а также недоступности рабочей силы и материалов. Традиционно законодательство не предусматривает при возникновении указанных обстоятельств последствия в виде расторжения договора и иные.

В соответствии с общей концепцией доктрины существенного изменения обстоятельств, такое изменение должно быть непредвиденным²³³. Однако такое условие не должно применяться слишком широко, возможность предусмотреть возникновение обстоятельств также может возникать в различной степени, что

²³³ См.: Дождев Д.В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. – № 1. – 2018. – С. 103-121.

должно быть учтено. Так, можно предусмотреть что угодно, если применять высокие стандарты и предполагать даже «параноидальные» наклонности стороны. Кроме того, условие, которое будет предусматривать последствия наступления всевозможных существенных изменений обстоятельств, будет значительно затратным (имеются в виду временные и материальные затраты на его разработку), т.к. подавляющее большинство событий в принципе никогда не случится.

В этой ситуации на первый план выступает значимость законодательного регулирования соответствующих условий: стороны должны иметь возможность положиться на закон.

На практике тот факт, что стороны не предусмотрели распределение последствий наступления рисков, хотя и предвидели возможность наступления соответствующего события, может быть истолкован двумя способами:

— это может быть расценено как намерение сторон о том, что договор будет сохранять свою силу вне зависимости от обстоятельств (и тогда доктрина существенного изменения обстоятельств не будет применяться. К соответствующему решению суд пришел в деле *Walton Harvey Ltd v Walker & Homfrays Ltd*²³⁴);

— но также может быть расценено как намеренное оставление данного вопроса неурегулированным, и тогда подлежат применению условия и последствия, предусмотренные законом.

Конечно, первая опция может быть использована судом, когда вероятность наступления такого события очень высокая. Обстоятельства и последствия их наступления в таком случае должны быть расценены как нечто, что примет во внимание любой среднестатистический участник оборота, и, кроме того, это должна быть ситуация, возникновение которой не просто возможно предусмотреть, но в отношении которой также возможно предусмотреть конкретные последствия или события, конкретные детали этого последствия. На практике суды неохотно применяют такое толкование.

²³⁴ [1931] 1 Ch 274.

Может также возникнуть ситуация, при которой существенное изменение обстоятельств станет последствием действий одной из сторон. В таком случае исследуемый нами институт не подлежит применению, т.к. существенным условием для этого является как раз независимость наступившего события от действий или воли обеих сторон контракта.

Так, не будет признано существенным изменением обстоятельств наступление войны, если должник в обязательстве изначально не мог его исполнить в связи с тем, что из-за повреждений судна оно не могло vyplыть в море (такая ситуация, например, возникла в деле *Monarch Steamship Co Ltd v Karlshamms Oljefabriker*²³⁵).

Сторона также лишается возможности ссылаться на существенное изменение обстоятельств в случае, если оно произошло в связи с его неосторожностью или небрежностью. В данном случае будут иметь место такие же последствия, как и для ситуаций намеренного нарушения стороной договора.

В такой ситуации важным обстоятельством является возможность стороны и наличие у нее соответствующих средств предотвратить наступление такого события. В случае, если возможность и средства были, но он не предпринял разумные и требуемые от него действия для предотвращения их наступления, сторона будет признана виновной за нарушение обязательства и не сможет ссылаться на то, что обязательства не возникли.

Интересно, что также в случае, если у участника оборота есть несколько одинаковых контрактов, но в связи с существенным изменением обстоятельств он может исполнить частично только некоторые из них, у него возникает необходимость выбирать, какой из контрактов он будет исполнять, а какой нет. В таком случае возникновение непредвиденного обстоятельства уже не будет иметь значение для договора, т.к. сам факт выбора влияет на возникновение причинно-следственной связи между наступившим событием и фактом неисполнения. В рассматриваемом нами случае применение доктрины существенного изменения

²³⁵ [1949] AC 196.

обстоятельств возможно в случае, если такой участник оборота полностью лишается всех источников поставки, а также если еще одно изменение обстоятельств возникло уже после того, как он выбрал конкретный контракт, подлежащий исполнению.

Такая ситуация возникла в деле *Maritime National Fish v Ocean Trawlers*²³⁶, в соответствии с условиями которого владелец судна подавал заявку на пять лицензий, но получил только три, и не распределил ее на суда, которые были назначены на исполнение заключенного договора. Неполучение лицензий не было признано существенным изменением обстоятельств.

Конечно, рассматривая институт существенного изменения обстоятельств, необходимо иметь в виду не только обстоятельства, при которых он применяется, но также и **последствия**, которые его применение несет для отношений сторон.

Существенное изменение обстоятельств повлечет за собой автоматическое расторжение договора. Указанное правило было окончательно оформлено в деле *Hirji Mulji v Cheong Yue Steamship Co*²³⁷.

Стороны освобождаются от исполнения обязательства на будущее, при этом суд не может изменить или адаптировать условия договора по своему усмотрению (в том числе с согласия сторон) для того, чтобы обязательство стало исполнимым в соответствии с имевшим место изменением обстоятельств. Так, в указанном выше деле сторона была готова исполнить обязательство в условиях изменившихся обстоятельств, однако суд все равно признал договор расторгнутым.

Выше мы уже указывали, что существенное изменение обстоятельств не подлежит применению в случае, если сторона способствовала наступлению обстоятельств или не предприняла мер, направленных на предотвращение наступления таких обстоятельств. Следует оговориться, что оно не подлежит применению нарушившей (виновной) стороной, но может быть применено его контрагентом, как это имело место в деле *F.C. Shepherd & Co. Ltd. v. Jerrom*²³⁸.

²³⁶ Ltd [1935] AC 524.

²³⁷ [1926] AC 497.

²³⁸ [1985] I.C.R. 552.

Интерес представляет тот факт, что изначально правило о том, что существенное изменение обстоятельств прекращает отношения сторон только на будущее, было жестким. Это можно наглядно продемонстрировать при помощи сравнения последствий двух кейсов, которые уже упоминались нами ранее – *Chandler v Webster* и *Krell v Henry*. В последнем кейсе суд признал, что арендатор не должен платить арендную плату арендодателю, т.к. коронация не состоялась из-за непредвиденных обстоятельств, следовательно, помещение было ему не нужно.

Решение по первому кейсу, однако, было менее справедливым. Суд решил, что обязательства прекращаются только на будущее, и раз арендная плата уже была выплачена, она не должна быть возвращена. Решение о последствиях возникновения существенного изменения обстоятельств для отношений сторон было пересмотрено в рамках дела *Fibrosa Spolka Akcyjna v Fairbairn Lawson Combe Barbour Ltd*²³⁹. Напомним, что в соответствии с обстоятельствами этого дела контракт не мог быть исполнен из-за захвата Польши немецкой армией, но при этом покупатель уже успел уплатить аванс. Впоследствии он обратился в суд с требованием о возврате аванса. Если бы суд руководствовался походом, который был принят в рамках *Chandler v Webster*, то аванс не должен был быть возвращен. Однако суд признал право на возврат уплаченных денежных средств несмотря на возражение продавца о том, что им уже было затрачено время и ресурсы для подготовки к исполнению обязательства.

С точки зрения обсуждения последствий существенного изменения обстоятельств для обязательств сторон особый интерес, на наш взгляд, представляет ситуация, при которой несмотря на произошедшее изменение обстоятельств одна из сторон уже успела затратить ресурс на подготовку к его исполнению. Например, если партия товара, которая должна быть поставлена, делается под заказ, и продавец закупил материалы или даже успел запустить производство товара. Или, например, речь идет о строительных работах, и подрядчик уже совершил действия по мобилизации строительной техники на

²³⁹ [1943] AC 32.

строительную площадку, взял в аренду строительное оборудование и совершил иные действия.

Полагаем, что вопрос требует отдельного обсуждения, и мы вернемся к его исследованию в рамках следующей главы. Здесь отметим лишь, что, на наш взгляд, несправедливо возлагать на риски, в том числе экономические, на сторону, которая добросовестно исполняла обязательства и успела понести материальные и временные затраты.

В 1943 году, как уже было отмечено в предыдущем параграфе, была проведена реформа и принят закон, который призван решить следующие вопросы относительно последствий существенного изменения обстоятельств:

—возмещение (возврат) денежных средств, которые были уплачены в соответствии с договором или должны были быть уплачены;

—возмещение денежных средств, которые были затрачены в целях исполнения обязательств по договору;

—восстановление экономического равенства сторон в ситуации, когда одна из сторон получила в рамках исполнения договора ценный ресурс, но не выплатила компенсацию другой стороне²⁴⁰.

Так, в соответствии с п. 1 (2) указанного документа в случае, если денежные средства были уплачены до момента наступления существенного изменения обстоятельств, такая сумма подлежит возврату лицу, ее уплатившему. Если срок исполнения обязательства по оплате наступил, но обязательство не было исполнено, в таком случае денежные средства не должны уплачиваться.

Однако в случае, если сторона, которой должны быть уплачены денежные средства, понесла расходы в целях исполнения контракта, суд может, если посчитает это справедливым, принять во внимание обстоятельства дела и распределить расходы между сторонами (разрешить оставить себе всю сумму аванса, обязать вернуть только часть), но при этом сумма, присужденная стороне,

²⁴⁰ Law Reform (Frustrated Contracts) Act 1943 // Legislation.gov.uk URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/6-7/40/introduction> (дата обращения: 04.12.2022)..

которая понесла расходы на исполнение, не должна превышать сумму фактически понесенных расходов (иными словами, сторона не может требовать сверх того, что она затратила)²⁴¹.

Однако следует отметить, что возможность присудить определенную сумму лицу, понесшему расходы с целью исполнения обязательства, рассматриваются в судебной практике как право, но не строгая обязанность суда. Даже в случае, если факт несения стороной расходов будет доказан, суд, по собственному усмотрению, может вообще не присудить ему какие-либо суммы. Суд также не обязан поровну распределять понесенные сторонами убытки. Указанная позиция, в частности, была выражена в деле *Gamerco SA v ICM/Fair Warning (Agency) Ltd*²⁴².

Что касается восстановления экономического равенства сторон, английский закон регулирует этот вопрос следующим образом.

В соответствии с секцией 1 (3), если любая из сторон получила неденежный доход за счет другой стороны, который связан с исполнением обязательства в рамках договора, такая сторона должна возместить денежные средства в размере, не превышающем стоимость полученного исполнения, с учетом других обстоятельств спора, которые должны быть приняты во внимание судом, а именно:

—расходы, которые понесла сторона, получившая неденежный доход, в связи с исполнением обязательств по договору, включая любые суммы, которые подлежали или подлежат уплате любой стороне в соответствии с договором;

—степень влияния существенного изменения обстоятельств на исполнение договора.

С точки зрения применения указанного положения значимым является дело *BP Exploration Co. (Libya) Ltd v Hunt (No 2)*²⁴³. Обстоятельства дела заключались в том, что компания British Petroleum (BP) и Хант заключили контракт на разведку месторождения и эксплуатацию нефтяной концессии в Ливии, которой владел Хант. Обязательства BP содержались в предоставлении финансирования и

²⁴¹ См.: Щербакова, Е. О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 2 // Право и экономика. – 2021. – № 9(403). – С. 19-23.

²⁴² [1995] 1 WLR.

²⁴³ [1979] 1 WLR 783.

проведении разведывательных работ, получив за это половину доли в концессии. Расходы на разведочные работы должны были возмещаться в размере трех восьмых стоимости доли Ханта, если нефть будет найдена до тех пор, пока 125 процентов их первоначальных расходов не будут возмещены. Крупное месторождение было открыто в 1967 году и было введено в эксплуатацию в 1971 году. В 1971 году Ливия экспроприировала концессию Ханта, в результате чего контракт между ВР и Хантом был расторгнут. На момент предъявления заявления ВР возместила только часть расходов и подала иск на основании пункта 3 статьи 1 Закона 1943 года.

Суд указал, что оценка претензии на основании пункта 3 статьи 1 Закона 1943 года должна производиться, во-первых, с учетом полученной выгоды, во-вторых, справедливости. Эта сумма, на основании указанного пункта, не могла превышать ценность выгоды, полученной истцом в процессе исполнения договора. Суд указал, что выгода должна оцениваться не на основании сумм, которые были получены ВР за выполнение работ по разведке месторождения, а на основании выгоды, которую получил Хант²⁴⁴.

Выгода Ханта, по сути, равнялась сумме, на которую увеличилась стоимость самой концессии, но на основании пункта 3 статьи 1 Закона 1943 года справедливо должна была быть уменьшена на сумму, которая была потеряна в связи с экспроприацией. В конечном счете выгода компании была определена как стоимость полученной Хантом нефти и сумма компенсации, присужденная ливийским правительством за экспроприацию. Половина выгоды была связана с усилиями, предпринятыми ВР. Выгода была оценена в 85 миллионов долларов. Таким образом, было определено, что сумма, которая должна быть присуждена в пользу ВР, не должна превышать 85 миллионов долларов.

Разрешая вопрос непосредственно о сумме возмещения, суд решил, что в основу расчета необходимо положить фактические затраты, которые компания понесла на разработку концессии, что составляет 87 миллионов долларов, а также

²⁴⁴ Там же.

денежные средства, фактически выплаченные партнеру, т.е. 10 миллионов долларов, за вычетом расходов, которые уже были возмещены. Сумма возмещенных расходов составляла 62 миллиона долларов. Справедливая сумма, по мнению суда, составляла 35 миллионов долларов, и именно эта цифра была присуждена ВР к возмещению, поскольку не превышала ранее оцененную выгоду Ханта, в соответствии с механизмом, предусмотренным пунктом 3 статьи 1 Закона 1943 года.

Следует отметить, что несмотря на то, что положения Закона во многом исправляют те недостатки, которые существовали ранее в судебной практике, в Законе все равно есть определенные пробелы. Так, например, Закон предусматривает возможность взыскания компенсации только в случае, если сторона получила ценную выгоду до того, как произошло существенное изменение обстоятельств. В рассматриваемом деле, если бы экспроприация произошла до того, как концессией была получена какая-либо прибыль, ВР не получили бы возмещения, т.к. ценной выгоды не было бы.

Кроме того, следует также учитывать, что может возникнуть ситуация, при которой стороной будет получена выгода, но она будет нивелирована самим существенным изменением обстоятельств. Закон не предусматривает для таких случаев возмещения.

Вместе с тем с учетом иных обстоятельств дела такой дефект становится достаточно очевидным. В качестве примера можно привести дело *Appleby v Myers*²⁴⁵. Обстоятельства там были следующие. Стороны заключили договор на установке оборудования на заводе, ответчик должен был заплатить после установки оборудования. После того, как часть оборудования была установлена, вспыхнул пожар, который полностью уничтожил фабрику и оборудование. Контракт был признан расторгнутым.

Также не могло быть заявлено требование и по пункту 3 статьи 1 Закона, т.к. в ответ на заявление о том, что ответчик приобрел какую-то выгоду от исполнения,

²⁴⁵ (1867) LR 2 CP 651.

последний бы заявил, что полученная выгода была уничтожена таким событием, и, соответственно, суд не смог бы определить справедливую цену, подлежащую возмещению, как этого требует рассматриваемый нами пункт.

Полагаем, что достаточно интересным будет дальнейшее сравнение последствий применения доктрины существенного изменения обстоятельств в соответствии с английским и российским правом.

Таким образом, в настоящем параграфе мы рассмотрели основания применения доктрины существенного изменения обстоятельств в соответствии с английским правом. Доктрина *frustration* включает в себя такие обстоятельства, как изменение действующего законодательства таким образом, что последующее исполнение договорного обязательства стало существенно затруднительным или невозможным; физическая невозможность исполнения обязательства в связи с изменением обстоятельств; невозможность достижения цели исполнения обязательств. Последствием наступления такого рода обстоятельств является прекращение договора. От *frustration* следует отличать *hardships* (затруднения), которые предполагают, что возможность исполнения сохраняется, но контракт становится невыгодным для исполнения сторон.

Следует отметить, что в целом доктрина *frustration* имеет широкое применение и пересекается с определенными обстоятельствами и основаниями, которые предусмотрены российским правом в качестве оснований прекращения обязательств (ст. 417 и ст. 418 ГК РФ). В этом проявляется главное отличие института существенного изменения обстоятельств в российской и английской правовых системах. Институт существенного изменения обстоятельств в российском праве, в отличие от *frustration*, не включает невозможность исполнения обязательства, а в качестве последствий влечет изменение или расторжение договора, о чем будет идти речь в следующих параграфах.

Глава 3 Существенное изменение обстоятельств в российском праве

3.1 Существенное изменение обстоятельств: понятие и признаки

Для того, чтобы полностью раскрыть содержание института существенного изменения обстоятельств, необходимо обратиться к истории его развития в отечественном законодательстве, а также составить общее представление о нормативных правовых актах, которые регулируют этот институт на настоящий момент. Также в этом параграфе мы рассмотрим соотношение статьи 451 Гражданского Кодекса РФ со смежными правовыми институтами.

На законодательном уровне институт существенного изменения обстоятельств закрепился только в 1994 году с принятием первой части Гражданского Кодекса Российской Федерации. После этого он начал внедряться и упоминаться уже в иных нормативных актах, которые мы также рассмотрим далее в настоящей работе.

В дореволюционном законодательстве предпринимались попытки внедрения института существенного изменения обстоятельств, однако из анализа текста законодательных инициатив можно сделать вывод о том, что понимался этот институт, вопреки мнению некоторых исследователей²⁴⁶, совершенно иначе, чем сейчас.

Прежде всего, соответствующая норма проекта Гражданского Уложения Российской Империи (статья 457, Книга 5, Том 2)²⁴⁷ была включена в раздел, посвященный договору подряда, а не формулировалась в качестве общего положения, применимого ко всему разделу, посвященному обязательствам. В

²⁴⁶ См. Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: диссертация ... кандидата юридических наук : 12.00.03 / Очхаев Тимур Геннадьевич; [Место защиты: Моск. гос. ун-т им. М.В. Ломоносова]. - Москва, 2015. – с. 49.

²⁴⁷ Гражданское уложение. Книга Пятая. Том второй. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С объяснениями. С. Петербург. 1899. С. 426-428.

тексте комментариев при этом особо отмечается, что соответствующее условие должно быть предусмотрено, по мнению авторов проекта Гражданского Уложения, исключительно для договора подряда. В качестве последствия существенного изменения обстоятельств с последующим необходимым изменением цены указывалась только «сильное повышение цен на рабочие руки или материал», а также необходимость в затрате «несравненно большего труда или материала, чем предполагалось первоначально».

В комментарии к рассматриваемой статье отдельно указывалось, что такое повышение цен должно было произойти вследствие чрезвычайной причины, но к такой чрезвычайной причине можно было бы отнести что угодно – конкретные условия не уточнялись. Таким образом, содержание института существенного изменения обстоятельств также раскрывалось через оценочную категорию.

Действующее на настоящий момент законодательство также предусматривает, что при согласовании твердой цены и последующем увеличении стоимости материалов подрядчик имеет право требовать увеличения договорной цены или расторжения в соответствии со статьями 451 Гражданского Кодекса РФ. Соответствующее условие предусмотрено в абзаце 2 пункт 6 статьи 709 Гражданского Кодекса РФ.

Примечательно, что в дореволюционном законодательстве конструкция существенного изменения обстоятельств также рассматривалась через призму принципа справедливости в гражданских отношениях. В частности, в комментарии указано: *«...требовать от подрядчика во всех подобных случаях исправного исполнения обязательства за ту же цену, которая была определена в договоре в расчете на обыкновенные, а не чрезвычайные условия жизни, было бы очевидно несправедливо...»*²⁴⁸. Таким образом, оценка принципов добросовестности и справедливости применительно к институту существенного изменения обстоятельств, и поиск баланса в их применении признавался актуальным на протяжении всего периода существования и исследования рассматриваемого

²⁴⁸ Гражданское уложение. Там же.

института. Проблема соотношения института существенного изменения обстоятельств с принципами добросовестности и справедливости применительно к российскому праву будет рассмотрена далее в настоящей работе.

Отметим, что советское законодательство не предусматривало возможности применения института существенного изменения обстоятельств, хотя определенные смежные институты, такие, как освобождение от исполнения обязательства вследствие невозможности исполнения или обстоятельств непреодолимой силы существовали. Вместе с тем, конечно, эти институты имеют разное содержание и направлены на регулирование отношений стороны в ситуациях иных, чем существенное изменение обстоятельств.

Еще одно обстоятельство, которое необходимо учесть в контексте исторического развития института существенного изменения обстоятельств и смежных с ними, в т.ч. института обстоятельств непреодолимой силы, в советском праве – они существовали разрозненно, и были сформулированы, как и в проекте Гражданского Уложения Российской Империи, не в качестве общего правила, т.е. общих положений гражданского законодательства, но были направлены на регулирование отдельных институтов, например, исковой давности, ответственности хранителя за утрату имущества и ответственности за вред, причиненный источником повышенной опасности²⁴⁹.

Как отмечали некоторые советские исследователи, несмотря на отсутствие формального закрепления института существенного изменения обстоятельств в законодательстве, тем не менее, на практике суды находили способ его применения. Таким образом, существенное изменение обстоятельств было невозможно *de iure*, но, тем не менее, формировалось *de facto*. На это обстоятельство в своем исследовании указывает В.А. Ойгензихт²⁵⁰. Однако такое применение носило эпизодический характер и некорректно было бы утверждать,

²⁴⁹ Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР, 1964, № 24, ст. 407.

²⁵⁰ Ойгензихт В.А. Хозяйственная невозможность исполнения обязательств социалистическими организациями: Сб. работ кафедры гражданского права и процесса. 1969. Душанбе, 1970. С. 124–126.

что в советском праве институт существенного изменения обстоятельств сформировался как некое общее правило.

Нельзя при этом согласиться с мнением С.А. Соменкова, который утверждает, что в советские время институт существенного изменения обстоятельств был неактуальным для оборота: во-первых, об обратном свидетельствует существующая судебная практика, во-вторых, сам факт господства плановой экономики не означает потенциальную невозможность изменения обстоятельств²⁵¹.

Таким образом, на основании краткого обзора развития института существенного изменения обстоятельств можно сделать вывод о том, что фактически он является достаточно молодым институтом для отечественной системы законодательства, в связи с чем вполне объясним тезис, выдвигаемый многими исследователями этого института о том, что четкая практика применения института существенного изменения обстоятельств еще не сложилась, а законодательные формулировки не совсем корректны²⁵².

Важно отметить, что на настоящий момент институт существенного изменения обстоятельств закреплён не в единственном нормативном акте. Основной нормой выступает, конечно, статья 451 ГК РФ.

Иные источники правового регулирования института существенного изменения обстоятельств можно разделить на источники публично-правового регулирования и источники частного-правового регулирования, а также законодательные акты, которые уточняют и (или) изменяют смысл института существенного изменения обстоятельств и которые только делают к нему отсылку.

Так, например, отсылка к существенному изменению обстоятельств содержится в Федеральном законе от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых

²⁵¹ Соменков С. А. Прекращение договорных обязательств в связи с существенным изменением обстоятельств // Законы России: опыт, анализ, практика. 2010. № 12.

²⁵² См., например, Фролов А.И. Существенное изменение обстоятельств как основание изменения и расторжения договора: признаки и условия реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. Т. 11. № 1. 2015 г. С. 81-90.

экономических зонах в Российской Федерации» (далее – Закон об особых экономических зонах)²⁵³, где предусмотрено, что соглашение об осуществлении промышленно-производственной, технико-внедренческой, туристско-рекреационной деятельности или деятельности в портовой особой экономической зоне может быть расторгнуто в связи с существенным изменением обстоятельств, т.е. сделана общая отсылка к возможности применения института (п. 2 ст. 20 Закона об особых экономических зонах). Такая же общая отсылка к нормам, регулирующим существенное изменение обстоятельств в соответствии с гражданским правом, содержится в Федеральном законе от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции»²⁵⁴.

Такой же подход (ссылка на возможность применения института существенного изменения обстоятельств) предусмотрен для соглашения об осуществлении деятельности в соответствии с Федеральным законом от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации»²⁵⁵.

Понятие существенного изменения обстоятельств расширяется в Федеральном законе от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений», который фактически делит их на общие (т.е. такие, которые предусмотрены действующим гражданским законодательством) и специальные – прямо перечисленные в п. 7 ст. 18 указанного закона²⁵⁶. В частности, там указано, что к существенным изменениям обстоятельств относится невозможность исполнения

²⁵³ Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 25.07.2005, № 30 (ч. II), ст. 3127.

²⁵⁴ Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 18.

²⁵⁵ Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 05.01.2015, № 1 (часть I), ст. 26.

²⁵⁶ Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ, 01.03.1999, № 9, ст. 1096.

обязательств по осуществлению строительства, реконструкции объектов недвижимого имущества, которая возникла по следующим причинам:

—в связи с невозможностью предоставления земельного участка в соответствии с требованиями законодательства Российской Федерации, а также:

—в связи с наличием обременений земельного участка или расположенного на нем объекта недвижимого имущества правами третьих лиц, препятствующих строительству, реконструкции объекта недвижимого имущества.

Вместе с тем при детальном анализе приведенной нормы можно прийти к выводу о том, что на самом деле перечисленные обстоятельства относятся, скорее, не к существенному изменению обстоятельств, а должны быть квалифицированы как основания для расторжения договора в одностороннем порядке, предусмотренные законом.

К сожалению, на настоящий момент отсутствует судебная практика, анализ которой позволил бы сделать вывод о том, как суды применяют и толкуют указанную норму. Единичные судебные акты содержат только ссылку на указанную статью, что не дает оснований для формулирования каких-либо выводов о практике ее применения²⁵⁷.

Таким образом, фактически в рассмотренном нормативном акте происходит подмена понятия «существенного изменения обстоятельств» и оснований для расторжения договора.

Иной, нежели предусмотрен существующим гражданским законодательством, подход к определению существенного изменения обстоятельств предусмотрен Федеральным законом от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации»²⁵⁸. В частности, в соответствии со статьей 10 указанного нормативного акта предусмотрено, что к существенным изменениям обстоятельств относятся изменение сроков совершения

²⁵⁷ Постановление ФАС Московского округа от 16.12.2013 № Ф05-15509/2013 по делу № А40-123740/12 // СПС Консультант Плюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.12.2014 № Ф05-14763/2014 по делу № А40-187114/13 // СПС Консультант Плюс.

²⁵⁸ Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ, 02.12.1996, № 49, ст. 5491.

путешествия, непредвиденный рост транспортных тарифов, а также невозможность совершения туристом поездки по независящим от него обстоятельствам (болезнь туриста, отказ в выдаче визы и другие обстоятельства).

Полагаем, что такая особая трактовка существенного изменения обстоятельств в рассматриваемом нами законе оправдана и связана с необходимостью защиты прав потребителей. Далее в настоящей работе нами будет обосновано, что само применение института существенного изменения обстоятельств должно отличаться в зависимости от субъектного состава правоотношения.

Наконец, отсылку к институту существенного изменения обстоятельств можно найти также в актах и нормах, которые фактически относятся к нормам публичного права. Так, в соответствии с нормами ст. 201.1 Федерального закона от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве)²⁵⁹, финансирование процедуры банкротства застройщика может проходить за счет Фонда защиты прав граждан-участников долевого строительства, при этом предельный размер расходов, которые может понести Фонд, утверждаются судом. В п. 3 ст. 201.1 Закона о банкротстве такой предельный размер расходов может быть изменен в случае существенного изменения обстоятельств.

Вместе с тем в тексте Закона о банкротстве не указано, какие именно обстоятельства относятся к существенным, и должны ли они трактоваться в соответствии с положениями ГК РФ. Практика по указанному вопросу отсутствует.

Представляется, что в случае необходимости применения данной статьи судам следует осторожно относиться к вопросу о возможности учета существующей судебной практики относительно института существенного изменения обстоятельств. Так, например, на настоящий момент суды (что также будет более подробно рассмотрено нами далее) последовательно придерживаются точки зрения, в силу которой институт существенного изменения обстоятельств не может

²⁵⁹ Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ, 28.10.2002, № 43, ст. 4190.

применяться в случае экономического кризиса, изменения курса валют или возникновения иных ситуаций, дестабилизирующих экономику.

Тем не менее, на наш взгляд, такое толкование существенного изменения обстоятельств применительно к указанной норме может повлечь за собой изменение самого смысла приведенной статьи в процессе правоприменения, т.к. едва ли можно помыслить иную ситуацию, в которой может понадобиться применение лимита финансирования в случае банкротства застройщика.

Таким образом, очевидно, что понятие существенного изменения обстоятельств, как было уже неоднократно указано в настоящей работе, должно трактоваться применительно к конкретной ситуации и применительно к конкретной сфере применения. В рассмотренном нами случае очевидно, что применение существенного изменения обстоятельств в соответствии с подходами, которые уже сложились в судебной практике, может повлечь за собой установление *несправедливой* ситуации и значительным образом повлияет на тот эффект, который, полагаем, законодатель был намерен достичь, вводя указанную норму²⁶⁰. Это снова подтверждает наш тезис о том, что институт существенного изменения обстоятельств должен применяться, прежде всего, исходя из принципов справедливости, разумности и добросовестности; сложившиеся подходы судебной практики должны применяться постольку, поскольку это не противоречит смыслу конкретной нормы и не нарушает справедливость, и баланс интересов сторон в каждой конкретной ситуации.

Еще один аргумент в пользу того, что невозможно сформировать общую практику применения института существенного изменения обстоятельств состоит в том, что Гражданский Кодекс РФ содержит нормы, которые подлежат применению непосредственно к договорным отношениям сторон. Вместе с тем приведенная норма Закона о банкротстве регулирует публичные отношения.

²⁶⁰ См.: Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.12.2014 № Ф05-14763/2014 по делу № А40-187114/13 // СПС Консультант Плюс.

С точки зрения исследования оснований, которые могут признаваться существенным изменением обстоятельств, необходимо обратиться также к п. 2 ст. 46 Семейного Кодекса РФ²⁶¹, где, в частности, указано, что в случае, если должник заключит брачный договор, у кредиторов появляется право требовать изменения условий или расторжения заключенного между ними договора в связи с существенным изменением обстоятельств. При этом указанная статья содержит ссылки одновременно на статьи 451, 452 и 453 Гражданского кодекса РФ.

Применяя указанную норму, нужно иметь в виду несколько теоретических и практических аспектов, которые могут значительным образом повлиять на реализацию прав кредиторами супруга-должника.

Прежде всего в случае, если кредитор решит воспользоваться своим правом на изменение или расторжение договора, необходимо заявлять о намерении изменить или расторгнуть договор с должником, о чем свидетельствует сложившаяся на настоящий момент судебная практика и что следует, в частности, из Постановления Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2017 № 09АП-57924/2017 по делу № А40-203586/15²⁶².

С теоретической точки зрения также важны определенные особенности применения кредитором супруга-должника института существенного изменения обстоятельств, для анализа которых необходимо сначала обратиться к общим условиям применения статьи 451 ГК РФ.

В соответствии со статьей 451 ГК РФ существенное изменение обстоятельств может стать основанием для изменения или расторжения судом при наличии следующих условий:

—стороны, заключая договор, исходили из презумпции того, что такое изменение обстоятельств не произойдет;

—причины существенного изменения обстоятельств не могли быть преодолены заинтересованной стороной при той степени заботливости и

²⁶¹ Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 01.01.1996, № 1, ст. 16.

²⁶² Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2017 № 09АП-57924/2017 по делу № А40-203586/15 // СПС Консультант Плюс.

осмотрительности, которая требовалась от нее по характерам договора и условиям оборота;

—соотношение имущественных прав сторон при сохранении договора в силе настолько нарушило бы соответствующее договору соотношение имущественных интересов сторон и повлекло бы для заинтересованной стороны такой ущерб, что она в значительной степени лишилась бы того, на что была вправе рассчитывать при заключении договора;

—из существа договора, а также существующих обычаев не вытекает, что риски несет заинтересованная сторона.

Полагаем, что отсылка в п. 2 ст. 46 Семейного Кодекса РФ к статьям 451 - 453 ГК РФ не совсем корректна, т.к. в любом случае заключение брачного договора является волевыми действиями должника, а не неким событием, которое повлекло за собой существенное изменение обстоятельств и которое должник или сам кредитор может предотвратить (разве что должник мог бы не заключать брачный договор, но такое толкование, на наш взгляд, противоречит смыслу статьи 451 ГК РФ), или наступление которого стороны не ожидали в момент заключения договора (в таком случае мы должны были бы допустить ситуацию насилия над личностью должника и заключения брачного договора под принуждением, что, очевидно, также противоречит смыслу статьи 451 ГК РФ).

Заключение брачного договора, в отличие от существенного изменения обстоятельств, не является чем-то непредвиденным для обеих сторон правоотношения, только для кредитора²⁶³. Отсылка к основаниям возникновения существенного изменения обстоятельств, следовательно, является некорректной с точки зрения системности применения рассматриваемого института.

Таким образом, с точки зрения формулирования действующего законодательства и улучшения существующих конструкций, следует делать отсылку непосредственно к последствиям наступления существенного изменения

²⁶³ См.: Фролов А.И. Существенное изменение обстоятельств как основание изменения и расторжения договора: признаки и условия реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия: право. Том 11. – № 1. – 2015. – С. 81-90.

обстоятельств, а не к нормам, устанавливающим условия применения рассматриваемого института. В приведенной выше статье 46 Семейного Кодекса РФ должна быть сделана отсылка к пунктам 1, 3 и 4 статьи 451 Гражданского Кодекса РФ, а не статьям 451 – 453 Гражданского Кодекса РФ в целом.

Вместе с тем следует отметить, что в научной литературе такая ссылка рассматривается как несомненно положительная, имеющая большое значение в целом для оборота²⁶⁴. Несмотря на то, что автор согласен с мнением о том, что отсылка к институту существенного изменения обстоятельств является положительным явлением для гражданского оборота, т.к. может позволить предотвратить ряд злоупотреблений со стороны недобросовестных должников, тем не менее, с теоретической точки зрения отсылка в рассматриваемой статье должна быть ограничена исключительно нормами, предусматривающими последствия института существенного изменения обстоятельств.

Также полагаем необходимым акцентировать внимание на том, что, несмотря на ссылку в статье 46 Семейного Кодекса РФ непосредственно на брачный договор, учитывая разнообразие соглашений, которые могут изменять имущественный статус супругов, рассматриваемое условие подлежит применению ко всем соглашениям подобного рода.

Что касается оснований для применения института существенного изменения обстоятельств, отметим, что они значительным образом разнятся в английском и российском праве, хотя существующие и уже рассмотренные нами в рамках второй главы подходы могли бы со значительным успехом использоваться и внедряться в российское законодательство (и первостепенный из них – это применение института существенного изменения обстоятельств в соответствии с принципом справедливости)²⁶⁵.

²⁶⁴ Соменков С. А. Там же.

²⁶⁵ См.: Петрова Д. С. Последующее изменение обстановки и его влияние на договорные обязательства в российском праве: политико-правовой анализ и актуальные проблемы правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 5. – С. 72-122.

Так, например, под категорию «существенного изменения обстоятельств» в российском законодательстве и практике не попадает издание актов государственной властью и местным самоуправлением. В соответствии со статьей 417 ГК РФ, как мы указывали ранее, если обязательство невозможно исполнить полностью или частично в результате издания органа государственной власти или органа местного самоуправления, обязательство подлежит прекращению соответственно полностью или в части.

Напротив, в английском праве такое основание признается существенным изменением обстоятельств и позволяет судам признавать недействительным договор на этом основании²⁶⁶.

Полагаем, что, учитывая опыт пандемии, необходимо рассматривать принятие органом государственной власти или местного самоуправления соответствующих актов как существенное изменение обстоятельств, которое могло повлиять на отношения сторон, в том числе ограничительные меры властей, и применять статью 417 Гражданского Кодекса РФ только в случаях длительной объективной невозможности исполнения.

Признание актов органов государственной власти и местного самоуправления изменением законодательства повлекло бы за собой возможность пересмотра, изменения судом договорных отношений сторон, в том числе возможность снижения арендной платы на определенный период и иных обстоятельств. Вмешательство судом в отношения сторон возможно только в соответствии со статьей 451 ГК РФ, но не статьей 417 ГК РФ, которая предусматривает в качестве единственного последствия прекращения обязательств сторон.

Как мы уже указали, с точки зрения применения статей 451 ГК РФ и 417 ГК РФ суду необходимо установить, сохранилась ли возможность исполнения

²⁶⁶ См.: Бергер К.П., Арнц Т. Принцип добросовестности в английском коммерческом договорном праве. Обзор актуальной английской судебной практики // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 234-269.

обязательства. Полагаем, что при наличии малейшей возможности исполнения обязательств должна применяться статья 451 ГК РФ.

Особенно важно это в ситуации, когда неизвестно, на какой срок вводятся очередные ограничения и носят ли они устранимый характер или нет. Также необходимо учитывать, какие конкретно ограничения принимались, и какое воздействие они имели на возможность исполнения обязательств контрагентом.

Так, в течение 2020 года ограничительные меры в г. Москве продлевались несколько раз. К числу актов, которые накладывали ограничительные меры, в том числе направленные на необходимость обеспечения санитарно-эпидемиологических норм для сдерживания распространения коронавирусной инфекции, относятся:

— Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ²⁶⁷;

— Указ Мэра Москвы от 08.06.2020 № 68-УМ²⁶⁸;

— Указ Мэра Москвы от 12.06.2021 № 29-УМ²⁶⁹;

— Указ Мэра Москвы от 18.06.2021 № 32-УМ²⁷⁰

и другие.

Когда принимались новые ограничения, ситуация с распространением коронавирусной инфекции находилась вне контроля какой-либо из сторон. Вместе с тем в соответствии с разъяснениями, которые содержатся в разделе II Обзора по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (далее – Обзор), сторона может быть освобождена от ответственности за нарушение обязательств в период, когда обстоятельства непреодолимой силы продолжали

²⁶⁷ Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 № 12-УМ // СПС Консультант Плюс.

²⁶⁸ Указ Мэра Москвы от 08.06.2020 № 68-УМ // СПС Консультант Плюс.

²⁶⁹ Указ Мэра Москвы от 12.06.2021 № 29-УМ // СПС Консультант Плюс.

²⁷⁰ Указ Мэра Москвы от 18.06.2021 № 32-УМ // СПС Консультант Плюс.

действовать, однако действие таких обстоятельств не позволяют суду вмешаться в договорные отношения сторон и изменить условия договора²⁷¹.

Необходимо помнить о том, что в качестве последствия предусматривается именно освобождение от ответственности, а не применение других последствий. Вместе с тем в определенных условиях необходимо применение иных, специальных норм наступления существенного изменения обстоятельств. В частности, с точки зрения исполнения договора строительного подряда непонятно, какие последствия должны быть применены с точки зрения сроков и стоимости производства работ. Одного освобождения от ответственности в такой ситуации недостаточно для того, чтобы должным образом распределить риски наступления событий между сторонами. Именно поэтому мы полагаем, что вмешательство суда в договорные отношения сторон в результате применения института существенного изменения обстоятельств может стать путем выхода сторон из конфликта.

Рассматривая подобные ситуации, необходимо, на наш взгляд, учитывать также то обстоятельство, что несмотря на освобождение от ответственности для сторон может быть обременительным исполнять обязательства на прежних условиях.

Таким образом, признание актов органов государственной власти и местного самоуправления существенным изменением обстоятельств позволило бы суду вмешиваться в договорные отношения сторон посредством его изменения. Однако для того, чтобы оправдать необходимость такого вмешательства, нужно определить границы применения статьи 417 и статьи 451 Гражданского Кодекса РФ. События 2020 года наглядно продемонстрировали, что необходимо предусмотреть пресекательный срок, по истечению которого существенное изменение обстоятельств и временная невозможность исполнения станет уже абсолютной невозможностью исполнения и, как следствие, повлечет за собой

²⁷¹ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ, № 5, май, 2020.

необходимость применения статьи 417 Гражданского Кодекса РФ. На наш взгляд, можно законодательно предусмотреть пресекательный шестимесячный срок, который может быть изменен сторонами в договоре.

Полагаем, что такие меры были бы более благоприятными для бизнеса и практики, чем, например, законодательное понуждение к предоставлению отсрочки в исполнении обязательств по уплате арендных платежей, предусмотренное Федеральным законом от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций»²⁷².

Отметим, что в научной литературе отмечается существование коллизии между статьями 422 и 451 Гражданского Кодекса РФ. Напомним, что статья 422 Гражданского Кодекса РФ регулирует соотношение договора и закона и устанавливает последствия изменения закона, которые имели место после заключения сторонами договора.

Так, например, на отсутствие устоявшейся судебной практики по вопросу соотношения рассматриваемых статей указывает Е.В. Позднышева²⁷³.

Фалилеев О.О. указывает на наличие противоречия в указанных выше статьях и предлагает различать юридические и экономические последствия изменения законодательства для отношений сторон²⁷⁴. По его мнению, в случае, если имели место юридические последствия – подлежит применению статья 422 Гражданского Кодекса РФ, а в случае возникновения экономических последствий – статья 451 Гражданского Кодекса РФ.

Вместе с тем, как и в случае сравнения статей 417 и 451 Гражданского Кодекса РФ, нельзя не учитывать различие последствий применения

²⁷² Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Собрание законодательства РФ, 06.04.2020, № 14 (часть I), ст. 2028.

²⁷³ См. подробнее Позднышева Е.В. Расторжение и изменение гражданско-правового договора: монография. М.: ИЗиСП, 2018. 232 с.

²⁷⁴ О.О. Фалилеев. Существенное изменение обстоятельств, связанное с изменением законодательства // ИСОМ. 2014. № 6-2.

рассматриваемых статей: так, статья 451 Гражданского Кодекса РФ подразумевает, во-первых, возможность сохранения договора в силе, во-вторых – распределение судом последствий прекращения договора, учитывая при этом необходимость справедливого распределения между сторонами расходов, которые они понесли в связи с неисполнением договора²⁷⁵. Подробнее последствия применения института существенного изменения обстоятельств будут рассмотрены во втором параграфе.

Вместе с тем в отношении статьи 422 Гражданского Кодекса РФ такие последствия не предусмотрены; в пункте 2 указанной статьи упоминается только о том, что в случае, если изменение закона произошло после того, как стороны заключили договор, к отношениям сторон применяется старый закон постольку, поскольку новый закон не предусматривает иное.

Что касается остальных оснований применения доктрины *frustration* в соответствии с английским правом, полагаем, что все они применяются в связи с отсутствием разграничения невозможности исполнения и существенного изменения обстоятельств, которое существует на настоящий момент в российской правовой системе. Так, например, физическая невозможность исполнения, рассмотренная нами во второй главе настоящего исследования, которая также входит в понятие *frustration* в соответствии с английским правом, включает в себя как смерть одной из сторон (что является основанием для прекращения обязательства в соответствии со статьей 418 ГК РФ), так и изменение конъюнктуры рынка и последующее отпадение поставщика (исчезновение источника товара – т.е. обстоятельство, которое, в свою очередь, может быть расценено в качестве существенного изменения обстоятельств в соответствии с российским правом).

Выше мы рассматривали значимость принципов гражданского права для применения института существенного изменения обстоятельств. Напомним, что мы пришли к выводу о единстве и взаимосвязи принципов добросовестности, справедливости и обязательности договоров (*pacta sunt servanda*) для применения доктрины существенного изменения обстоятельств. Именно соотношение всех

²⁷⁵ Там же.

этих принципов позволяет обеспечить применение института существенного изменения обстоятельств.

К этому вопросу мы полагаем необходимым вернуться в связи с тем, что в отечественном законодательстве существует несколько отсылок к таким оценочным категориям: так, диспозиция статьи 451 ГК РФ предполагает, что участник оборота будет достаточно добросовестен, чтобы предпринять все зависящие от него меры для преодоления причин существенного изменения обстоятельств, а также ссылается, фактически, на принцип справедливости, соблюдение которого не позволяет оставлять существование договора в силе в ситуации, когда новое положение сторон, возникшее в результате существенного изменения обстоятельств, нарушает баланс их интересов и ставит одну из них в заведомо невыгодное положение.

Следует отметить, что вопрос о соотношении принципа святости договора (*pacta sunt servanda*) и доктрины существенного изменения обстоятельств (*rebus sic stantibus*) подробно рассматривался в отечественной научной литературе. Можно утверждать, что общепринятым на настоящий момент мнением является вывод о том, что они не противоречат друг другу, а, наоборот, объективно вытекают друг из друга: институт существенного изменения обстоятельств защищает интерес участника оборота именно тем, что обязывает его исполнить принятое на себя обязательство, а не измененное, вновь возникшее под влиянием обстоятельств, за которые ни одна из сторон не отвечает.

Так, например, Н.В. Козлова и А.А. Ягельницкий рассматривают *clausula rebus sic stantibus* как логическое продолжение принципа *pacta sunt servanda*²⁷⁶, а А.И. Фролов – как дополнение этого принципа²⁷⁷.

Полагаем, что в таком виде подход представляется не законченным, т.к. он не позволяет ответить на вопрос о том, **в какой мере** *clausula rebus sic stantibus*

²⁷⁶ Н.В. Козлова, А.А. Ягельницкий. Расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. № 3. 2010 г. С. 35-51.

²⁷⁷ А.И. Фролов. Существенное изменение обстоятельств как основание изменения и расторжения договора: признаки и условия реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: право. Том 11. № 1. 2015 г. С. 81-90.

может воздействовать на принцип *pacta sunt servanda*. Фактически существование этого принципа является ответом на вопрос о том, может ли быть поколеблена святость договора и может ли должник не исполнять обязательство при наступлении определенных обстоятельств.

Здесь, полагаем, и подлежат применению принципы добросовестности и справедливости, которые заложены в диспозиции регулирования статьи 451 ГК РФ. Именно они помогают определить, в какой степени такое воздействие может проявляться и при каких условиях. Иными словами,

—до тех пор, пока соблюден принцип объективной и субъективной добросовестности, а также,

—соблюден баланс интересов сторон, который может быть признан справедливым,

институт существенного изменения обстоятельств не подлежит применению.

В случае, если нарушается хотя бы один из этих принципов (например, в результате наступления существенного изменения обстоятельств баланс интересов нарушен, но сторона не предприняла все зависящие от него действия для предотвращения причин нарушения, или существенное изменение обстоятельств нарушило установленный при заключении договора баланс интересов незначительно, вне зависимости от того, были ли предприняты соответствующие действия ответственной стороной), институт существенного изменения обстоятельств не подлежит применению²⁷⁸.

С точки зрения такого анализа, основанного на применении основополагающих принципов гражданского права, диспозиция статьи 451 ГК РФ представляется законченной и отвечающей потребностям оборота. Однако это не означает, что заложенный там механизм ее применения может быть признан идеальным.

²⁷⁸ См.: Н.В. Козлова, А.А. Ягельницкий. Расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. № 3. 2010 г. С. 35-51.

Нельзя не учитывать тот факт, что и принцип справедливости, и принцип добросовестности являются оценочными и могут применяться по-разному даже в случае применения статьи 451 Гражданского Кодекса РФ. Приведенный тезис будет подробнее раскрыт ниже в рамках настоящего параграфа.

Кроме того, несмотря на то, что **само определение добросовестности** является оценочным, важно еще определить, какой именно критерий добросовестности может быть применен в том или ином случае – иными словами, мы используем объективную или субъективную добросовестность.

В соответствии с абзацем 2 пункта 1 статьи 451 ГК РФ изменение обстоятельств признается существенным только в том случае, если оно изменилось настолько, что, если бы стороны могли его разумно предвидеть, они не заключали бы договор или заключали бы его совершенно на иных условиях.

При этом есть ряд событий, которые судебная практика не признает существенным изменением обстоятельств, а именно:

—инфляция, т.к. она является объективным процессом и для того, чтобы предвидеть ее возникновение, не нужно обладать какими-либо специальными знаниями²⁷⁹;

—финансовый кризис, т.к. является объективным и затрагивает всех хозяйствующих субъектов²⁸⁰;

—изменение курса валют. Обосновывается такая позиция тем, что в соответствии с действующим законодательством курс валюты по отношению к рублю постоянно меняется (обязанность публиковать курс иностранных валют возложена на Центральный Банк Российской Федерации в соответствии с Федеральным законом от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)»²⁸¹, Приказ Банка России от 31.12.1998 № ОД-643 «О

²⁷⁹ Указанный подход закреплён в Постановлении Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 № 1074/10 по делу № А40-90259/08-28-767 // СПС Консультант Плюс.

²⁸⁰ Постановление Президиума ВАС РФ от 07.08.2001 № 4876/01 // СПС Консультант Плюс.

²⁸¹ Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ, 15.07.2002, № 28, ст. 2790.

порядке установления Центральным банком Российской Федерации официальных курсов иностранных валют к рублю»²⁸²), и, заключая долгосрочный договор, стоимость которого закреплена в валюте, стороны должны были предвидеть возможность его резкого увеличения или уменьшения. Указанная позиция была выражена как в практике Конституционного²⁸³, так и Верховного Суда РФ²⁸⁴;

—изменение обстоятельств, которое произошло по воле сторон договора. Так, например, в деле № А43-6866/2015 суды установили, что распоряжение о прекращении права пользования было издано на основании обращения стороны договора, и, таким образом, не может быть признано существенным²⁸⁵. Изменение видов деятельности юридического лица также находится в зоне контроля контрагента по договору, следовательно, не может быть признано существенным изменением обстоятельств²⁸⁶;

—изменение законодательства, если оно не имеет ретроспективное действие и не подлежит применению к действующему между сторонами договору²⁸⁷.

Отметим, что в научной литературе можно встретить также и противоположную точку зрения. Так, например, К.В. Нам указывает на то, что институт существенного изменения обстоятельств должен применяться и в целом

²⁸² Приказ Банка России от 31.12.1998 № ОД-643 «О порядке установления Центральным банком Российской Федерации официальных курсов иностранных валют к рублю» // Вестник Банка России, № 1, 12.01.1999.

²⁸³ Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 № 1019-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кравченко Андрея Анатольевича и Кравченко Надежды Михайловны на нарушение их конституционных прав статьей 451 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

²⁸⁴ См. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.08.2016. № 57-КГ16-7 // СПС Консультант Плюс; Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.09.2016 № 18-КГ16-102 // СПС Консультант Плюс.

²⁸⁵ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.04.2016 № Ф01-1156/2016 по делу № А43-6866/2015 // СПС Консультант Плюс.

²⁸⁶ Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.11.2016 № Ф08-8358/2016 по делу № А32-4133/2016 // СПС Консультант Плюс.

²⁸⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.07.2016 № Ф05-10080/2016 по делу № А41-54476/14 // СПС Консультант Плюс.

существует как раз для случаев изменения конъюнктуры рынка²⁸⁸. В частности, по мнению автора, если субъект оборота строил свой бизнес исходя из одних вводных данных, в частности – экономического состояния, и в дальнейшем ситуация изменилась, то в силу различных причин такое изменение должно признаваться существенным изменением обстоятельств.

Полагаем, что в связи с приведенным тезисом К.В. Нама возникает ряд вопросов, вытекающих отсюда, а именно:

—как соотносится этот тезис с принципом объективной добросовестности, в основе которого лежит критерий стандартного, добросовестного участника оборота, который, осуществляя экономическую деятельность, должен предвидеть подобного рода последствия. Для того, чтобы применять критерий субъективной добросовестности в предпринимательских отношениях, необходимо привести достаточно веские основания;

—следует ли проводить разграничение в отношении предпринимателей и граждан в случае, если для предпринимателей мы признаем необходимым применять критерий объективной добросовестности.

С точки зрения сравнительно-правового анализа отметим, что, как уже было указано выше, и международная практика, и практика английских судов исходит из понимания объективной добросовестности, т.е. для формирования представления о том, является ли такое изменение обстоятельств предвиденным или нет, оно использует понятие «среднего разумного участника оборота». Таким образом, на настоящий момент стандартом является некоторый «усредненный критерий».

В этой связи возникает вопрос о том, возможно ли применять один и тот же стандарт добросовестности к гражданину, который кредитуются в банке, и к юридическому лицу или корпорации, осуществляющей предпринимательскую деятельность? Полагаем, что на настоящий момент ответ на этот вопрос неоднозначный, и требует дополнительного осмысления и анализа.

²⁸⁸ Нам К.В. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств // Вестник гражданского права. 2019. № 6. С. 137 - 154.

Отметим, что в научной литературе уже высказывались идеи о том, что помимо того, что все субъекты оборота имеют разное восприятие, кроме того, даже профессиональные участники рынка могут по-разному оценивать вероятность наступления событий, потому что будут основываться на собственном опыте и практике, а не на профессиональном анализе рисков. В частности, Н.Е. Сосипатрова, А.А. Мосеев указывают на то, что хозяйствующие субъекты склонны к эвристическому поиску истины и анализу данных, в связи с чем могут возникнуть практические проблемы²⁸⁹.

Судебная практика в целях применения статьи 451 ГК РФ не проводит разграничений между предпринимателями и обывателями. Так, например, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.09.2016 № 18-КГ16-102²⁹⁰ и Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.08.2016 № 57-КГ16-7²⁹¹ суд счел невозможным применение статьи 451 ГК РФ к кредитному договору в ситуации изменения курса валют.

Полагаем, что такой подход является неверным, а в основу оценки возможности предвидения обстоятельств должен быть положен субъективный, а не объективный критерий добросовестности. Это означает, что фактически необходимо провести разграничение между гражданами и предпринимателями, т.к. эти участники оборота обладают разными знаниями и способностями предвидеть возможность существенного изменения обстоятельств.

Кроме того, зачастую в отношениях, требующих применения статьи 451 ГК РФ, должник является слабым, менее защищенным субъектом по отношению к своему контрагенту – профессиональному участнику рынка, например, кредитной организации.

²⁸⁹ Н.Е. Сосипатрова, А.А. Мосеев. Непредвиденность изменения обстоятельств как критерий расторжения договора на основании ст. 451 ГК РФ // Вопросы современной юриспруденции. 2015. №10-11 (50).

²⁹⁰ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.09.2016 № 18-КГ16-102 // СПС Консультант Плюс.

²⁹¹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.08.2016 № 57-КГ16-7 // СПС Консультант Плюс.

Отсюда можно сделать вывод о том, что необходимость применения субъективного критерия добросовестности обосновывается одновременно двумя доводами, к которым относятся:

—необходимостью учета опыта субъектов гражданского оборота и их заведомой способности предвидеть возможность изменения обстоятельств;

—необходимостью защиты слабой стороны в договоре по отношению к более сильному и финансово устойчивому субъекту гражданского оборота.

Несмотря на то, что возможность применения статьи 451 Гражданского Кодекса РФ и изменения их условий в рассматриваемой нами ситуации к кредитным договорам, заключенным кредитной организацией с физическим лицом, признается некоторыми судами возможной (в частности, в Определении от 09.02.2016 № 44Г-77/2016 Краснодарский краевой суд признал необходимой реструктуризацию кредитного договора в связи с резким изменением курса валют и увольнением заемщика в рассматриваемый период ²⁹²), тем не менее, подавляющее большинство судебных актов свидетельствуют об обратном подходе судов. В качестве примера можно привести такие судебные акты, как Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.08.2017 № 33-18104/2017 ²⁹³, Апелляционное определение Воронежского областного суда от 13.07.2017 по делу № 33-5439/2017 ²⁹⁴ и иные судебные акты ²⁹⁵.

Таким образом, учитывая наличие устоявшегося на настоящий момент подхода к определению возможности субъектов отношений предвидеть существенное изменение обстоятельств, полагаем необходимым законодательно закрепить подход, позволяющий применение именно критерия субъективной

²⁹² Определение Краснодарского краевого суда № 44Г-77/2016 от 09.02.2016 // СПС Консультант Плюс.

²⁹³ Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.08.2017 № 33-18104/2017 // СПС Консультант Плюс.

²⁹⁴ Апелляционное определение Воронежского областного суда от 13.07.2017 по делу № 33-5439/2017 // СПС Консультант Плюс.

²⁹⁵ См. также Апелляционное определение Московского городского суда от 20.03.2017 по делу № 33-9956/2017 // СПС Консультант Плюс; Апелляционное определение Московского городского суда от 20.08.2019 по делу № 33-37183/2019 // СПС Консультант Плюс.

добросовестности в отношении граждан – физических лиц в случае необходимости применения статьи 451 Гражданского Кодекса РФ.

В этой связи возникает вопрос о том, должен ли критерий субъективной добросовестности применяться по отношению к субъектам предпринимательской деятельности для целей применения статьи 451 Гражданского Кодекса РФ²⁹⁶. Иными словами, должен ли суд учитывать индивидуальные особенности субъектов предпринимательской деятельности в случаях необходимости применения статьи 451 Гражданского Кодекса РФ.

Полагаем, что в такой ситуации критерий субъективной добросовестности не подлежит применению, т.к. он приведет к нарушению баланса справедливости сторон: в таком случае к одним и тем же субъектам будет применяться разный критерий добросовестности без должного политико-правового обоснования. Учитывая, что предпринимательская деятельность – это деятельность, осуществляемая на свой риск, то и субъекты предпринимательской деятельности должны принимать и нести риск всех экономических последствий.

В связи с изложенным выше, в целях учета интересов граждан-физических лиц необходимо внести изменения в пункт 1 статьи 451 Гражданского Кодекса РФ, дополнив его третьим абзацем следующего содержания: *«В случае, если хотя бы один из участников договора является гражданином – физическое лицо, при определении возможности предвидеть изменение обстоятельств необходимо учитывать способность граждан осуществлять прогнозирование и принимать во внимание возможные экономические риски и иные обстоятельства, имеющие значение для исполнения договора»*.

Полагаем, что соответствующая формулировка позволит переломить существующую судебную практику и защитить граждан от неблагоприятных последствий существенного изменения обстоятельств.

С точки зрения применения института существенного изменения обстоятельств в российском праве также дискуссионным является вопрос о том,

²⁹⁶ См.: Нам К.В. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 88-103.

должно ли неведение сторон относительно наступления обстоятельств быть объективным или субъективным. Полагаем, что с точки зрения как теории, так и практики необходимо разделять категории субъективного и объективного неведения.

Полагаем, что разделение неведения сторон на субъективное и объективное неведение очень важно с точки зрения применения статьи 451 ГК РФ и обеспечения разумного баланса интереса сторон. Вопрос о том, к какому типу неведения можно отнести обстоятельства, которые предусмотрены сторонами – к объективному или субъективному – позволит установить, должны ли обстоятельства, которые существуют на момент заключения договора действительно отсутствуют (объективное неведение) или же обстоятельства должны быть неизвестны сторонам (субъективное неведение).

Напомним, что в соответствии со статьей 451 ГК РФ существенным признается изменение обстоятельств, которое имело место после заключения сторонами договора.

В соответствии с правовой позицией высшей судебной инстанции, высказанной ей в отношении практики применения рассматриваемой нами нормы, для того, чтобы установить возможность применения института существенного изменения обстоятельств, суду необходимо исследовать следующие вопросы:

- наличие существенного изменения обстоятельств;
- время наступления существенного изменения обстоятельств;
- возможность разумно это предвидеть²⁹⁷.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что, учитывая отмеченную Верховным Судом РФ необходимость установить время наступления существенного изменения обстоятельств в случае, если рассматриваемые обстоятельства существовали на момент заключения договора, статья 451 ГК РФ не подлежит применению.

²⁹⁷ Определение Верховного Суда РФ от 30.07.2013 № 18-КГ13-70 // СПС Консультант Плюс.

Указанный вывод подтверждается также правовой позицией, которая содержится в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 48-КГ21-6-К7, 2-408/2020²⁹⁸. В частности, суд указал, что «...обстоятельствами, влекущими возникновение у стороны права требовать досрочного расторжения договора, следует считать конкретные факты, **наступление которых стороны не могли предвидеть при заключении договора**, то есть не зависящие от их воли и усмотрения» (выд. нами). Таким образом, из приведенного определения также можно сделать вывод о том, что суд такие обстоятельства и факты рассматривает как те, которые объективно не существовали в момент заключения договора.

Вместе с тем полагаем, что такая позиция противоречит самой формулировке нормы, которая предусмотрена в пункте 1 статьи 451 ГК РФ. Напомним, что в указанной статье идет речь о «**существенном изменении обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора**» (выд. нами). Буквальное толкование указанной нормы позволяет сделать вывод о том, что стороны могут и не знать о существовании каких-либо конкретных обстоятельств, т.е. объективно в них заблуждаться на момент существования договора и исходить из того, что на самом деле обстоятельства в момент заключения договора были совершенно иные.

Однако, если принять соответствующий подход к определению существенного изменения обстоятельств, могут возникнуть следующие правовые проблемы, требующие дополнительного обсуждения и теоретической проработки:

—во-первых, если оборот будет исходить из того, что стороны могли добросовестно заблуждаться о существовании тех или иных обстоятельств, каким образом в дальнейшем подлежит факт доказывания добросовестного заблуждения?

—во-вторых, равным образом ли это правило должно относиться к субъектам предпринимательской деятельности и к физическим лицам?

²⁹⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 48-КГ21-6-К7, 2-408/2020 // СПС Консультант Плюс.

Полагаем, что рассматривать поставленные проблемы необходимо с исследования вопроса о том, можно ли применять равный подход в определении неведения к субъектам предпринимательской деятельности и к физическим лицам.

Выше мы уже говорили о том, что к субъектам предпринимательской деятельности и физическим лицам должны применяться разные подходы. Мы указывали, что в последнем случае необходимо учитывать разные подходы граждан к возможности предвидеть наступление событий в будущем, учитывая их индивидуальные особенности. В то время как в отношении лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, полагаем, необходимо применять иной стандарт.

Такой же подход необходимо применять при решении вопроса о возможности сторон учитывать существующие на момент заключения договора обстоятельства. Мы считаем, что в отношении субъектов предпринимательской деятельности должен действовать принцип объективного неведения: им должна вменяться обязанность проверить обстоятельства и убедиться в их существовании и (или) отсутствии прежде, чем заключать договор.

Учитывая, что предприниматели – это лица, которые осуществляют предпринимательскую деятельность на свой страх и риск, к ним должны применяться соответствующие стандарты добросовестного и разумного поведения, которые, в том числе подразумевают их способность не только оценивать обстоятельства, но и своевременно получать информацию об их существовании²⁹⁹.

Напротив, иной подход должен быть использован в отношении физических лиц: суд должен исследовать вопрос о том, могло ли лицо, в силу своих особенностей, к которым относится пол, возраст, профессиональная деятельность, место жительства и иные, учитывать и знать об обстоятельствах, существовавших в момент заключения договора³⁰⁰.

²⁹⁹ См.: Орлов Г.Н. О понятии «существо договора» в Гражданском кодексе Российской Федерации и его применении в формировании договорных связей субъектов предпринимательской деятельности // Российский судья. 2020. – № 7. – С. 22-29.

³⁰⁰ Там же.

Таким образом, при решении вопроса о применении статьи 451 ГК РФ к договорам, хотя бы одной из сторон которого выступает физическое лицо, необходимо учитывать не только способность прогнозировать наступление тех или иных обстоятельств после заключения договора, но также и знать об объективно существующих обстоятельствах на момент его заключения.

В этой связи полагаем необходимым дополнить статью 451 ГК РФ абзацем четыре следующего содержания: *«Презюмируется, что субъекты предпринимательской деятельности осведомлены об обстоятельствах, существующих на момент заключения договора. В случае, если стороной договора является физическое лицо, необходимо установить, могло ли лицо знать об обстоятельствах, которые объективно существовали на момент заключения договора, но не были учтены стороной (сторонами) при его заключении».*

Полагаем, что именно такой подход позволит установить объективный баланс интересов сторон и позволит установить разный режим регулирования для субъектов предпринимательской деятельности и физических лиц.

Стоит отметить, как в случае принятия критерия субъективного неведения участников отношений будут соотноситься ст. 178 ГК РФ и ст. 451 ГК РФ. Ст. 178 ГК РФ предполагает одностороннюю ошибку, когда одна сторона заблуждалась относительно какого-либо обстоятельства, а вторая – нет, в то время как для применения ст. 451 ГК РФ обе стороны должны находиться в субъективном неведении. Это подтверждает и п. 5 ст. 178 ГК РФ, который указывает, что в случае, если вторая сторона сделки не должна была быть осведомлена о заблуждении, суд вправе отказать в удовлетворении иска. Также в качестве критерия разграничения выступает характер неведения, ст. 178 ГК РФ предполагает существенное заблуждение об элементах совершаемой сделки³⁰¹, в то время как ст. 451 ГК РФ предполагает неведение в отношении изменения обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора.

³⁰¹ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 марта 2016 г. № Ф05-1751/16 по делу № А41-19152/2015 // СПС Консультант Плюс.

В целом баланс интересов сторон является значимым обстоятельством для применения статьи 451 ГК РФ. Мы полагаем, что суду, который столкнется с необходимостью ее применения, необходимо также учитывать следующие обстоятельства:

—во-первых, могла ли сторона, которая заявила о необходимости применения статьи 451 ГК РФ, объективно застраховаться от наступления такого риска или позволяет ли деятельность одной из сторон договора говорить о наличии такого «внутреннего» страхования;

—во-вторых, насколько положение сторон изменилось в связи с существенным изменением обстоятельств в ситуации, когда одна из сторон является субъектом предпринимательской деятельности;

—в-третьих, если суд намерен изменить условия договора – что должен исследовать суд и какие факторы он должен учесть.

Что касается первого обстоятельства о наличии страхования от наступления риска – речь идет не только о страховании в прямом смысле этого слова с применением института страхования³⁰². Сюда также следует относить любые действия, которые стороны могли совершить для того, чтобы неисполнение другой стороной обязательства не повлияло на возможность исполнения договора.

Наиболее наглядно ситуацию можно продемонстрировать на примере кредитования. Так, в ситуации роста курса валюты банку придется выплачивать фактически большой процент, однако это обстоятельство значительным образом перекрывается выданными в валюте кредитами, процент по которому также увеличится. Это и есть внутреннее страхование, которое позволяет субъекту предпринимательской деятельности в ситуации существенного изменения обстоятельств не претерпевать значительные последствия наступления события.

Также следует учитывать определенные особенности местности и конкретного обязательства, например, для одной местности аномальная жара – это

³⁰² См.: Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Очхаев Тимур Геннадьевич – М., 2015. – 249 с.

совершенно обыденные погодные условия, которые необходимо учитывать, а для другой – непредвиденное обстоятельство, которое необходимо учитывать. Другой случай – для одной местности строительная площадка может находиться в значительном удалении от источника электричества, необходимого подрядчику для исполнения обязательств, и в таком случае разумный и добросовестный подрядчик должен предусмотреть возможность перебоев с электроэнергией и обеспечить резервное электроснабжение даже в случае, если долгое время перебоев не было. Для иной местности такая ситуация может стать обстоятельством непредвиденным – тем риском, от которого подрядчик не мог застраховаться³⁰³.

На основании проанализированных в настоящем параграфе проблем можно сделать следующие выводы.

Институт существенного изменения обстоятельств появился в законодательстве Российской Федерации только в конце XX века, что, в свою очередь, обуславливает отсутствие большого количества теоретических разработок по указанному вопросу, а также противоречивость судебной практики.

На основании анализа всех нормативных актов, которые на настоящий момент регулируют институт существенного изменения обстоятельств, можно выделить общий и специальные акты. Общий акт – это Гражданский Кодекс РФ, в частности, статья 451 Гражданского Кодекса РФ. Специальные акты – это любые акты, в которых упоминается институт существенного изменения обстоятельств либо путем отсылки к указанной выше статье, либо путем конкретизации условий его применения. Среди специальных актов есть акты как частного, так и публичного права. В параграфе было обосновано, почему следует изменить статью 42 Семейного Кодекса РФ и оставить в ней исключительно отсылку на пункты 1, 3 и 4 статьи 451 Гражданского Кодекса РФ.

Также было проанализировано соотношение статей 417 и 451 Гражданского Кодекса РФ. Автор пришел к выводу о том, что применение института существенного изменения обстоятельств больше отвечает интересам сторон и

³⁰³ Там же.

оборота, нежели применение статьи 417 Гражданского Кодекса РФ. Для разграничения применения указанных статей, учитывая последствия их применения, необходимо законодательно установить пресекательный срок действия нормативного акта, повлиявшего на возможность сторон исполнять обязательство. Автором был предложен шестимесячный пресекательный срок, после которого применение статьи 451 Гражданского Кодекса РФ невозможно.

В настоящем параграфе была также рассмотрена взаимосвязь между институтом существенного изменения обстоятельств *clausula rebus sic stantibus* и *pacta sunt servanda* с точки зрения применения отечественного законодательства. Автор пришел к выводу о том, что *clausula rebus sic stantibus* и институт существенного изменения обстоятельств являются логичным следствием и продолжением *pacta sunt servanda*.

На основании анализа действующих нормативных актов, в которых упоминается или раскрывается институт существенного изменения обстоятельств, автором был сделан вывод о том, что понятие «существенного изменения обстоятельств» не является единым применительно ко всей системе отечественного законодательства. В частности, это выражается в том, что в публичном праве институт существенного изменения обстоятельств должен пониматься иначе, нежели в частном праве; он имеет разное содержание и разную направленность. Именно поэтому, применяя статью 451 Гражданского кодекса РФ, необходимо учитывать особенности правоотношений. Вместе с тем, учитывая общеправовой характер, принципы справедливости, разумности и добросовестности подлежат применению как к существенному изменению обстоятельств в частно-правовом понимании, так и публично-правовом понимании.

Наконец, автор сделал предложение разделять основания применения статьи 451 Гражданского Кодекса РФ и установить различные стандарты доказывания в отношении физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Такая необходимость, по мнению автора, обусловлена тем, что они отличаются с точки зрения оценки возможности наступления событий и прогнозирования наступления

тех или иных обстоятельств. Физическим лицам, в отличие от субъектов предпринимательской деятельности, также может быть сложно установить наличие тех или иных обстоятельств на момент заключения договора.

3.2 Практика и последствия применения института существенного изменения обстоятельств: проблемы и перспективы развития

Несмотря на то, что институт существенного изменения обстоятельств существует в законодательстве уже более двадцати лет, тем не менее, до сих пор существуют определенные как практические, так и теоретические проблемы, связанные с его применением. В настоящем параграфе мы разберем те из них, которые, по мнению автора, представляют особую актуальность, а также обратимся к последствиям применения института существенного изменения обстоятельств для отношений сторон, в конце параграфа сделав акцент на изменении договора как последствии применения статьи 451 ГК РФ³⁰⁴. Автор считает, что именно изменение договора должно быть преимущественным последствием существенного изменения обстоятельств по ряду причин, которые будут подробнее раскрыты ниже.

Прежде чем приступить к анализу судебной практики по обозначенному вопросу, предлагаем обратиться к тексту статьи 451 ГК РФ. Неоднозначные законодательные формулировки, представляющие, на наш взгляд, интерес для теоретического осмысления, можно найти уже в пункте 1 статьи 451 ГК РФ. Так, в указанном пункте, равно как в подпункте 4 пункта 2 статьи 451 ГК РФ, содержится отсылка к существу договора, которое имеет значение, в первом случае, для возникновения права требовать изменения или расторжения договора в связи с

³⁰⁴ См.: Петрова Д. С. Последующее изменение обстановки и его влияние на договорные обязательства в российском праве: политико-правовой анализ и актуальные проблемы правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 5. – С. 72-122.

существенным изменением обстоятельств, во втором – влияет на распределение рисков по договору (само существо договора может предполагать перераспределение риска)³⁰⁵. Предлагаем обратиться к анализу приведенных положений и используемых формулировок подробнее.

Итак, при существенном изменении обстоятельств, из которых стороны исходили при заключении договора, заинтересованная сторона вправе требовать его изменения или расторжения. Это общее правило, которое знает два исключения: иное может быть предусмотрено договором или вытекать из существа обязательства.

Что касается первого исключения, то оно является, наш взгляд, самоочевидным: в соответствии с принципом свободы договора стороны вправе включать в договор любые условия, в том числе те, которые изменяют понимание института существенного изменения обстоятельств по сравнению с трактовкой, имеющейся в ГК РФ. Отметим, что стороны достаточно часто пользуются этой возможностью и на практике нередки случаи, когда стороны вносят изменения в процедуру расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств³⁰⁶.

Вместе с тем в судебной практике отсутствуют судебные решения, в которых суд бы ссылался на отсутствие у стороны права требовать изменения или расторжения договора в связи с существенным изменением обстоятельств со ссылкой на существо договора, препятствующее применению исследуемого нами института к какой-либо конкретной ситуации.

Кроме того, в актах судебного толкования не раскрывается понятие «существа договора» применительно к институту существенного изменения обстоятельств. По справедливому замечанию Г.Н. Орлова, несмотря на наличие

³⁰⁵ Орлов Г.Н. О понятии «существо договора» в Гражданском кодексе Российской Федерации и его применении в формировании договорных связей субъектов предпринимательской деятельности // Российский судья. 2020. № 7. С. 22 - 29.

³⁰⁶ См., например, Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.03.2019 № Ф05-2730/2019 по делу № А40-102028/2018 // СПС Консультант Плюс.

достаточно большого количества ссылок на понятие «существо договора» в действующем законодательстве (в качестве примера можно привести пункт 2 статьи 585 ГК РФ, пункт 1 статьи 1118 ГК РФ, пункт 2 статьи 12 Водного Кодекса Российской Федерации³⁰⁷ и т.д.), а также в судебной практике (например, в Обзоре судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 4 (2019)), на настоящий момент нет единого, устоявшегося понимания термина «существо договора»³⁰⁸.

В узком смысле, как отмечает автор в приведенной статье, под «существом договора» традиционно понимается предмет договора и его иные существенные условия, цель договора, а также способы, которым эта цель достигается.

Вместе с тем не совсем очевидно, в каком смысле в данном случае необходимо понимать «договор»: договор как совокупность обязательств сторон или же как письменный документ, закрепляющий эти обязательства? В первом случае, очевидно, необходимо толковать понятие «существо договора» широко и включать туда обстоятельства заключения договора, существующую деловую практику исполнения договоров, применяемые подходы и иные «подразумеваемые условия».

Термин «подразумеваемые условия» был взят нами в кавычки ввиду отсутствия в отечественной теории права, по сравнению с английским правом, доктрины подразумеваемых условий в том виде, в котором она была описана в предыдущих главах настоящего исследования. Однако этот термин также информативно и емко описывает все, что может считаться составляющей частью договора: все, что подразумевается правом порядком, оборотом в целом, а также сторонами.

³⁰⁷ Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ, 05.06.2006, № 23, ст. 2381.

³⁰⁸ Орлов Г.Н. О понятии «существо договора» в Гражданском кодексе Российской Федерации и его применении в формировании договорных связей субъектов предпринимательской деятельности // Российский судья. 2020. № 7. С. 22 - 29.

Следует оговориться, что в некоторых случаях, как указывает Новикова Т.В., подразумеваемые условия в российской практике все-таки могут быть найдены, в том числе в конкретных судебных актах. Так, автором рассматривается случай выявления подразумеваемого соглашения о применимом праве³⁰⁹. Интересно, что в этом контексте в судебной практике можно также найти указание на наличие некоего «подразумеваемого соглашения» сторон³¹⁰.

Однако в случае, когда под договором понимается письменный документ и изложенная в нем совокупность обязательств, термин «существо договора» может обрести достаточно узкий смысл и в таком случае будет сведен исключительно к вопросам толкования имеющихся в договоре условий, без учета иных, перечисленных выше факторов.

Полагаем, что «существо договора» должно трактоваться достаточно широко и включать в себя следующие составляющие элементы:

- предмет заключенного договора, исходя из которого определяются нормы применимого законодательства;
- правовое положение сторон договора, которое позволяет квалифицировать договор как предпринимательский или заключенный с потребителем, что также влияет на определение круга применимого права и применимый стандарт доказывания, на что также было указано в предыдущем параграфе;
- существенные условия договора, которые установлены законом в качестве таковых;
- условия договора, определенные сторонами как существенные условия;
- цель договора для каждой из сторон;
- сложившиеся в той или иной сфере обычаи исполнения обязательств, существующая бизнес-практика;

³⁰⁹ Новикова Т.В. Подразумеваемые соглашения о применимом праве: обзор судебной и арбитражной практики // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». 2019. № 5. С. 39 - 49.

³¹⁰ Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета, № 154, 17.07.2019.

—обстоятельства исполнения договора, имеющие существенное значение для договора – те, которые были известны сторонам до заключения договора и на существование которых они полагались в момент его заключения.

Исходя из такой широкой трактовки понятия «существа договора», полагаем, норма пункта 1 статьи 451 ГК РФ может быть истолкована достаточно широко. В свою очередь, это может привести к тому, что, во-первых, одному из участников отношений может быть отказано в реализации права в результате слишком широкого толкования и понимания «существа договора», во-вторых, суды не будут применять указанную норму на практике или сводить понимание «существа договора» исключительно к предмету договора и существенных условий, которые указаны для договора определенного типа непосредственно в самом договоре.

Таким образом, представляется, что в пункте 1 статьи 451 ГК РФ ссылка на возможность отказа в праве требовать изменения или расторжения договора, вытекающая из существа самого договора, излишняя. Автор считает, что эффект, на достижение которого направлено применение конкретно указанной нормы, может быть достигнут, с не меньшей эффективностью, за счет применения принципа добросовестности и справедливости, которые достаточно подробно были рассмотрены в настоящей работе.

Вместе с тем полагаем, что несмотря на наличие излишнего и неприменимого указания на «существо договора» в пункте 1 статьи 451 ГК РФ, ее исключение из текста Гражданского Кодекса РФ нецелесообразно, т.к. законодательный процесс является материально затратным, в то время как существование исследуемой нами нормы в тексте указанного пункта не влечет за собой ущерба для оборота или убытков для отношений сторон. С теоретической же точки зрения все приведенные выше аргументы должны быть учтены.

Таким образом, ссылка на «существо договора»³¹¹ в тексте статьи 451 ГК РФ, хотя и представляется излишней, тем не менее, не несет вреда для оборота и отношений сторон.

Наряду с этим в пункте 4 статьи 451 ГК РФ несколько иной смысл. В частности, там указано, что из обычаев или существа договора может вытекать, что риск изменения обстоятельств несет заинтересованная сторона.

Как уже было отмечено нами в предыдущих параграфах, отсылка к существу договора при существенном изменении обстоятельств применяется также и в зарубежной практике. В качестве примера распределения рисков и обязанностей сторонами по контракту, не относящееся к распределению рисков существенного изменения обстоятельств, можно привести подразумеваемую обязанность подрядчика проверить техническую документацию, разработанную третьим лицом и переданную ему заказчиком, если в договоре такая информация не была обозначена как «непроверяемая информация» (rely-upon information). В соответствии со сложившейся практикой применения договора подряда на подрядчика возлагается обязательство проверить эту информацию в той степени, в которой это возможно без проведения дополнительных изысканий.

В случае, если судом будет установлено существование подобного распределения ответственности или признано наличие иных обычаев, исходя из существа договора может быть отказано в применении института существенного изменения обстоятельств.

Также отметим, что обоснование нами недопущения применения смысла «существа договора» к пункту 1 статьи 451 ГК РФ и допущение возможности применения его во втором случае (подпункт 4 пункта 2 статьи 451 ГК РФ) обусловлено разными последствиями: признание отсутствия у стороны права заявить соответствующие требования (невозможность применения статьи 451 ГК РФ к отношениям сторон) в одном случае, что, по нашему мнению, может

³¹¹ См.: Орлов Г.Н. О понятии «существо договора» в Гражданском кодексе Российской Федерации и его применении в формировании договорных связей субъектов предпринимательской деятельности // Российский судья. 2020. № 7. С. 22 - 29.

нарушить баланс интересов сторон и привести к несправедливому применению указанных условий ввиду возможного расширительного толкования неопределенного в законодательстве термина, и обоснования иного перераспределения рисков, вытекающего из существа договора, в другом, что вполне может применяться в отношениях с коммерсантами³¹².

К сожалению, не представляется возможным привести примеры судебной практики, в которых суд отказал в применении института существенного изменения обстоятельств со ссылкой на вытекающее из договора перераспределение риска наступления их последствий. Суды ссылаются на подпункт 4 пункта 2 статьи 451 ГК РФ исключительно в рамках общего цитирования пункта 2 статьи 451 ГК РФ³¹³.

Возможно, что с течением времени и развитием оборота исследуемая норма найдет применение на практике, но, к сожалению, на настоящий момент отсутствует судебная практика для ее предметного анализа.

Далее предлагаем рассмотреть иное основание исключения применения статьи 451 ГК РФ. В соответствии с пунктом 1 статьи 451 ГК РФ существенное изменение обстоятельств является основанием для изменения и расторжения договора в случае, если иное не предусмотрено договором. Указанное исключение, полагаем, также требует дополнительного обсуждения.

Ключевой вопрос в этом отношении – все ли договоры могут включать такую оговорку. Полагаем, что ответ на этот вопрос может быть утвердительным, но исключение составляют случаи, когда одной из сторон договора, заключенного между предпринимателем и не предпринимателем такое ограничение

³¹² Там же.

³¹³ В качестве примера можно привести следующие дела Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.02.2020 № Ф08-730/2020 по делу № А53-5830/2019 // СПС Консультант Плюс; Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.08.2021 № Ф10-3601/2021 по делу № А36-5566/2020 // СПС Консультант Плюс; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.03.2020 № Ф02-747/2020 по делу № А78-445/2019 // СПС Консультант Плюс; Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.09.2017 № Ф01-2969/2017 по делу № А43-24625/2016 // СПС Консультант Плюс; Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.06.2021 № Ф05-14149/2021 по делу № А40-130161/2020 // СПС Консультант Плюс.

предусмотрено в отношении предпринимателя. В противном случае такие условия договора значительным образом бы ухудшали права потребителя и являлись недействительными на основании пункта 1 статьи 16 Закона РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей»³¹⁴.

Обсуждая применение статьи 451 ГК РФ к договорам, одной из сторон которых выступает потребитель, отметим, что в целом судебная практика свидетельствует о последовательном применении института существенного изменения обстоятельств, без применения расширительного толкования статьи 451 ГК РФ применительно к потребительским договорам.

Так, например, потребитель не может ссылаться на существенное изменение обстоятельств только в исключительных случаях, например, если после заключения кредитного договора он уволился с работы и потерял источник дохода. Последовательная позиция судов в отношении подобных ситуаций такова, что действия, совершенные собственной волей, не могут быть признаны существенным изменением обстоятельств³¹⁵. Такая позиция выражена, в частности, в Определении Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.09.2016 № 18-КГ16-102³¹⁶. На проблему необходимости учета подконтрольности событий, которые стали существенным изменением обстоятельств, одной из сторон договора, мы обратим внимание позднее в рамках настоящего параграфа.

В спорах с потребителями об изменении условий договора в связи с существенным изменением обстоятельств наиболее четко прослеживается необходимость разделения ситуаций установления справедливого баланса интересов сторон и перекладывания рисков на одного из контрагентов. Если первое

³¹⁴ Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ, 15.01.1996, № 3, ст. 140.

³¹⁵ См.: Петрова Д. С. Последующее изменение обстановки и его влияние на договорные обязательства в российском праве: политико-правовой анализ и актуальные проблемы правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 5. – С. 72-122.

³¹⁶ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.09.2016 № 18-КГ16-102 // СПС Консультант Плюс.

является основной задачей применения статьи 451 ГК РФ, то второе – это ситуация, возникновение которой правопорядок допускать не должен. В этом контексте показательным является дело об изменении условий кредитного договора, заключенного между АО «ТЭМБР-БАНК» и Иванчиковой В.В.

В соответствии с обстоятельствами дела, Иванчикова В.В. обратилась в суд с требованием об изменении условий кредитного договора, заключенного в валюте, в связи с утратой работы и значительным изменением курса евро по отношению к национальной валюте Российской Федерации, значительно выходящее за пределы обычных колебаний курса. Истец также ссылалась на то обстоятельство, что она является многодетной матерью.

Нижестоящие суды, с позицией которых не согласился Верховный Суд РФ, удовлетворили исковые требования и изменили валюту кредитного договора. В свою очередь, Верховный Суд РФ указал на наличие ряда обстоятельств, первое из которых – сам факт заключения договора займа в валюте, что, в свою очередь, означает, что в соответствии с нормами гражданского законодательства возврат должен быть осуществлен в той же валюте, а основания для изменения валюты займа отсутствуют. При этом Верховный Суд РФ особо подчеркнул, что предположение заемщика о выгодности займа в той или иной иностранной валюте само по себе не означает, что стороны не могли и не должны были предвидеть возможность изменения курса валют³¹⁷.

Отметим, что в предыдущем параграфе мы рассматривали вопрос способности лиц, осуществляющих предпринимательскую деятельность, и физических лиц предвидеть наступление тех или иных событий в целом и потенциальную степень их влияния на отношения сторон в частности. Напомним, что нами был сделан вывод о том, что в целом стандарт должен учитывать не только разное восприятие и способность прогнозировать событие предпринимателями и физическими лицами, но также и различную способность самих физических лиц.

³¹⁷ Там же.

С точки зрения рассматриваемой проблематики пример получения валютного кредита представляется интересным, т.к. он также позволяет сформулировать и уточнить пределы, в рамках которых ограниченная способность физических лиц для целей применения института существенного изменения обстоятельств должна учитываться.

В данном случае очевидно, что лицо, которое получает кредит в иностранной валюте, намерено получить определенную выгоду; это делается именно с расчетом уплаты в дальнейшем банку меньших процентов по кредиту. Вместе с тем сама по себе такая операция является высокорискованной, и нет оснований, во-первых, полагать, что физическое лицо такой риск осознать не могло, во-вторых – нет основания перекладывать принятый физическим лицом риск на его контрагента.

Таким образом, пределы способности предвидеть риск наступления последствий и существенного изменения обстоятельств должны учитываться особо для физических лиц только в том случае, если сделка, на которую повлияли такие обстоятельства, относится к разряду обычных сделок, а не потенциально рискованных и заключаемых с целью получения большей выгоды в будущем.

Полагаем, что такой подход является максимально гибким и позволит учесть разнообразные обстоятельства дела и применить ключевые для института существенного изменения обстоятельств правовые принципы – добросовестности и разумности.

Следующий аргумент, который приводит Верховный Суд РФ в деле АО «ТЭМБР-БАНК» против Иванчиковой В.В. в обоснование невозможности применения в рассматриваемом случае института существенного изменения обстоятельств, заключается в том, что увеличение суммы платежей, выраженных в рублях, не свидетельствует о нарушении установленного договором *соотношения имущественных интересов сторон*.

Кроме того, Верховный Суд РФ подчеркнул также, что изменение валюты кредитного договора судом означает *нарушение имущественных прав займодавца*, а внося изменения в заключенный кредитный договор и изменяя валюту займа, суд фактически *возложил на ответчика как на кредитора риск изменения курса*

*валюты долга и риск изменения имущественного положения истца как должника*³¹⁸.

Приведенное определение также обуславливает необходимость исследования вопроса о том, что собой представляет соотношение имущественного интереса сторон, о котором идет речь в подпункте 3 пункта 2 статьи 451 ГК РФ, и когда изменение условий договора или его расторжение означает не восстановление имущественного интереса, а перекладывание риска возникновения существенного изменения обстоятельств на контрагента³¹⁹.

Представляется, что для целей применения статьи 451 ГК РФ под имущественным интересом необходимо понимать ту экономическую выгоду, которую стороны могут получить в случае, если договор будет добросовестно исполнен обеими сторонами. Чтобы выяснить, было ли нарушено соотношение имущественных интересов сторон, необходимо исследовать не абсолютное соотношение (получит сторона больше или меньше в абсолютном значении), а относительное. При этом сравнение должно производиться не в отношении имущественного интереса другой стороны, а в отношении имущественного интереса и баланса, который был установлен при заключении договора.

Рассматривая данный вопрос важно помнить, что суд может вмешиваться в договорные отношения сторон в определенных пределах, за которые суды нижестоящих инстанций, рассматривая это дело, вышли.

Отсюда можно сделать вывод о том, что если имущественный интерес стороны остался прежний, а изменения могли быть предвидены (с учетом ограничений и условий, рассмотренных нами выше), то нельзя говорить о нарушении имущественного баланса сторон. Напротив, в ситуации изменения обстоятельств, которые могли быть предвидены (а выше мы уже обосновывали, что получение кредита в валюте по существу является рискованной сделкой, направленной на получение выгоды), при изменении договора в пользу пострадавшей стороны

³¹⁸ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.09.2016 № 18-КГ16-102 // СПС Консультант Плюс.

³¹⁹ Там же.

будет иметь место именно перераспределение риска, который в рассматриваемом деле взял на себя должник, что уже является вмешательством в отношения сторон и не может быть признано допустимым.

Наглядным примером случая перекладывания риска на контрагента также может стать дело № А39-5782/2015. В соответствии с фабулой дела банк, в условиях отсутствия кредитования и экономических затруднений, принял решение закрыть операционный офис, под устройство которого был заключен договор аренды. В результате этого банк обратился в суд с требованием о расторжении договора в связи с существенным изменением обстоятельств.

Вместе с тем очевидно, что на деле есть два препятствия применения доктрины существенного изменения обстоятельств к сложившимся отношениям сторон: во-первых, действия по закрытию операционного офиса банка являются волевыми действиями и зависят от него, что означает, что не соблюдается критерий непредвиденности; во-вторых, расторжение договора в связи с тяжелой экономической ситуацией на деле является перекладыванием риска наступления тех или иных последствий на контрагента, что недопустимо, учитывая, что кредитная организация является профессиональным участником финансового рынка, и, следовательно, могла заранее спрогнозировать возможность наступления кризиса или, как указал суд в Определении Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015, могла включить в договор закрытие операционного офиса банка как отдельное основание для его расторжения. Вместе с тем этого сделано не было³²⁰.

Отметим, что рассмотренные нами в рамках настоящего исследования инструменты наднационального права при определении непредвиденности обстоятельств особо упоминают о том, что обстоятельство является непредвиденным только при условии отсутствия контроля стороны над ним (например, см. пункт 6.2.2 принципов УНИДРУА). Учитывая многочисленную судебную практику, где стороны заявляют о наступлении существенного

³²⁰ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015 // СПС Консультант Плюс.

изменения обстоятельств, которое произошло в результате *волевых действий* самих сторон ³²¹, представляется необходимым внести изменение в гражданское законодательство, закрепляющее этот критерий непредвиденности.

Кроме того, даже если контроль участника отношений над происходящими внешними событиями можно признать опосредованным, суд также может не учесть их, т.к. такие обстоятельства будут являться чем-то, что выходит за рамки сложившихся отношений и не имеет значения для исполнения обязательств в рамках этих отношений. Так, в деле № А84-2617/2015 истец ссылался, среди прочего, на попытки осуществления рейдерского захвата общества в определенный период как на существенное изменение обстоятельств. Суд аргумент стороны не принял³²². Такой подход представляется логичным и оправданным, т.к. с точки зрения распределения риска иное означало бы, что риск возникновения корпоративного конфликта автоматически перекладывался бы на контрагента.

Несмотря на то, что требование о признании рейдерского захвата существенным изменением обстоятельств нельзя признать типичным, тем не менее, приведенный судебный акт позволяет сделать общий вывод о том, что существенным изменением обстоятельств может быть не только обстоятельство, выходящее за пределы контроля заинтересованной стороны; такое обстоятельство должно также иметь прямое отношение к возможности исполнения сторонами обязательств. Корпоративный конфликт (рейдерский захват) можно признать лишь косвенным.

³²¹ Помимо приведенных выше примером см. также Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.06.2021 № 13АП-13246/2021, 13АП-13248/2021 по делу № А56-70760/2020 // СПС Консультант Плюс; Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2010 № 17АП-1843/2010-ГК по делу № А60-53722/2009 // СПС Консультант Плюс; Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2020 № 19АП-9021/2019 по делу № А36-8278/2019 // СПС Консультант Плюс; Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 12.12.2017 № 21АП-1964/2017 по делу № А83-9854/2016 // СПС Консультант Плюс.

³²² Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.04.2017 № Ф10-1248/2017 по делу № А84-2617/2015 // СПС Консультант Плюс; Определение Верховного Суда РФ от 16.08.2017 № 310-ЭС17-10235 по делу № А84-2617/2015 // СПС Консультант Плюс.

С точки зрения вопроса перекладывания риска изменения обстоятельств интересно рассмотреть такое основание применения статьи 451 ГК РФ, как отпадение цели заключения договора. В качестве примера можно привести дело № А08-3873/2014, согласно фабуле которого истец обратился с требованием о расторжении договора на изготовление протезов в связи с отказом клиента от протезирования в указанной организации. На наш взгляд, интерес представляет вопрос о том, можно ли назвать такой отказ перекладыванием риска изменения обстоятельств или же отпадение цели является самостоятельным основанием для расторжения договора³²³.

Полагаем, что в рассматриваемой ситуации необходимо иметь в виду, какие затраты стороны понесли в связи с изменением договора. В случае полной их компенсации со стороны истца – заявителя применение статьи 451 ГК РФ представляется оправданным. Отпадение цели договора как основание применения существенного изменения обстоятельств не будет рассматриваться в настоящей работе предметно.

Не является существенным изменением обстоятельств и банкротство одного из контрагентов³²⁴. Между тем, из указанного правила также есть исключения, которые демонстрируют необходимость учета принципов разумности и справедливости при рассмотрении данной категории дел.

Так, в деле № А65-3392/2017 суд внес изменения в кредитный договор и реструктурировал график платежей по требованию заемщика. В соответствии с фабулой дела между кредитной организацией и заемщиком был заключен договор кредитной линии с определенным лимитом, который был рассчитан исходя из стоимости строительства завода (с учетом частичного самофинансирования), для чего и получался кредит. После того, как заемщик обратился к кредитной организации с требованием о предоставлении последнего транша по договору кредитной линии, кредитная организация отказала со ссылкой на то, что в банке

³²³ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.03.2015 № Ф10-594/2015 по делу № А08-3873/2014 // СПС Консультант Плюс.

³²⁴ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.10.2017 № Ф07-9853/2017 по делу № А56-70891/2016 // СПС Консультант Плюс.

была введена временная администрация, обладающая правом отказаться от исполнения договора в случае применения по отношению к кредитной организации процедур, предусмотренных ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)».

В свою очередь, отказ в выдаче финального транша по кредитной линии повлек невозможность своевременного завершения строительства завода и привел к возникновению затруднений по возврату долга. Важно отметить, что до момента отказа в выдаче транша, согласно фабуле дела, заемщик добросовестно выполнял свои обязательства по договору.

Таким образом, банк, как кредитор, самостоятельно повлиял на невозможность своевременно вернуть долг.

Судом также было учтено то обстоятельство, что кредитная организация своими действиями ввела контрагента в заблуждение относительно своего финансового состояния (кредитная организация размещала недостоверную информацию в публичных источниках), следовательно, возможное банкротство контрагента не могло быть учтено должником и не должно быть расценено как риск, который должник мог предвидеть³²⁵.

Однако такие решения, конечно, являются единичными. Применительно к данному делу интересно также рассмотреть вопрос о том, не должен ли был заемщик оценивать вероятность отзыва лицензии с учетом соответствующей политики Центрального Банка РФ³²⁶, но мы не будем останавливаться на детальном анализе этого вопроса в настоящей работе.

К вопросам, относящимся в зоне контроля стороны и не относящееся к существенным изменениям обстоятельств по смыслу статьи 451 ГК РФ, является смена системы налогообложения. Об этом свидетельствует Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.10.2021 № Ф09-6659/21 по делу №

³²⁵ Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.12.2017 № Ф06-27942/2017 по делу № А65-3392/2017 // СПС Консультант Плюс.

³²⁶ Подробнее по вопросу отзыва лицензий ЦБ РФ см. статью Ручкин Р.О. Отзыв Банком России лицензий на осуществление банковских операций: реализация на практике // Банковское право. 2018. № 3. С. 47 - 62.

A50-28194/2020³²⁷. Не является таким обстоятельством также повышение ставки налога³²⁸.

О неверном толковании сторонами смысла статьи 451 ГК РФ также свидетельствуют попытки сторон обосновать требования об изменении объема и стоимости работ в договорах строительного подряда или договорах на проектирование ссылкой на существенное изменение обстоятельств³²⁹. Интересно также, что в судебной практике можно встретить дела, в рамках которых стороны заявляют о необходимости внесения изменений в контракт в связи с существенным изменением обстоятельств на том основании, что подрядчиком были выявлены недостатки документации, переданной заказчиком ³³⁰. Безусловно, такие требования являются грубым нарушением материального права, а статья 451 ГК РФ в таком случае не применима. Вопрос о том, лежит ли на подрядчике обязанность проверять передаваемую ему документацию, мы оставим за рамками настоящего исследования.

На основании изложенного предлагаем дополнить пункт 2 статьи 451 ГК РФ подпунктом 5 следующего содержания: *«изменение обстоятельств находится вне контроля заинтересованной стороны, и заинтересованная сторона не предпринимала действий, влекущих за собой наступление существенного изменения обстоятельств»*.

Завершая рассмотрение вопроса о влиянии интереса потребителей на возможность применения статьи 451 ГК РФ, отметим, что наличие интереса потребителя, пусть и косвенного, в отношениях сторон является основанием отказа в применении последствий института существенного изменения обстоятельств в

³²⁷ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.10.2021 № Ф09-6659/21 по делу № А50-28194/2020 // СПС Консультант Плюс.

³²⁸ Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.04.2021 № Ф09-1548/21 по делу № А60-11052/2020 // СПС Консультант Плюс.

³²⁹ Постановление ФАС Центрального округа от 24.02.2014 по делу № А62-8279/2012 // СПС Консультант Плюс; Постановление ФАС Центрального округа от 30.01.2014 по делу № А14-2481/2013 // СПС Консультант Плюс; Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.08.2021 № Ф07-9059/2021 по делу № А56-81720/2020 // СПС Консультант Плюс.

³³⁰ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.02.2018 № Ф07-16193/2017, Ф07-16198/2017 по делу № А56-79974/2016 // СПС Консультант Плюс.

виде расторжения договора. Так, в деле № 11096/04 было признано, что расторжение спорного договора энергоснабжения будет противоречить интересам третьих лиц (потребителей), т.к. у них отсутствует оборудование, необходимое для непосредственного присоединения к сетям общества, и энергоснабжение их возможно только через предприятие, к сетям которого непосредственно присоединены сети потребителей³³¹.

Вместе с тем это не означает, что на настоящий момент суды применяют по отношению к потребителям иной, пониженный стандарт в деле о применении института существенного изменения обстоятельств.

Таким образом, при исследовании вопроса о возможности применения института существенного изменения обстоятельств применительно к договорным отношениям сторон необходимо также учитывать иные обстоятельства, например, наличие интереса третьих лиц – потребителей. Об иных обстоятельствах, которые подпадают под действие пункта 4 статьи 451 ГК РФ, будет подробнее написано далее в рамках настоящего параграфа.

Итак, в соответствии с пунктом 1 статьи 451 ГК РФ применение института существенного изменения обстоятельств возможно, за исключением случаев, если это предусмотрено договором (здесь также необходимо учитывать особенности договоров, заключаемых с потребителями), или не вытекает из существа договора (что, как уже было указано выше, не находит применения на практике). Далее необходимо проанализировать вопрос о том, в какой срок должно быть заявлено требование об изменении или расторжении договора: есть ли какие-то ограничения в пределах течения срока исковой давности.

Представляется, что в рассматриваемой ситуации нельзя придерживаться крайних позиций. Так, например, по мнению Р.С. Бевзенко, требование должно быть предъявлено в разумный срок, а не в пределах течения срока исковой

³³¹ Постановление Президиума ВАС РФ от 13.09.2005 № 11096/04 // Вестник ВАС РФ, 2006, № 1.

давности³³², что, по нашему мнению, может стать ограничением защиты прав участниками оборота. Напротив, другой, крайней позицией будет являться признание возможности заявления соответствующего требования в пределах течения срока исковой давности.

Проблема применения позиции, высказанной Р.С. Бевзенко, заключается в том, что не всегда можно определить разумный срок для направления требования. Так, напомним, что общепринятым разумным сроком для направления требований считается установленный пунктом 2 статьи 314 ГК РФ семидневный срок. Вместе с тем по ряду договоров заявление требования в такой короткий срок может стать невозможным: учитывая необходимость тщательной подготовки аргументов и сбора доказательств, требование будет некачественно подготовленным и, как следствие, может повлечь за собой возможный отказ в удовлетворении требований.

С другой стороны, конечно, на практике также нередки ситуации, когда сторона направляет соответствующее заявление без предоставления надлежащего обоснования, тем самым резервируя свое право на последующее заявление соответствующих аргументов в обоснование своей позиции в судебном порядке.

Для обоснования нашей позиции необходимо отдельно рассмотреть вопрос о том, что является разумным сроком. В судебной практике дополнительным критерием для определения того, было ли предъявлено требование в разумный срок или нет, выступает принцип добросовестности. Важно отметить, что на основании пункта 5 статьи 10 ГК РФ бремя доказывания недобросовестности заявителя, а значит, несвоевременного предъявления претензии возлагается на контрагента, против которого такое требование направлено.

Судебная практика при этом настолько разнообразна, что вывести какой-либо единый подход к тому, какой срок предъявления требований может быть признан несвоевременным, достаточно сложно. Так, в Постановлении Девятого

³³² Договорное и обязательственное право (общая часть) постатейный комментарий к статьям 307 - 453 Гражданского кодекса Российской Федерации / В.В. Байбак, Р.С. Бевзенко, О.А. Беляева и др.; отв. ред. А.Г. Карапетов. М.: М-Логос, 2017. Электронное издание. Редакция 1.0. С. 1099-1107.

арбитражного апелляционного суда от 29.07.2014 № 09АП-25194/2014 по делу № А40-158794/2013³³³ суд признал несвоевременным заявление требований спустя четыре года после наступления события. В другом деле был признан неправомерным отказ от товара, который имел место спустя три месяца после его приемки, т.к. этого времени, по мнению суда, достаточно для того, чтобы осмотреть товар и предъявить соответствующее требование³³⁴. Однако месячный срок для заявления отказа от товаров суд может признать разумным³³⁵.

Итак, из приведенной судебной практики можно сделать вывод об отсутствии единообразия в применении разумного срока, но и применение его через призму принципа добросовестности, на наш взгляд, представляется затруднительным. В иных случаях подготовка и заявление требования в суд может занять достаточно большое количество времени, учитывая также, что обстоятельства непреодолимой силы, с одной стороны, могут повлиять на бизнес-процессы компании и вызвать проблемы, требующие скорейшего решения, с другой – требовать тщательной подготовки и сбора доказательств наступления события и его непредвиденности для сторон.

Учитывая приведенные аргументы, считаем необходимым ввести ограничение для подачи соответствующего требования сроком шесть месяцев. Установление такого ограничительного срока позволит решить сразу несколько проблем, а именно:

—снижение нагрузки на судей в части отпадения необходимости рассматривать вопрос о соблюдении разумного срока заявления требований. При этом в случае, если ответчик по делу сможет обосновать применение более короткого срока, такой срок подлежит применению по усмотрению суда;

³³³ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2014 № 09АП-25194/2014 по делу № А40-158794/2013 // СПС Консультант Плюс.

³³⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.02.2016 № 09АП-57478/2015 по делу № А40-136695/15 // СПС Консультант Плюс.

³³⁵ Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.07.2016 № Ф07-6098/2016 по делу № А21-3682/2015 // СПС Консультант Плюс.

—обеспечение сохранения доказательств изменения обстоятельств и наступления их последствий для предъявления в суд, которые утрачиваются с течением времени;

—будет способствовать проактивному поведению стороны, которая намерена заявить о существенном изменении обстоятельств и применить последствия их изменения;

—обеспечит возможность своевременной и качественной подготовки требования, т.к. стороны не будут опасаться несвоевременной подачи и неожиданной трактовки «разумного срока» применительно к конкретному делу.

Таким образом, установление шестимесячного пресекательного срока позволит, с одной стороны, соблюсти баланс интересов сторон, с другой – оборота в целом, главный из которых – обеспечение стабильности. В этой связи предлагаем дополнить статью 451 ГК РФ пунктом 6 в следующей редакции: *«Срок исковой давности по требованиям, вытекающим из существенного изменения обстоятельств, составляет шесть месяцев»*.

Что касается последствий применения института существенного изменения обстоятельств, статья 451 ГК РФ предусматривает одновременно два: это изменение договора в судебном порядке и расторжение договора. При этом из текста ГК РФ следует наличие определенной иерархии в их применении: так, основным последствием выступает расторжение договора, в то время как изменение договора допускается лишь в исключительных случаях и только, если расторжение договора противоречит общественным интересам и повлечет за собой значительный ущерб для сторон.

В судебной практике, в частности, в п. 8 Обзора Верховный Суд РФ особенно указал на то, что в случае, если судом, рассматривающим дело, будет принято решение о необходимости изменить договор, им должно быть приведено отдельное обоснование необходимости применения именно такого последствия³³⁶.

³³⁶ Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ – 2020. – № 5. – С. 39-48.

Также следует отметить, что в большинстве своем в судебной практике имеются примеры отказа в изменении договора в связи с существенным изменением обстоятельств. В то же время большинство отказных судебных актов являются справедливыми, т.к. стороны заявляют о необходимости изменения договора в судебном порядке, не приводя должных доказательств наличия существенного изменения обстоятельств и соблюдения требований статьи 451 ГК РФ³³⁷. Мы предлагаем обратиться к анализу такой судебной практики подробнее.

Так, например, в деле № А24-5803/2019 истцом фактически была предпринята попытка возложить на теплосетевую организацию обязанности по оплате технологических потерь в повышенном размере³³⁸, на что обратил внимание суд, а в деле № А28-3399/2018 суд фактически признал наличие признаков недобросовестного поведения в действиях заинтересованной стороны по обращению с требованием об изменении заключенного договора аренды, т.к. изначально он был согласован сторонами без каких-либо замечаний³³⁹.

Также нередко требования о применении существенного изменения обстоятельств и изменении договора на основании указанного обстоятельства заявляются в связи с отсутствием осведомленности стороны о существовании обстоятельств в момент заключения договора (например, заболевание леса, о котором не знал арендатор)³⁴⁰. Очевидно, что в такой ситуации институт существенного изменения обстоятельств применению не подлежит.

О том, что участники гражданского оборота не имеют четкого представления об особенностях и порядке применения статьи 451 ГК РФ, свидетельствует

³³⁷ См., например, Определение Верховного Суда РФ от 24.07.2019 № 307-ЭС19-11834 по делу № А26-2020/2018 // СПС Консультант Плюс.

³³⁸ Определение Верховного Суда РФ от 10.11.2020 № 303-ЭС20-17042 по делу № А24-5803/2019 // СПС Консультант Плюс.

³³⁹ Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.08.2019 № Ф01-3577/2019 по делу № А28-3399/2018 // СПС Консультант Плюс.

³⁴⁰ См., например, Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.11.2018 № Ф02-4921/2018 по делу № А33-28773/2017 // СПС Консультант Плюс; Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.10.2018 № Ф02-4575/2018 по делу № А33-34394/2017 // СПС Консультант Плюс.

многочисленная судебная практика, в которой стороны заявляют о применении статьи 451 ГК РФ в ситуациях, где она, очевидно, применяться не должна.

Так, например, в деле № А14-20467/2018 сторона обратилась с требованием об увеличении цены договора купли-продажи в связи с тем, что доля покупателя была определена в процентном соотношении от общей площади объекта, которая в ходе строительства была увеличена. Соответственно, фактическая площадь переданного покупателю объекта оказалась больше, что, как полагала сторона, является существенным изменением обстоятельств и должна повлечь за собой изменение условий договора.

Вместе с тем суд верно указал, что фактически заявленное требование представляет собой требование об увеличении цены договора купли-продажи после исполнения сторонами договора³⁴¹, а институт существенного изменения обстоятельств не должен применяться.

В судебной практике также нередко встречаются случаи неправильного использования института существенного изменения обстоятельств. В качестве примера можно привести дело № А40-236544/2017, в рамках которого суд удовлетворил требования о внесении изменения в задание, предоставленное заказчиком, в связи с выявлением в нем ошибок со ссылкой на существенное изменение обстоятельств и пункт 4 статьи 451 ГК РФ³⁴². Представляется, что в таком случае изменение контракта не может быть заявлено в связи с существенным изменением законодательства, т.к. информация была предоставлена заказчиком и все риски, связанные с ее недостоверностью, должны лежать на подрядчике.

Фактически, выявив ошибку, подрядчик имел право уведомить заказчика и прекратить исполнение обязательств на основании п. 1 ст. 719 ГК РФ, или вовсе отказаться от договора на основании п. 2 ст. 719 ГК РФ. Выявление ошибки в данных, переданных заказчиком, не отвечает признаку существенного изменения обстоятельств, которые бы позволили применить статью 451 ГК РФ к указанным

³⁴¹ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.12.2019 № Ф10-3488/2019 по делу № А14-20467/2018 // СПС Консультант Плюс.

³⁴² Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.04.2017 № Ф05-1740/2017 по делу № А40-201776/15 // СПС Консультант Плюс.

отношениям. Кроме того, учитывая, что в рассматриваемом деле просрочка имела место по вине заказчика, подлежала применению статья 404 ГК РФ.

Такая же ситуация имеет место в случае, если предыдущий исполнитель просрочил исполнение обязательств, и последующему исполнителю была несвоевременно передана площадка для производства работ³⁴³. Суд удовлетворил требование заявителя и применил пункт 4 статьи 451 ГК РФ к рассматриваемым отношениям, хотя в данном случае также имеет место просрочка кредитора, и убытки, взысканные подрядчиком с кредитора, могут быть в дальнейшем взысканы с просрочившего подрядчика.

Вместе с тем положительную практику внесения изменений в договор, в том числе в части изменения цены, также можно найти, и она представляет интерес с точки зрения научного осмысления применения данного института.

В качестве примера можно привести дело № А84-642/2020. В соответствии с обстоятельствами дела договор включал в себя аренду земельного участка с находящимися на нем насаждениями (виноградниками и садами). Органом муниципальной власти насаждения частично были списаны с баланса ответчика, изменения в договор в части изменения предмета договора аренды были сделаны в добровольном порядке, но цена договора не была изменена. На этом основании арендатор обратился в суд с требованием об изменении цены договора на основании статьи 451 ГК РФ. Суд удовлетворил требования, т.к. посчитал, что имущественный баланс интересов сторон в данном случае был нарушен: предмет аренды был изменен в меньшую сторону, а стоимость аренды не уменьшилась³⁴⁴.

Рассмотренное дело представляет интерес не только с точки зрения демонстрации примера применения пункта 4 статьи 451 ГК РФ на практике, но также и подтверждения нашего тезиса о том, какие обстоятельства должны учитываться при определении баланса имущественных интересов сторон: речь

³⁴³ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.10.2018 № Ф05-16635/2018 по делу № А40-236544/2017 // СПС Консультант Плюс.

³⁴⁴ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.01.2021 № Ф10-5512/2020 по делу № А84-642/2020 // СПС Консультант Плюс.

идет в данном случае именно про исследование вопроса о том, изменился ли баланс интересов сторон по отношению к их первоначальному положению. Примечательно, что суд не рассматривал, насколько справедливым было соотношение имущественных интересов сторон изначально³⁴⁵.

Выше мы также указывали на то, что, на наш взгляд, применение статьи 451 ГК РФ к ситуациям изменения законодательства или издания актов органов местного самоуправления является верным решением. Примечательно, что можно найти судебную практику, подтверждающую возможность применения статьи 451 ГК РФ к подобным случаям. В деле № А84-1077/2016 Арбитражный суд Центрального округа согласился с судами нижестоящих инстанций, которые внесли изменение в договор аренды для целей строительства в связи тем, что на основании распоряжения И.О. губернатора г. Севастополя о запрете капитального строительства арендатор не мог исполнять свои обязательства около года, в связи с чем возник риск невозможности своевременного исполнения обязательств. Важно также обратить внимание на то обстоятельство, что в рассматриваемом случае арендатор предпринимал все требующиеся от него действия по исполнению обязательства, т.е. действовал разумно и добросовестно³⁴⁶.

Отметим, что в практике арбитражного суда Московского округа можно найти примеры, которые свидетельствуют о признании судом возможности применения статьи 451 ГК РФ в связи с принятием актов органов государственной власти о введении карантинных мер. Вместе с тем и в данном случае пункт 4 статьи 451 ГК РФ, позволяющий изменить условия договора на основании существенного изменения обстоятельств, применяется ограничительно. Так, например, в деле № А40-130161/2020 суд применил исследуемую норму, т.к. требование об изменении договора было заявлено арендатором, вид деятельности которого входил в

³⁴⁵ См.: Петрова Д. С. Последующее изменение обстановки и его влияние на договорные обязательства в российском праве: политико-правовой анализ и актуальные проблемы правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 5. – С. 72-122.

³⁴⁶ Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.04.2018 № Ф10-573/2017 по делу № А84-1077/2016 // СПС Консультант Плюс.

перечень отраслей наиболее пострадавших от введения ограничительных мер³⁴⁷. Кроме того, к сожалению, приведенная практика ограничивается только одним кругом.

Таким образом, на основании анализа существующей судебной практики можно сделать вывод о том, что изменение договора в качестве последствия существенного изменения обстоятельств применяется в ограниченном количестве случаев.

В научной литературе неоднократно отмечалось, что необходимо предоставить суду более широкие полномочия по изменению договора. В частности, на это указывали также Т.Г. Очхаев³⁴⁸ и Р.О. Халфина³⁴⁹.

Полагаем, что на настоящий момент назрела необходимость внесения изменений в действующее законодательное регулирование. Помимо преимуществ, указанных в качестве таковых Т.Г. Очхаевым, отметим, что возможность судов использовать институт существенного изменения обстоятельств положительно скажется на стабильности гражданского оборота.

В этой связи предлагаем изложить пункт 3 и 4 статьи 451 ГК РФ в следующей редакции:

«3. При рассмотрении требования об изменении или расторжении договора в результате существенного изменения обстоятельств суд принимает решение с учетом возможности сохранить действующие отношения в силе, исходит из необходимости соблюдения баланса имущественных прав сторон договора, а также учитывает индивидуальные особенности заключивших договор сторон, в том числе возможность предвидеть наступление обстоятельств.

4. При расторжении договора суд определяет последствия расторжения, исходя из необходимости справедливого распределения между сторонами расходов, понесенных ими в связи с исполнением этого договора».

³⁴⁷ Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.06.2021 № Ф05-14149/2021 по делу № А40-130161/2020 // СПС Консультант Плюс.

³⁴⁸ Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.03 - Москва, 2015. - С. 149.

³⁴⁹ Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. М., 1974. С. 302-306.

Полагаем, что внесение соответствующих изменений в действующее правовое регулирование положительно скажется на практике применения статьи 451 Гражданского Кодекса РФ. Вместе с тем также следует учитывать, что даже в случае, если такие изменения будут внесены в законодательство, необходимо время для того, чтобы они начали применяться судом с учетом сложившейся практики применения указанной нормы, а также с учетом тенденции невмешательства судов в гражданские правоотношения. Очевидно, что соответствующие нововведения требуют значительных изменений правосознания, означающих, что суд не должен опасаться применять судебское усмотрение достаточно широко.

Наконец, с точки зрения урегулирования последствий наступления существенного изменения обстоятельств нельзя не согласиться с позицией Т.Г. Очхаева о том, что возложение на стороны обязательств по проведению переговоров может иметь положительное влияние на разрешение вопросов о последствиях применения такого изменения обстоятельств соответственно³⁵⁰.

Как уже было продемонстрировано нами выше, такой подход также имеет место и в зарубежной практике. В частности, необходимость проведения переговоров для целей урегулирования разногласий в результате существенного изменения обстоятельств закреплена в международных кодифицированных актах мягкого права.

Вместе с тем представляется, что само по себе закрепление такой обязанности сторон не позволит в должной степени обеспечить стабильность оборота с одной стороны и кооперацию сторон с другой. Это обусловлено двумя причинами.

Во-первых, очевидно, что если у сторон есть намерение предпринять какие-либо попытки урегулировать спор, и стороны намерены проявлять гибкость переговорного процесса, то они будут делать это без обмена претензиями или обращением в суд – спор решится на уровне переговоров, и уже будет эскалировано

³⁵⁰ Очхаев Т.Г. Там же. С. 145-150.

для рассмотрения в судебном порядке в случае, если сторонам вообще не удастся договориться и единственным выходом будет расторжение договора или изменение его в судебном порядке, когда для поиска баланса интересов понадобится помощь суда.

Во-вторых, учитывая разнонаправленность интересов в результате существенного изменения обстоятельств, которые, зачастую, затрагивают напрямую только одну из сторон договора (при этом воздействие на вторую сторону косвенно в том плане, что она претерпевает лишения в результате неисполнения контрагента). Это означает, в свою очередь, что в целом переговорный процесс может быть значительным образом затруднен, т.к. неравенство в фактическом положении сторон будет препятствовать поиску компромисса в данном случае³⁵¹.

Таким образом, несмотря на то, что бесконфликтное разрешение спора путем переговоров само по себе, очевидно, является преимущественным способом, представляется, что закрепление соответствующей обязанности сторон законодательно не окажет значительного влияния на разрешение споров в результате существенного изменения обстоятельств.

В настоящем параграфе нами были рассмотрены некоторые теоретические и практические проблемы, связанные с применением института существенного изменения обстоятельств в российской практике.

Так, нами было рассмотрено понятие «существо договора», на которое в статье 451 Гражданского Кодекса РФ содержится сразу две ссылки. К сожалению, в судебной практике невозможно на настоящий момент найти толкования понятия «существо договора», нет также устоявшейся доктринальной позиции относительно того, что следует понимать под рассматриваемым термином. Автор в настоящей работе делает вывод о том, что отсылка к существу договора в статье 451 Гражданского Кодекса РФ излишняя, т.к. те задачи, которые решаются

³⁵¹ Там же.

посредством совершения такой отсылки, могли бы также решаться посредством применения принципа добросовестности и справедливости.

Также институт существенного изменения обстоятельств был рассмотрен нами через призму потребительского договора. В работе автор обосновывает точку зрения, в силу которой условия, предусмотренные в статье 451 Гражданского Кодекса РФ, не должны ухудшаться в потребительских договорах по сравнению с существующим регулированием.

Кроме того, нами также была рассмотрена проблема учета экономической ситуации для целей применения института существенного изменения обстоятельств в договорах с физическими лицами. Нами был сделан вывод о том, что в договорах, заключенных с физическим лицом, необходимо учитывать не только возможность и способность субъекта оценить ситуацию в момент заключения договора или обстоятельства, наступившие после его заключения, но также и характер заключенной сделки.

В частности, сделка, заключенная с физическим лицом, может быть высокорискованная. К таким сделкам в настоящей работе мы отнесли получение кредита в иностранной валюте, что свидетельствует, очевидно, о том, что физическое лицо не могло осознавать риски, которые потенциально могут быть связаны с увеличением курса и, как следствие, увеличением суммы оплаты по кредитному договору.

Отметим, что приведенный пример не является единственным, он лишь демонстрирует общее правило, которое, на наш взгляд, подлежит применению в случае использования института существенного изменения обстоятельств и гласит, что при заключении физическим лицом высокорискованной сделки способность лица оценивать последствия совершения таких действий и осознание принимаемого риска презюмируются.

В настоящем параграфе нами также обосновано, почему мы считаем необходимым ввести шестимесячный пресекательный срок исковой давности для требований, вытекающих из существенного изменения обстоятельств. Полагаем, что это будет направлено на стабилизацию гражданского оборота.

Наконец, нами приводятся аргументы в пользу преломления практики судов, которая направлена на расторжение, а не на изменение договора. Полагаем, что именно направленность судов на изменение договора должна превалировать, а судебское усмотрение в этом отношении должно быть значительно расширено.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Настоящее исследование, проведенное согласно поставленным целям и задачам, позволило обозначить и рекомендовать решить определенные научные, а также практические вопросы относительно правоотношений, которые возникают в ситуации возникновения существенного изменения обстоятельств и их влияния на правоотношения сторон.

В исследовании были рассмотрены принципы, которые являются основополагающими для существования института существенного изменения обстоятельств в российском праве. К ним относится принцип обязательности договора, добросовестности и справедливости, Автором продемонстрировано, какое влияние все эти принципы оказали на формирование и какое влияние оказывают в настоящее время на функционирование доктрины существенного изменения обстоятельств.

В работе также имеется международно-правовой аспект. Нами были рассмотрены подходы к правовому регулированию существенного изменения обстоятельств в международном праве, а также описан институт *frustration*, и выявлены основные черты и характеристики.

Автором было проведено сравнение механизма функционирования институтов существенного изменения обстоятельств в российском и английском праве.

На основе проведенного в диссертации комплексного исследования были сделаны следующие выводы и предложения:

1. Проанализировав порядок взаимодействия принципа *pacta sunt servanda* и принципа добросовестности, автор пришел к выводу о том, что оно, в целом, имеет двустороннюю направленность, которая выражается в следующем: с одной стороны, принцип *pacta sunt servanda*, предписывающий неуклонное соблюдение условий обязательства, раскрывается через принцип добросовестности, отвечая на вопрос о том, как стороны должны исполнять договор, устанавливая требования к поведению стороны гражданских отношений, с другой – принцип

добросовестности является ограничителем принципа *pacta sunt servanda*, в том случае, когда даже добросовестное поведение стороны не позволяет его исполнить ввиду возникновения обстоятельств, находящихся вне контроля стороны. В последнем случае принцип *pacta sunt servanda* подлежит ограничению в той степени, в которой сторона действует добросовестно и соблюдается баланс их интересов.

2. Несмотря на универсальность принципа добросовестности и его значительное взаимодействие и влияние на принцип *pacta sunt servanda*, в силу ряда причин он не может являться единственным инструментом для ограничения *pacta sunt servanda* и установления справедливого баланса в отношениях сторон вследствие трех причин. Во-первых, понимание принципа добросовестности может меняться с течением времени, и, как и любой правовой принцип, он не является чем-то стабильно закрепленным. Во-вторых, сама по себе модель добросовестного поведения может оказаться как слишком ужесточенной (тогда будет признана необходимость исполнения обязательства любой ценой) так и слишком ослабленной (при малейшем затруднении в исполнении обязательства лицо будет считаться освобожденным от исполнения обязательства). В-третьих, оборот сам по себе требует установления конкретных условий и обстоятельств, при наступлении которых вмешательство в договорные отношения будет возможным.

В работе автор доказывает, что таким ограничительным принципом для *pacta sunt servanda* может стать принцип справедливости, заключающий в себе определенный моральный идеал, правило поведения, которое, с учетом юридического содержания, выражается в требовании к участникам оборота, а также всем правоприменителям действовать и оценивать действия иных лиц таким образом, чтобы они не нарушали права иных лиц и (или) субъектов правоотношения, не приводили к неравному положению сторон, не приводили к неравноценному перераспределению благ, не возлагали на стороны дополнительные обязанности и ответственность в результате умышленных действий иных лиц или в результате возникновения обстоятельств, на которые

стороны не могли повлиять и риск возникновения которых изначально не был ими принят, если это приведет к обогащению третьих лиц.

3. В исследовании автором было рассмотрено, как институт существенного изменения обстоятельств регулируется в Конвенции Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров и таких актах «мягкого права», как принципы международных коммерческих договоров (принципы УНИДРУА); принципы европейского контрактного права; модельные правила европейского частного права. Автор пришел к выводу о том, что все рассмотренные нами документы допускают, что обязательство должно быть изменено или прекращено в случае, если имеет место существенное изменение обстоятельств, т.е. обстоятельства значительным образом отличаются от того положения вещей, которое существовало на момент заключения договора, или наступление определенных обстоятельств не могло быть предвидено сторонами. При этом правовое регулирование института существенного изменения обстоятельств всеми перечисленными документами можно назвать схожим.

4. Значительная часть проведенного исследования посвящена анализу применения института *frustration* в английском праве. Нами была исследована история развития института существенного изменения обстоятельств в английском праве, что позволило лучше понять современную модель его функционирования. Институт *frustration* в английском праве представляет собой отступление от *doctrine of absolute contracts*. Обобщив приведенную в работе судебную практику английских судов и выработанные ими подходы к применению института существенного изменения обстоятельств, автор классифицировал все существовавшие во время развития института *frustration* подходы: согласно первому подходу в контракт включены некоторые условия, существование которых подразумевается сторонами, и при существенном изменении обстоятельств эти условия применяются; второй подход заключается в том, что наступление соответствующих последствий при существенном изменении обстоятельств – это разумное и справедливое решение; третий подход

основывается на отсутствии согласия сторон на изменение существа обязательств, выраженное при заключении договора.

5.Анализируя подробности применения *frustration* в соответствии с английским правом, мы обращаемся к анализу отдельных оснований ее применения, т.к. это имеет важное значение с точки зрения сравнения *frustration* в английском праве и существенного изменения обстоятельств в российском праве. Одно из рассмотренных условий – невозможность исполнения договора вследствие изменения законодательства или изменения обстоятельств, которые влияют на условия применения такого законодательства. Сюда же относится и вновь предусмотренная необходимость наличия лицензии для осуществления деятельности, предусмотренной договором. Сравнив подходы английского и российского права, автор пришел к выводу о том, что в российском и английском праве они разнятся; в российском праве принятие акта органом государственной власти или органом местного самоуправления является основанием для прекращения обязательства и отделено от института существенного изменения обстоятельств. Автор приходит к выводу, что, скорее, подход английского права является более верным и обосновывает необходимость внесения соответствующих изменений в законодательство.

6.Следующее основание, которое английской доктриной рассматривается как основание для применения *frustration* – физическая невозможность исполнения контракта. Автором было выявлено, что основанием для физической невозможности исполнения в английском праве является смерть или тяжелая болезнь исполнителя, препятствующая исполнению обязательства; гибель предмета договора; недоступность источника, из которого должен был быть получен ресурс, являющийся предметом обязательства или необходимый для его исполнения; возникновение иных затруднительных обстоятельств. Нами были рассмотрены отдельные особенности применения на практике всех указанных обстоятельств.

7.Необходимо различать возникновение «затруднений» (*hardships*) при исполнении договора и наступившую невозможность его исполнения в

английском праве. В первом случае возможность исполнения сохраняется, но контракт становится невыгодным для исполнения сторон. Это означает, что для исполнения договора стороне необходимо затратить гораздо большее количество ресурсов, чем она планировала при заключении договора. Вместе с тем, несмотря на возможные убытки стороны, такие «затруднения» не признаются существенным изменением обстоятельств и не влияют на судьбу контракта. Экономические кризисы, как правило, не признаются существенным изменением обстоятельств. В качестве существенного изменения обстоятельств английское право также рассматривает наступившую невозможность исполнить договором способом, который в нем указан; ситуацию, при которой событие, которое имеет решающее значение для исполнения обязательств по контракту, должно было произойти, но не произошло, и иные обстоятельства.

8. В качестве последствия применения *frustration*, в отличие от российского права, по английскому праву выступает только расторжение договора, в то время как в российском праве у суда существует возможность также его изменения.

9. Автором также был исследован институт существенного изменения обстоятельств в соответствии с российском правом. Исследовав историю возникновения института существенного изменения обстоятельств в России, автор пришел к выводу, что он появился в законодательстве Российской Федерации только в конце XX века, что, в свою очередь, обуславливает отсутствие большого количества теоретических разработок по указанному вопросу, а также противоречивость судебной практики.

10. На основании анализа всех нормативных актов, которые на настоящий момент регулируют институт существенного изменения обстоятельств, можно выделить общий и специальные акты. Общий акт – это Гражданский Кодекс РФ, в частности, статья 451 Гражданского Кодекса РФ. Специальные акты – это любые акты, в которых упоминается институт существенного изменения обстоятельств либо путем отсылки к указанной выше статье, либо путем конкретизации условий его применения. Среди специальных актов есть акты как частного, так и публичного права. В параграфе было обосновано, почему следует

изменить статью 42 Семейного Кодекса РФ и оставить в ней исключительно отсылку на пункты 1, 3 и 4 статьи 451 Гражданского Кодекса РФ.

11. В работе нами было проанализировано соотношение статей 417 и 451 Гражданского Кодекса РФ. Автор пришел к выводу о том, что применение института существенного изменения обстоятельств больше отвечает интересам сторон и оборота, нежели применение статьи 417 Гражданского Кодекса РФ. Для разграничения применения указанных статей, учитывая последствия их использования, необходимо законодательно установить пресекательный срок действия нормативного акта, повлиявшего на возможность сторон исполнять обязательство. Автором был предложен шестимесячный пресекательный срок, после которого применение статьи 451 Гражданского Кодекса РФ невозможно.

12. На основании проведенного исследования автором был сделан вывод о том, что понятие «существенного изменения обстоятельств» не является единым применительно ко всей системе отечественного законодательства. В частности, это выражается в том, что в публичном праве институт существенного изменения обстоятельств должен пониматься иначе, нежели в частном праве; он имеет разное содержание и разную направленность. Именно поэтому, применяя статью 451 Гражданского кодекса РФ, необходимо учитывать особенности правоотношений. Вместе с тем, учитывая общеправовой характер, принципы справедливости, разумности и добросовестности подлежат применению как к существенному изменению обстоятельств в частно-правовом понимании, так и публично-правовом понимании.

13. Автором было обосновано, почему, по его мнению, необходимо разделять основания применения статьи 451 Гражданского Кодекса РФ и установить различные стандарты доказывания в отношении физических лиц и индивидуальных предпринимателей. Такая необходимость, по мнению автора, обусловлена тем, что они отличаются с точки зрения оценки возможности наступления событий и прогнозирования наступления тех или иных обстоятельств. Физическим лицам, в отличие от субъектов предпринимательской

деятельности, также может быть сложно установить наличие тех или иных обстоятельств на момент заключения договора.

14.В работе обосновывается, почему мы считаем необходимым ввести шестимесячный пресекательный срок исковой давности для требований, вытекающих из существенного изменения обстоятельств. Полагаем, что это будет направлено на стабилизацию гражданского оборота.

15.Автором приводятся аргументы в пользу изменения практики судов, которая направлена на расторжение, а не на изменение договора. Полагаем, что именно направленность судов на изменение договора должна превалировать, а судебское усмотрение в этом отношении должно быть значительно расширено.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

Нормативные правовые акты

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации (www.pravo.gov.ru) от 6.10.2022 г., ст. 0001202210060013.
2. Гражданский кодекс Российской Федерации от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (Часть 1) // Собрание законодательства РФ. – 05.12.1994. – № 32. – Ст. 3301.
3. Семейный кодекс Российской Федерации от 29.12.1995 № 223-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 16.
4. Водный кодекс Российской Федерации от 03.06.2006 № 74-ФЗ // Собрание законодательства РФ. – 05.06.2006. – № 23. – Ст. 2381.
5. Закон РФ от 07.02.1992 № 2300-1 «О защите прав потребителей» // Собрание законодательства РФ. – 15.01.1996. – № 3. – Ст. 140.
6. Федеральный закон от 30.12.1995 № 225-ФЗ «О соглашениях о разделе продукции» // Собрание законодательства РФ. – 01.01.1996. – № 1. – Ст. 18.
7. Федеральный закон от 24.11.1996 № 132-ФЗ «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 02.12.1996. – № 49. – Ст. 5491.
8. Федеральный закон от 25.02.1999 № 39-ФЗ «Об инвестиционной деятельности в Российской Федерации, осуществляемой в форме капитальных вложений» // Собрание законодательства РФ. – 01.03.1999. – № 9. – Ст. 1096.
9. Федеральный закон от 10.07.2002 № 86-ФЗ «О Центральном банке Российской Федерации (Банке России)» // Собрание законодательства РФ. – 15.07.2002. – № 28. – Ст. 2790.
10. Федеральный закон от 26.10.2002 № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» // Собрание законодательства РФ. – 28.10.2002. – № 43. – Ст. 4190.

11. Федеральный закон от 22.07.2005 № 116-ФЗ «Об особых экономических зонах в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 25.07.2005. – № 30 (ч. II). – Ст. 3127.
12. Федеральный закон от 29.12.2014 № 473-ФЗ «О территориях опережающего социально-экономического развития в Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. – 05.01.2015. – № 1 (часть I). – Ст. 26.
13. Федеральный закон от 01.04.2020 № 98-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций» // Собрание законодательства РФ. – 06.04.2020. – № 14 (часть I). – Ст. 2028.
14. О порядке установления Центральным банком Российской Федерации официальных курсов иностранных валют к рублю: приказ Банка России от 31.12.1998 № ОД-643 // Вестник Банка России – 12.01.1999. – № 1. – С. 20.
15. О введении режима повышенной готовности: указ Мэра Москвы от 5 марта 2020 г. N 12-УМ // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», март 2020 г., - № 14. – С. 3-4.
16. Об этапах снятия ограничений, установленных в связи с введением режима повышенной готовности: указ Мэра Москвы от 08.06.2020 № 68-УМ // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», июнь 2020 г., - № 33. – С.3-5.
17. О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 8 июня 2020 г. N 68-УМ : указ Мэра Москвы от 12.06.2021 № 29-УМ // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», июнь 2021 г., - № 34 . – С. 2-4.
18. О внесении изменений в указ Мэра Москвы от 8 июня 2020 г. N 68-УМ : указ Мэра Москвы от 18.06.2021 № 32-УМ // «Вестник Мэра и Правительства Москвы», июнь 2021 г., - N 35 . – С. 5.
19. Гражданский кодекс РСФСР 1964 г. (утратил силу) // Ведомости ВС РСФСР. – 1964. – № 24. – Ст. 407.

Международно-правовые нормативные акты

20. Конвенция о Единообразном законе о заключении договоров о международной купле - продаже товаров 1964г. // Регистр текстов международных конвенций и других документов, касающихся права международной торговли. Т. I. – Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1971. – С. 75-84.
21. Венская Конвенция о праве международных договоров // Сборник международных договоров СССР. – 1988. – Выпуск XLII.
22. Конвенция Организации Объединенных Наций о договорах международной купли-продажи товаров // Вестник ВАС РФ. – 1994. – № 1.
23. Принципы международных коммерческих договоров (Принципы УНИДРУА) // Закон. – 1995. – № 12.
24. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2004 / Комаров А.С. - М.: Статут, 2006. - 735 с.
25. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА 2010 /. Пер. с англ. А.С. Комарова. – М.: Статут, 2013. – LXXIV, 758 с.

Монографии

26. Демин, А. В. «Мягкое право» в эпоху перемен. Опыт компаративного исследования : монография / А. В. Демин ; Сиб. федер. ун-т, Юрид. ин-т. – Москва : Проспект, 2016. – 240 с.
27. Позднышева, Е. В. Расторжение и изменение гражданско-правового договора : монография / Е. В. Позднышева. – Москва : Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве Российской Федерации, Юриспруденция, 2018. – 232 с.
28. Розенберг М.Г. Контракт международной купли-продажи. Современная практика заключения. Разрешение споров / Розенберг М.Г. – 2-е изд., перераб. и доп. - М.: Изд-во Междунар. центра финансово-эконом. развития, 1996. – 768 с.

29. Сарбаш СВ. Исполнение договорного обязательства. М.: Статут, 2005. 636 с.

Учебная литература, комментарии

30. Гражданское уложение. Книга Пятая. Проект Высочайше учрежденной Редакционной Комиссии по составлению Гражданского Уложения. С объяснениями. – Т.2 – С. Петербург. – 1899. – 659 с.
31. Договорное и обязательственное право (общая часть): постатейный комментарий к статьям 307–453 Гражданского кодекса Российской Федерации [Электронное издание] / Отв. ред. А.Г. Карапетов. – М.: М-Логос, 2017. – 1120 с.
32. Нам К.В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики: учебник / К.В. Нам. – Москва: Статут, 2019. – 280 с.
33. Покровский И.А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 1998. 349 с.
34. Скловский К.И. Сделка и ее действие (4-е изд., доп.). Комментарий главы 9 ГК РФ. Принцип добросовестности./ Скловский К.И. – Москва: Статут, 2019. – 278 с.

Статьи

35. Алимова Я.О. Принципы международных коммерческих договоров УНИДРУА и «общие принципы права»: соотношение и взаимодействие // Труды Оренбургского института (филиала) Московской государственной юридической академии. – 2011. – № 13. – С. 172-176.
36. Бергер К.П., Арнц Т. Принцип добросовестности в английском коммерческом договорном праве. Обзор актуальной английской судебной практики // Вестник гражданского права. – 2016. – № 3. – С. 234-269.
37. Брисов Ю.В. Реализация доктрины добросовестности в корпоративных правоотношениях // Актуальные проблемы российского права. – 2019. – № 12. – С. 70 - 80.
38. Варул П. Принципы и модельные правила современного частного права // Закон. – 2014. – № 6. – С. 56-60.

39. Витрянский В.В. Гражданский кодекс и суд // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. – 1997. – № 7. – С. 132.
40. Вольфсон В.Л. Соотношение *exceptio non adimpleti contractus* и *clausula rebus sic stantibus* как способов восстановления баланса интересов: теория и современное развитие // Ленинградский юридический журнал. – 2020. – № 4(62). – С. 95–114.
41. Генкин Д.М. Великая Отечественная Война и вопросы гражданского права: Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны // Ученые записки: Вопросы гражданского и трудового права периода Великой Отечественной войны. Ученые записки ВИЮН. - М.: Юрид. изд-во НКЮ СССР, 1944, Вып. 3. - С. 3-30.
42. Дождев Д.В. Изменение и расторжение договора вследствие существенного изменения обстоятельств: европейская правовая традиция и современные тенденции // Труды Института государства и права Российской Академии Наук. – № 1. – 2018. – С. 103-121.
43. Зайцев В.В., Рыбаков В.А. Некоторые теоретические вопросы развития гражданского законодательства // Право и экономика. 2015. № 9. С. 11 - 13.
44. Зайцева Н.В. Принцип добросовестности и его влияние на квалификацию правовых связей // Вестник Пермского университета. Юридические науки. – 2020. – № 49. – С. 476-501.
45. Иванов А.А. Незыблемость договора (*pacta sunt servanda*) и его недействительность // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 12. – С. 31 - 43.
46. Кискачи М.А. Допустимость выбора Принципов УНИДРУА в качестве применимого права в случае рассмотрения спора в суде // Российский юридический журнал. 2019. – № 5. – С. 153-167.
47. Киченина В.С., Фесенко Э.А. Реализация принципа *pacta sunt servanda* в современных международноправовых отношениях // Юридическая наука. – 2020. – №1. – С. 71-75.

48. Козлова Н.В., Ягельницкий А.А. Расторжение гражданско-правового договора в связи с существенным изменением обстоятельств // Вестник Московского университета. – Сер. 11. Право. – 2010. – № 3. – С. 35-51.
49. Козырь М. Халфина Р.О. Общее учение о правоотношении. - М.: Юрид. лит., 1974. - 345 с. // Социалистическая законность. - М.: Известия, 1976, № 3. - С. 90-91.
50. Коновалов А.В. Понятие справедливости в гражданском праве // Lex russica. – 2019. – № 8. – С. 27-36.
51. Ладыженский А. М. Международный договор и оговорка относительно «*rebus sic stantibus*». Отдельный оттиск из журнала «Юридический вестник», 1915 г., кн. X (II). М. – 1915. – 27 с.
52. Михайлова Л.А. Негосударственное регулирование в сфере трансграничных агентских отношений // Актуальные проблемы российского права. – 2021. – № 3. – С. 168-176.
53. Малхасян А.Г. Возникновение и развитие доктрины изменения обстоятельств как исключения из правила о святости договоров в континентальной Европе // Вестник Российско-Армянского (Славянского) университета: гуманитарные и общественные науки. – 2016. – № 2. – С. 123-135.
54. Москальков А.В. Значение Инкотермс в международной торговле // Международное публичное и частное право. – 2021. – № 2. – С. 19-23.
55. Нам К.В. Принцип добросовестности как правовой принцип // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 2. – С. 88-103.
56. Нам К.В. Статья 451 ГК РФ и доктрина существенного изменения обстоятельств // Вестник гражданского права. – 2019. – № 6. – С. 137-154.
57. Новикова Т.В. Подразумеваемые соглашения о применимом праве: обзор судебной и арбитражной практики // Электронное приложение к «Российскому юридическому журналу». – 2019. – № 5. – С. 39-49.
58. Новицкий И.Б. Принцип доброй совести в проекте обязательственного права // Вестник гражданского права. 2006. № 1. СПС Консультант Плюс.

59. Ойгензихт В.А. Хозяйственная невозможность исполнения обязательств социалистическими организациями: Сб. работ кафедры гражданского права и процесса. 1969. – Душанбе. – 1970. – С. 124-126.

60. Орлов Г.Н. О понятии «существо договора» в Гражданском кодексе Российской Федерации и его применении в формировании договорных связей субъектов предпринимательской деятельности // Российский судья. 2020. – № 7. – С. 22-29.

61. Петрова Д.С. Последующее изменение обстановки и его влияние на договорные обязательства в российском праве: политико-правовой анализ и актуальные проблемы правоприменения // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2021. – № 5. – С. 72-122.

62. Полдников Д.Ю. Проблема обязательности договоров: взгляд Саламанкской школы XVI века // Право. Журнал Высшей школы экономики. – 2011. – №2. – С. 39-50.

63. Полдников Д.Ю. Происхождение оговорки о неизменности обстоятельств (*clausula rebus sic stantibus*) в доктрине правоведов *ius commune* // Вестник Московского университета. Серия 11: Право. – 2015. – № 3. – С. 22-34.

64. Ручкин Р.О. Отзыв Банком России лицензий на осуществление банковских операций: реализация на практике // Банковское право. – 2018. – № 3. – С. 47- 62.

65. Сиземова О.Б., Пчелкин А.В., Мамаков А.М. Сравнительный анализ законодательства о банкротстве физических лиц России и США // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. – 2018. – № 5. – С. 80-87.

66. Симонова Н.С. Применение *clausula rebus sic stantibus* в контексте принципа добросовестности // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Право. – 2015. – Т. 11. № 1. – С. 119-127.

67. Скловский К.И. Применение норм о доброй совести в гражданском праве России // Хозяйство и право. – 2002. - № 9. – С. 79-94.

68. Соменков С.А. Прекращение договорных обязательств в связи с существенным изменением обстоятельств // Законы России: опыт, анализ, практика. – 2010. – № 12.
69. Сосипатрова Н.Е., Мосеев А.А. Непредвиденность изменения обстоятельств как критерий расторжения договора на основании ст. 451 ГК РФ // Вопросы современной юриспруденции. – 2015. – №10-11 (50).
70. Томсинов В.А. Римское право в средневековой Англии/ В.А. Томсинов // Античная древность и средние века. — Свердловск, 1985. — [Вып. 22]: Проблемы социального развития. — С. 122-134.
71. Фалилеев О.О. Существенное изменение обстоятельств, связанное с изменением законодательства // ИСОМ. – 2014. – № 6-2.
72. Фролов А.И. Существенное изменение обстоятельств как основание изменения и расторжения договора: признаки и условия реализации // Вестник Новосибирского государственного университета. – Серия: право. Том 11. – № 1. – 2015. – С. 81-90.
73. Хесселинк М.В. Принцип добросовестности // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. – 2020. – № 8. – С. 157-187.
74. Щербакова Е.О. Эволюция института существенного изменения обстоятельств // Право и экономика. – 2020. – № 9 (391). – С. 13-18.
75. Яковлев В.Ф. О функциях гражданского права// Развитие основных идей Гражданского кодекса России в современном законодательстве и судебной практике: Сборник статей, посвященный 70-летию С.А. Хохлова. СПС Консультант Плюс.
76. Ястребов В.В. Понятие оговорки “*clausula rebus sic stantibus*” // Science Time. 2015. – № 12 (24). – С. 899-904.

Диссертации и авторефераты диссертаций

77. Амирова Н.А. Принципы исполнения обязательств в торговом обороте: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Амирова Нина Асифовна. – М., 2009. – 190 с.

78. Вайпан В.А. Реализация принципа социальной справедливости в правовом регулировании предпринимательской деятельности: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.03 / Вайпан Виктор Алексеевич. – М., 2019. – 270 с.

79. Велижанина М.Ю. «Мягкое право»: его сущность и роль в регулировании международных отношений: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Велижанина Марина Юрьевна. – М., 2007. – 165 с.

80. Дудко А.Г. Правовая адаптация долгосрочных договоров к изменившимся обстоятельствам: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Дудко Алексей Георгиевич – М., 2002. – 219 с.

81. Иванова С.А. Принцип справедливости в гражданском праве России: дис. ... д-ра юрид. наук: 12.00.01, 12.00.03 / Иванова Светлана Анатольевна. – М., 2006. – 415 с.

82. Мулюн В.Н. Особенности соотношения международного и внутригосударственного права в деятельности Всемирной торговой организации, Международного валютного фонда и группы Всемирного банка : дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.10 / Мулюн Владислав Николаевич. – М., 2009. – 218 с.

83. Назыков А.Л. «Оговорка о неизменности обстоятельств» и ее рецепция в российском гражданском праве (*Clausula rebus stantibus*): дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Назыков Артем Леонидович. – Ростов-на-Дону, 2007. – 220 с.

84. Очхаев Т.Г. Изменение и расторжение договора в связи с существенным изменением обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.03 / Очхаев Тимур Геннадьевич – М., 2015. – 249 с.

85. Петрова Д.С. Последствия отпадения цели договора в российском праве и английский институт *frustration of purpose*: сравнительный анализ: дис. ... канд. юриди. наук: 12.00.03 / Петрова Дарья Сергеевна – Санкт-Петербург, 2021. – 484 с.

86. Полдников Д.Ю. Формирование учения о договоре в правовой науке Западной Европы: XII - XVI вв.: дис. ... док-ра юрид. наук: 12.00.01 / Полдников Дмитрий Юрьевич – М., 2016. – 572 с.

87. Попов Н.В. Теоретические и практические вопросы изменения и расторжения гражданско-правового договора в связи с изменением обстоятельств: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / Попов Николай Васильевич. – М., 2007. – 170 с.

88. Попова А.В. Принцип добросовестности в международном коммерческом обороте: Законодательство и судебная практика Российской Федерации и стран-членов Европейского Союза: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. / Попова Антонина Васильевна – М., 2005. – 195 с.

89. Седова Ж.И. Международно-правовой принцип добросовестности как основа регулирования частноправовых отношений: диссертация...доктора юридических наук: 5.1.3. Москва, 2024. – 569 с.

90. Сорокина Е.А. Категория добросовестности в западной традиции права: историко-теоретический аспект: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.01 / Сорокина Елена Александровна. – М., 2009. – 180 с.

91. Халафян Р.М. Нормы международного «мягкого права» в правовой системе Российской Федерации: диссертация ... кандидата юридических наук: 12.00.10 / Халафян Рустам Мартикович. – Казань, 2016. – 273 с.

92. Чистяков К.Е. Изменение и расторжение гражданско-правового договора: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03 / Чистяков Кирилл Евгеньевич – Томск, 2002. – 192 с.

93. Шерстобитов А.Е. Злоупотребление правом (доктрина и практика) // Проблемы развития частного права: Сборник статей к юбилею Владимира Саурсеевича Ема / Отв. ред. Е.А. Суханов, Н.В. Козлова. М.: Статут, 2011. СПС Консультант Плюс.

94. Щербакова Е. О. Доктрина существенного изменения обстоятельств в английском праве. Часть 1 // Право и экономика. – 2021. – № 8(402). – С. 22-26.

Источники и литература на иностранных языках

95. Abbott K. W., Snidal D. Hard and soft law in international governance // International organization. – 2000. – Vol. 54. – №3 – P.421-456.

96. Aksoy H. C. Impossibility in modern private law. – Springer International Publishing Switzerland. – 2014. – 221 p.
97. Berger K. P. The Principles of European Contract Law and the Concept of the "Creeping Codification" of Law //European review of private law. – 2001. – Vol. 9. – №. 1. – 197 p.
98. Brierley J. E. C. The renewal of Quebec's distinct legal culture: The new Civil Code of Quebec //University of Toronto Law Journal. – 1992. – P. 484-503.
99. Brunner, Christoph: Force majeure and Hardship Excuse Under General Contract Principles:Exemption for Non-performance in International Arbitration. – Kluwer Law International B.V. – 2009. – 589 p.
100. Chen-Wishart M. Contract law. – Oxford University Press. – 2012. – p.315.
101. Druzin B. H. Why does soft law have any power anyway? //Asian Journal of International Law. – 2017. – Vol. 7. – №. 2. – P. 361-378.
102. Dupuy P. M. Soft law and the international law of the environment //Mich. J. Int'l L. – 1990. – T. 12. – 420 p.
103. Ewan McKendrick. Good Faith: a Matter of Principle? // Forte A. D. M., Forte A. D. M. (ed.). Good faith in contract and property law. – Hart publishing. – 1999. – P. 39-62.
104. Flambouras D. P. The doctrines of impossibility of performance and clausula rebus sic stantibus in the 1980 convention on contracts for the international sale of goods and the principles of European contract law-a comparative analysis // Pace Intl'l L. Rev. – 2001. – Vol. 13. – P. 261-293.
105. Flechtner H. Article 79 of the United Nations Convention on Contracts for the International Sale of Goods (CISG) as Rorschach Test: The Homeward Trend and Exemption for Delivering Non-Conforming Goods //Pace Int'l L. Rev. – 2007. – Vol. 19. – P. 29-51.
106. Guzman A. T., Meyer T. L. International soft law //Journal of Legal Analysis. – 2010. – Vol. 2. – №. 1. – P. 171-225.

107. Hannes Rösler Hardship in German codified private law—in comparative perspective to English, French and International Contract Law //European Review of Private Law (ERPL). – Vol. 15. – 2007. – P. 483-513.
108. Hondius, Ewoud. "Change of circumstances: the Trento project." – 2012. – P. 115-133.
109. Honnold, J. and Flechtner, H.M., Uniform law for international sales under the 1980 United Nations. 4th Edition. // Kluwer Law International. – 2009. – 748 p.
110. Hyland Richard, "Pacta Sunt Servanda: A Meditation" // Virginia Journal of International Law, Vol.34(2), pp.405-433.
111. Lando, O., Udenrigshandelens kontrakter, 3rd ed. // DJØF Forlag, Copenhagen. – 1987. – 299 p.
112. Mazzacano, P.J., Force Majeure, Impossibility, Frustration & the Like: Excuses for Non-Performance; the Historical Origins and Development of an Autonomous Commercial Norm in the CISG. – NJCL. – 2011. – 55 p.
113. Michaels R. The UNIDROIT Principles as global background law //Uniform Law Review. – 2014. – Vol. 19. – №. 4. – P. 643-668.
114. Moss S. The Why the United Kingdom Has Not Ratified the CISG //JL & Com. – 2005. – Vol. 25. – P. 483-485.
115. Peel E., Treitel G. H. The law of contract. // London : Sweet & Maxwell. – 2007. – 1428 p.
116. Schlechtriem P. Requirements of Application and Sphere of Applicability of the CISG //Victoria U. Wellington L. Rev. – 2005. – Vol. 36. – P. 781-794.
117. Senden L. Soft law in European Community law. – Hart publishing. – 2004. – Vol. 1. – 592 p.
118. Thier, Andreas Legal history // Hondius, Ewoud; Grigoleit, Hans Christoph. Unexpected circumstances in European contract law. Cambridge, UK: Cambridge University Press. – 2011. – P. 15-32.
119. Uribe R. M. Change Of Circumstances In International Instruments Of Contract Law. The Approach Of The Cisg, Picc, Pecl And Dcfr //European Review of Private Law. – 2011. – №. 15 (2). – P.233-266.

120. Viscasillas, Pilar Perales: The Role of the UNIDROIT Principles and the PECL in the Interpretation and Gap-filling of CISG, in CISG Methodology (Janssen, Andre'/Meyer, Olaf). // Sellier, Mu"nchen. – 2009. – P. 287-317.

121. Von Bar C., Clive E., Schulte-Nölke H. Principles, definitions and model rules of European private law: Draft Common Frame of Reference (DCFR). – Walter de Gruyter. – 2009. – 4516 p.

122. Wehberg Hans, "Pacta Sunt Servanda" // The American Journal of International Law. – Vol. 53. – 1959. – №. 4. – P. 775-786.

123. Zimmermann, Reinhard. The law of obligations: Roman foundations of the civilian tradition // Clarendon Press. – 1996. – 1241 p.

Судебная практика

124. Определение Конституционного Суда РФ от 26.05.2016 № 1019-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы граждан Кравченко Андрея Анатольевича и Кравченко Надежды Михайловны на нарушение их конституционных прав статьей 451 Гражданского кодекса Российской Федерации» // СПС Консультант Плюс.

125. Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 // Бюллетень Верховного Суда РФ – 2020. – № 5. – С. 39-48.

126. Постановление Президиума ВАС РФ от 07.08.2001 № 4876/01 // СПС Консультант Плюс.

127. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.06.2015 № 25 «О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации» // Российская газета. – 2015. – № 140.

128. Постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2019 № 24 «О применении норм международного частного права судами Российской Федерации» // Российская газета. – 2019. – № 154.

129. Определение Верховного Суда РФ от 30.07.2013 № 18-КГ13-70 // СПС Консультант Плюс.

130. Определение Верховного Суда РФ от 16.08.2017 № 310-ЭС17-10235 по делу № А84-2617/2015 // СПС Консультант Плюс.

131. Определение Верховного Суда РФ от 24.07.2019 № 307-ЭС19-11834 по делу № А26-2020/2018 // СПС Консультант Плюс.

132. Определение Верховного Суда РФ от 10.11.2020 № 303-ЭС20-17042 по делу № А24-5803/2019 // СПС Консультант Плюс.

133. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 16.08.2016 № 57-КГ16-7 // СПС Консультант Плюс.

134. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 13.09.2016 № 18-КГ16-102 // СПС Консультант Плюс.

135. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 23.05.2017 № 301-ЭС16-18586 по делу № А39-5782/2015 // СПС Консультант Плюс.

136. Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 22.06.2021 № 48-КГ21-6-К7, 2-408/2020 // СПС Консультант Плюс.

137. Постановление Президиума ВАС РФ от 13.09.2005 № 11096/04 // Вестник ВАС РФ. – 2006. – № 1.

138. Постановлении Президиума ВАС РФ от 13.04.2010 № 1074/10 по делу № А40-90259/08-28-767 // СПС Консультант Плюс.

139. Постановление ФАС Московского округа от 16.12.2013 № Ф05-15509/2013 по делу № А40-123740/12 // СПС Консультант Плюс.

140. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 14 марта 2016 г. № Ф05-1751/16 по делу № А41-19152/2015 // СПС Консультант Плюс.

141. Постановление ФАС Центрального округа от 24.02.2014 по делу № А62-8279/2012 // СПС Консультант Плюс.

142. Постановление ФАС Центрального округа от 30.01.2014 по делу № А14-2481/2013 // СПС Консультант Плюс.

143. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 13.04.2016 № Ф01-1156/2016 по делу № А43-6866/2015 // СПС Консультант Плюс.
144. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 04.09.2017 № Ф01-2969/2017 по делу № А43-24625/2016 // СПС Консультант Плюс.
145. Постановление Арбитражного суда Волго-Вятского округа от 16.08.2019 № Ф01-3577/2019 по делу № А28-3399/2018 // СПС Консультант Плюс.
146. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 16.10.2018 № Ф02-4575/2018 по делу № А33-34394/2017 // СПС Консультант Плюс.
147. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 01.11.2018 № Ф02-4921/2018 по делу № А33-28773/2017 // СПС Консультант Плюс.
148. Постановление Арбитражного суда Восточно-Сибирского округа от 20.03.2020 № Ф02-747/2020 по делу № А78-445/2019 // СПС Консультант Плюс.
149. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.12.2014 № Ф05-14763/2014 по делу № А40-187114/13 // СПС Консультант Плюс.
150. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 21.07.2016 № Ф05-10080/2016 по делу № А41-54476/14 // СПС Консультант Плюс.
151. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 25.04.2017 № Ф05-1740/2017 по делу № А40-201776/15 // СПС Консультант Плюс.
152. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 15.10.2018 № Ф05-16635/2018 по делу № А40-236544/2017 // СПС Консультант Плюс.
153. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 26.03.2019 № Ф05-2730/2019 по делу № А40-102028/2018 // СПС Консультант Плюс.
154. Постановление Арбитражного суда Московского округа от 29.06.2021 № Ф05-14149/2021 по делу № А40-130161/2020 // СПС Консультант Плюс.
155. Постановление Арбитражного суда Поволжского округа от 27.12.2017 № Ф06-27942/2017 по делу № А65-3392/2017 // СПС Консультант Плюс.
156. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 19.07.2016 № Ф07-6098/2016 по делу № А21-3682/2015 // СПС Консультант Плюс.
157. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 20.10.2017 № Ф07-9853/2017 по делу № А56-70891/2016 // СПС Консультант Плюс.

158. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 07.02.2018 № Ф07-16193/2017, Ф07-16198/2017 по делу № А56-79974/2016 // СПС Консультант Плюс.

159. Постановление Арбитражного суда Северо-Западного округа от 12.08.2021 № Ф07-9059/2021 по делу № А56-81720/2020 // СПС Консультант Плюс.

160. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 11.11.2016 № Ф08-8358/2016 по делу № А32-4133/2016 // СПС Консультант Плюс.

161. Постановление Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 21.02.2020 № Ф08-730/2020 по делу № А53-5830/2019 // СПС Консультант Плюс;

162. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 16.04.2021 № Ф09-1548/21 по делу № А60-11052/2020 // СПС Консультант Плюс.

163. Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 05.10.2021 № Ф09-6659/21 по делу № А50-28194/2020 // СПС Консультант Плюс.

164. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 17.04.2018 № Ф10-573/2017 по делу № А84-1077/2016 // СПС Консультант Плюс.

165. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 23.03.2015 № Ф10-594/2015 по делу № А08-3873/2014 // СПС Консультант Плюс.

166. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.04.2017 № Ф10-1248/2017 по делу № А84-2617/2015 // СПС Консультант Плюс.

167. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 24.12.2019 № Ф10-3488/2019 по делу № А14-20467/2018 // СПС Консультант Плюс.

168. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 27.01.2021 № Ф10-5512/2020 по делу № А84-642/2020 // СПС Консультант Плюс.

169. Постановление Арбитражного суда Центрального округа от 25.08.2021 № Ф10-3601/2021 по делу № А36-5566/2020 // СПС Консультант Плюс.

170. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 29.07.2014 № 09АП-25194/2014 по делу № А40-158794/2013 // СПС Консультант Плюс.

171. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 05.02.2016 № 09АП-57478/2015 по делу № А40-136695/15 // СПС Консультант Плюс

172. Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27.12.2017 № 09АП-57924/2017 по делу № А40-203586/15 // СПС Консультант Плюс.

173. Постановление Тринадцатого арбитражного апелляционного суда от 21.06.2021 № 13АП-13246/2021, 13АП-13248/2021 по делу № А56-70760/2020 // СПС Консультант Плюс.

174. Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 22.03.2010 № 17АП-1843/2010-ГК по делу № А60-53722/2009 // СПС Консультант Плюс.

175. Постановление Девятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 11.02.2020 № 19АП-9021/2019 по делу № А36-8278/2019 // СПС Консультант Плюс.

176. Постановление Двадцать первого арбитражного апелляционного суда от 12.12.2017 № 21АП-1964/2017 по делу № А83-9854/2016 // СПС Консультант Плюс.

177. Апелляционное определение Воронежского областного суда от 13.07.2017 по делу № 33-5439/2017 // СПС Консультант Плюс.

178. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.03.2017 по делу № 33-9956/2017 // СПС Консультант Плюс.

179. Апелляционное определение Московского городского суда от 20.08.2019 по делу № 33-37183/2019 // СПС Консультант Плюс.

180. Апелляционное определение Санкт-Петербургского городского суда от 29.08.2017 № 33-18104/2017 // СПС Консультант Плюс.

181. Определение Краснодарского краевого суда № 44Г-77/2016 от 09.02.2016 // СПС Консультант Плюс.

Электронные ресурсы

182. Law Reform (Frustrated Contracts) Act, 5 August 1943 [Electronic resource] // Legislation.gov.uk. Electronic data. [S. l. et a.]. URL: <https://www.legislation.gov.uk/ukpga/Geo6/6-7/40/introduction> (access date: 18.08.2022).

Иностранные судебные решения

183. Acetylene Corp of Great Britain v Canada Carbide Co (1921) 6 Ll.L.Rep. 410.

184. Adelfamar S.A. V. Silos E Mangimi Martini S.P.A [1988] 2 Lloyd's Rep. 466.

185. Appleby v Myers (1867) LR 2 CP 651.

186. Asfar v Blundell [1874] LR10CP 125.

187. Baily v De Crespigny L. R. 4 Q. B. 180.

188. Bank Line Ltd v Arthur Capel & C [1919] A.C. 435.

189. Blackburn Bobbin Co Ltd v TW Allen Ltd [1918] 1 KB 540.

190. BP Exploration Co. (Libya) Ltd v Hunt (No 2) [1979] 1 WLR 783.

191. Bremer Handelsgesellschaft v Vanden Avenne-Izegem [1978] 2 Lloyd's Rep 109.

192. British Movietone News Limited v London and District Cinemas Limited (1951) 2 ALL E. R. 617.

193. Budgett & Co v Binnington & Co [1891] 1 QB 35.

194. Carter v Boehm (1766) 97 ER 1162, 1164 (Lord Mansfield).

195. Chandler v Webster [1904] 1 KB 493.

196. Classic Maritime Inc v Limbungan Makmur Sdn Bhd [2018] EWHC 2389 (Comm).

197. Codelfa Construction Pty Ltd v SRA (1982) 149 CLR 337.

198. Condor v The Barron Knights Ltd [1966] 1 WLR 87.

199. Congimex Companhia Geral de Comercio Importadora and E Expordarora SARL v Tradax Export SA [1983] 1 Lloyd's Rep. 250.

200. Court of Arbitration of the International Chamber of Commerce, Case No. 7197, 1992.
201. Cricklewood Property and Investment Trust Ltd v Leighton's Investment Trust Ltd 1943 KB 493.
202. CTI Group Inc v Transclear SA [2008] EWCA Civ 856.
203. Dahl v Nelson, Donkin & Co Ltd [1881 – 1885] ALL ER Rep 572.
204. Davis Contractors Limited v Fareham Urban District Council [1956] AC 696.
205. Denny, Mott & Dickson Ltd v Fraser (James B) & Co Ltd [1944] AC 265.
206. Denny, Mott & Dickson v Fraser [1944] AC 265.
207. Edwinton Commercial Corporation & Anor v Tsavlis Russ (Worldwide Salvage & Towage) Ltd (The Sea Angel) [2007] EWCA Civ 547.
208. Embiricos v Reid (Sydney) & Co [1914] 3 KB 45; 30 T.L.R. 451.
209. Ertel Bieber & Co v Rio Tinto Co Ltd [1918] AC 260.
210. F.C. Shepherd & Co. Ltd. v. Jerrom [1985] I.C.R. 552.
211. FA Tamplin Steamship Co Ltd v Anglo-Mexican Petroleum Products Co Ltd [1916] 2 AC 397.
212. FC Shepherd & Co v Jerrom [1987] 1 QB 301.
213. Fibrosa Spolka Akcyjna v Fairbairn Lawson Combe Barbour Ltd [1943] AC 32.
214. Gamarco SA v ICM/Fair Warning (Agency) Ltd [1995] 1 W.L.R. 1226.
215. Hamsard 3147 Ltd v Boots UK Ltd [2013] EWHC 3251 (Pat) at [92].
216. Herne Bay Steamboat Co v Hutton [1903] 2 KB 683.
217. Mulji v Cheong Yue SS Co Ltd [1926] AC 497.
218. Horlock v Beal (1916) 1 AC 486.
219. Howell v Coupland (1876) 1 Q.B.D. 258.
220. International Paper Co v Rockefeller 146 N.Y.S. 371 (1914).
221. J Lauritzen AS v Wijsmuller BV [1990] 1 Lloyd's Rep 1.
222. Jackson v Union Marine Insurance Co Ltd (1874) LR10CP 125.
223. James Scott & Sons Ltd v Del Sel (1922) SC 592 (OH).

- 224. Krell v Henry [1902] 2 KB 740.
- 225. Libyan American Oil Company (LIAMCO) v. Libya. Award of 12 April 1977 // International Law Reports. Vol. 62. P. 140, 169–171.
- 226. Maritime National Fish v Ocean Trawlers Ltd [1935] AC 524.
- 227. Metropolitan Water Board v Dick Kerr [1918] AC 119.
- 228. Monarch Steamship Co Ltd v Karlshamms Oljefabriker [1949] AC 196.
- 229. Morgan v Manser [1948] 1 KB 184.
- 230. Multiservice Bookbinding Ltd v Marden [1979] Ch 84.
- 231. National Carriers Ltd v Panalpina (Northern) Ltd [1981] AC 675.
- 232. Notcutt v Universal Equipment Co [1986] ICR 414.
- 233. Ocean Tramp Tankers Corp v V/O Sovfracht [1964] 2 QB 226.
- 234. Ockerby & Co Ltd v Murdock [1916] 19 W.A.R. 1.
- 235. Paradine v Jane [1647] EWCH KB J5.
- 236. Phillips v Alhambra Palace Co Ltd [1901] 1 QB 59.
- 237. Pioneer Shipping Ltd v BTP Tioxide Ltd, The Nema [1981] 2 All ER 1030.
- 238. Re Badische Co Ltd [1921] 2 Ch.331.
- 239. Sir Lindsay Parkinson & Co Ltd v Commissioners of Works [1949] 2 KB 632.
- 240. Tamplin SS Co Ltd v Anglo-Mexican Petroleum Co [1916] 2 A.C. 397.
- 241. Tandrin Aviation v Aero Toy Store LLC [2010] EWHC.
- 242. Taylor v Caldwell [1863] EWCH QB J1.
- 243. Taylor v Caldwell и Appleby v Myers [1896] 1 QB 123.
- 244. The Eugenia [1964] 1 All ER 161.
- 245. Tsakiroglou & Co Ltd v Noblee Thorl GmbH [1962] AC 93.
- 246. Walton Harvey Ltd v Walker & Homfrays Ltd [1931] 1 Ch 274.
- 247. Whincup v Hughes LR 6 CP 78.
- 248. Yam Seng Pte Ltd v International Trade Corp Ltd [2013] EWHC 111 (QB).